

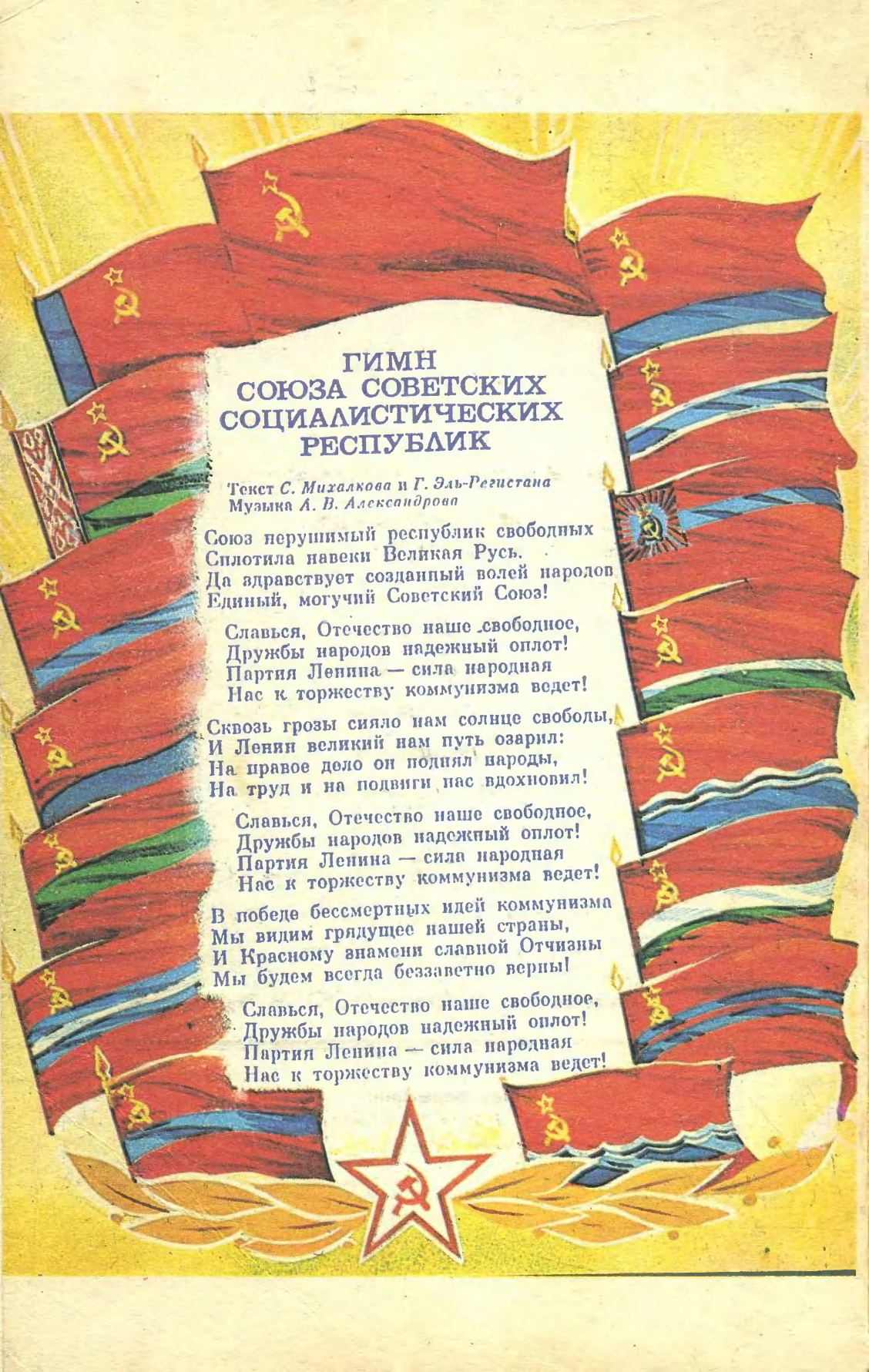
ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132—0831

1982 10

62-981

ГИМН СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Текст С. Михалкова и Г. Эль-Регистана
Музыка А. В. Александрова

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Партия Ленина — сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведёт!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил:
На правое дело он поднял народы,
На труд и на подвиги нас вдохновил!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Партия Ленина — сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведёт!

В победе бессмертных идей коммунизма
Мы видим грядущее нашей страны,
И Красному знамени славной Отчизны
Мы будем всегда беззаветно верны!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Партия Ленина — сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведёт!

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

10 (142) ОКТЯБРЬ 1982
ИЗДАЕТСЯ С 1971 ГОДА

**Научно - популярный
журнал
Министерства
юстиции СССР**

**Издательство
«Известия
Советов народных
депутатов СССР»
Москва**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. М. Сиренко
(главный редактор),
Н. А. Гаврилова, И. В. Гранкин
(заместитель главного редактора),
И. К. Ковалев, И. Н. Кузнецов,
Г. П. Политыко
(ответственный секретарь),
А. М. Рекунков, П. И. Седугин,
Ю. С. Семенов, А. Я. Сухарев,
А. М. Филатов, Ю. М. Чурбанов.

Адрес редакции:
129850, ГСП, Москва, И-110, Олимпийский просп., 22.
Телефон 281-68-12.

В НОМЕРЕ

К 60-летию образования СССР

В. Сиренко. Конституция СССР — Основной Закон дружбы и братства народов	4
А. Тюльпин. Волны на флаге	44

Продовольственная программа — всенародное дело

Георгий Львов. В ритме времени. Очерк	28
В. Пекшев. Чужих забот не бывает	38

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:

Продовольственной программе — правовое обеспечение. Интервью с первым заместителем Председателя Верховного Суда СССР С. И. Гусевым	14
Государственный нотариус свидетельствует... Интервью с заместителем министра юстиции СССР Н. А. Осетровым	23

СОБЕСЕДНИК:

Сверяясь с Основным Законом

Михаил Захаров. Для рабочего человека	51
Асель Бекташева. Не только права, но и обязанности	52
Лидия Жарова. Гарантии охраны здоровья	53
Рудольф Нейман. Готовим кадры для села	54
В. Анисимов. Спор решается на месте	55

НА ОБЛОЖКЕ

Первая страница

Достоинo встречают День Конституции передовые строители, активные общественники Анатолий Ермишкин, Зубер Магомедов и Сергей Соломянов (слева направо). На своем трудовом посту они участвуют в осуществлении Продовольственной программы, вместе с коллективом СУ-200 (г. Москва) взяв обязательство досрочно сдать завод детского питания в Лианозове.

Четвертая страница

Вот уже тридцать пять лет работает лесничим в Юрмалском лес-промхозе Леонхард Эдуардович Кунстберг. За свой благородный труд по охране природы он награжден орденом «Знак Почета».

(Читайте очерк «Волны на флаге»).

Читатель сообщает, предлагает, размышляет	
Махмаджан Курбанов. Рационально использовать каждый гектар	58
П. Раткевич. Сделали для ребят	59
Н. Беломенецкий. А как же совесть?	60

Пострадавшие или пособники?

В. Иванов, А. Ларионов. Знали... и молчали	61
Ю. Трещетенков. «Выгодная» сделка	64

Редакции отвечают	66
-------------------	----

Алла Осадчая. Охотницы за миражами	68
------------------------------------	----

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ:

Читатель на приеме у юриста

В интересах развития личных подсобных хозяйств	75
Об условиях и порядке предоставления льгот женщинам, имеющим детей	80

Н. Матёров. Личная жизнь. Рассказ-быль	82
--	----

Олег Козопольянский. Выстрел после войны. Повесть	92
---	----

Зарубежная мозаика	128
--------------------	-----

Книжная полка	54, 90
---------------	--------

Судебная хроника	57, 60
------------------	--------

Главный художник Н. И. ЛАДЫГИН.

Технический редактор Л. Л. ЕЖОВА.

Корректоры Л. М. ЕРМИЛОВА, Б. С. ТУМЯН.

Сдано в набор 26/VII-82 г. Подписано в печать 13/IX-82 г. А 05658.
 Формат 84 × 108^{1/32}. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72. Уч-изд. л. 9,34.
 Тираж 4 425 000 (1-й завод — 1 000 000 экз.). Цена 60 коп. Зак. 517.

Отпечатано 1 695 000 экз. (из общего тиража 4 425 000 экз.) с матриц
 Первой Образцовой типографии им. А. А. Жданова в типографии
 ордена Ленина комбината печати издательства «Радянська Україна».
 Киев, Анри Барбюса, 51/2. Зак. 55901

В. СИРЕНКО,
кандидат исторических наук

Конституция СССР— Основной Закон дружбы и братства народов

Человеческое достоинство... На чем возрастает это чувство? На сей счет может быть множество мнений. Одно бесспорно — оно невозможно без ощущения подлинного гражданского и национального равноправия и честно исполненного долга.

Законом жизни нашего общества является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех — эти чеканные слова из Конституции СССР стали политическим и нравственным итогом того, о чем мечтали, за что боролись лучшие представители рода людского. Отсчету великих свершений — в политической, экономической, социальной, культурной сферах — положила начало Великая Октябрьская социалистическая революция. Миру бесправия и угнетения народов, говоря словами В. И. Ленина, «рабочие противопоставляют новый мир единства трудящихся всех наций, в котором нет места ни для одной привилегии, ни для малейшего угнетения человека человеком».

Родным домом для более четверти миллиарда свободных и равноправных людей — представителей свыше ста наций, народностей, национальных и этнических групп — стала наша страна. Возведение светлого здания Союза ССР — величайшая историческая заслуга ленинской партии, в которое она вложила свой неустанный труд, талант и духовное горение коммунистов, знания и организаторское искусство кадров.

Ленинские идеалы равенства всех людей, их свободы и братства, воплотившие многовековые народные чаяния, в нашей стране отражены в Основном Законе — Конституции СССР и широко материализуются в советском образе жизни.

ТЕ ЗАКОНЫ ХОРОШИ, ЧТО ДЕЙСТВУЮТ

Под священными лозунгами свободы, равенства и братства в свое время шла к власти буржуазия. Но, получив искомое для себя, она тут же извратила смысл прогрессивных идеалов, размежевав юридическую форму демократических свобод и их социальную сущность. Декларация человеческих прав буржуазного общества стала верной служанкой буржуазии, и ее мораль уместилась в единое слово — «деньги». «...Если у человека были деньги, он был свободен по закону и в действительности, а если у него не было денег, он был свободен только по закону, но отнюдь не в действительности». Эти слова принадлежат буржуазному писателю Джону Голсуорси, а он, как известно, критически морализируя в своих романах, никогда не был склонен к классовой критике общества, к которому принадлежал.

Особенно отчетливо ложь буржуазной демократии видна в осуществлении права на труд, которое, как ни одно другое, вместило в себя все исходные жизни человеческой: кров над головой, семейное счастье, уверенность в завтрашнем дне, общественное положение, уважение окружающих, собственное достоинство. Безработица, антипод этого права, рассматривается буржуазными идеологами не как преходящий фактор, а как вполне «запланированное» явление. Вычисляется даже «приемлемый коэффициент» незанятых по отношению к работающим. В 1976 году обозреватель американского журнала деловых кругов «Форчун» Санфорд Роуз надеялся, что к 1978 году «идеальный» уровень плановой безработицы будет составлять 5,5 процента, и тогда можно будет прекратить меры по ее снижению. Но согласно официальной статистике, к середине 1982 года процент «лишних людей» в США уже достиг девяти, а их численность вплотную подошла к громадной цифре — 11 миллионов человек!

При подобном положении на рынке труда одинаково плохо и американцу в США, и французу во Франции, и турку в Турции, и итальянцу в Италии. Но есть люди, которым еще хуже. Это те, кто терпит дискриминацию по национальному и расовому признаку. Лишение права на труд приобретает в странах капитала еще более уродливые формы. Предприниматели США исповедуют железный принцип: «Нанимай негра последним и увольняй — первым». Европейские предприниматели не менее беззастенчивы и к белым «братьям по расе», если последние говорят на языке соседней

страны, или, что еще хуже, национальных меньшинств. Наемные рабочие из других стран и работают больше, и зарабатывают меньше на самых тяжелых работах: совсем плохо испанцу на «Рено», турку на заводе Круппа, батраку-итальянцу в Швейцарии. Ежели хозяева капиталистического мира столь вольно обращаются с правом человека на труд, провозглашенным рядом буржуазных конституций, что же говорить о реальном осуществлении других конституционных прав? Ведь и само естественное право на жизнь человека и целых народов ставится под сомнение, когда ради наживы правящего класса раздувается безудержная гонка вооружений, разжигаются военные конфликты между странами и народами, открыто готовится всемирная термоядерная бойня!

И что говорить о праве на жизнь и здоровье отдельно взятых граждан тех же «цивилизованных» стран? Для рядового американца, например, заболевание, особенно серьезное,— настоящая финансовая катастрофа. Среднесуточная стоимость пребывания человека в госпитале, которое он оплачивает из своего кармана, составляла до последнего времени 337 долларов. Господство капиталистического предпринимательства в медицине самым пагубным образом сказывается как на здоровье, так и на материальном положении трудящихся. Акт милосердия в капиталистическом мире зависит от законов коммерции. И никакой другой закон не может заставить лечить человека, если он беден.

Издавна бытует мудрость: «Хороши те законы, которые действуют». В странах, где законы остались лишь строчками на вощеной бумаге, а практика их применения четко нацелена на интересы денежного мешка, люди, не чувствуя гражданского равноправия, теряют и чувство собственного достоинства. Десятилетия подтвердили правоту ленинских слов о том, что только при социализме «центр тяжести передвигается от формального признания свобод (как было при буржуазном парламентаризме) к фактическому обеспечению пользования свободами со стороны трудящихся...»

Преимущества социалистической демократии становятся особенно очевидными, когда сама демократия рассматривается с точки зрения конкретной пользы, полученной каждой личностью в развитом социалистическом обществе. Только социализм создает все возможности для свободного и всестороннего развития человека, обеспечивая ему действительные свободы и подлинно демократические права. Новые тому свидетельства — решения XXVI съезда КПСС, принятый в 1977 году Основной Закон СССР, рассматривающий человека как величайшую социальную ценность.

По мере развития социализма произошло исторически закономерное расширение прав и свобод личности, обогащение их содержания, укрепление их гарантий.

В первую очередь это относится к сфере социально-экономических прав и свобод, которые затрагивают самые основы жизни. Право на труд, образование, охрану здоровья и материальное обеспечение в старости, право на жилище, на отдых, гарантированные Конституцией СССР, лишь упоминаются в законодательстве некоторых капиталистических государств.

Обратимся к праву на труд. Провозглашенное статьей 40 Конституции СССР, закрепленное и в действовавшем ранее Основном Законе страны, оно включило в себя также право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и учетом общественных потребностей. На протяжении всей истории наше государство стремилось помочь каждому гражданину обрести свое рабочее место, о чем свидетельствует тот факт, что последняя биржа труда в Советском Союзе была закрыта в 1930 году.

Весьма знаменательно, что вслед за правом на труд наш Основной Закон называет право граждан на отдых и право на охрану здоровья. Таким образом еще раз подчеркивается забота государства о людях труда, и здесь важно отметить, что эти права гарантированы каждому советскому человеку — и младенцу, и школьнику, и рабочему, и колхознику, и пенсионеру. Стало быть, наше государство кровно заинтересовано в здоровье каждого члена общества, от мала до велика.

Независимо от материального и общественного положения каждому человеку в СССР оказывается квалифицированная медицинская помощь. Она бесплатна. И при этом численность врачей в СССР на каждые 10 тысяч населения близка к сорока, тогда как это соотношение в капиталистических странах с самой высокой медицинской обеспеченностью составляет: в США — 22, в ФРГ — 24,5, в Великобритании — 16.

Право на труд тесно связано с правом на образование. Известно, что все виды обучения в нашей стране бесплатны. Более того, после общеобразовательной школы учащиеся и студенты техникумов, вузов получают стипендию от государства.

Помимо широких и надежно гарантированных социально-экономических прав социалистическая демократия обеспечивает гражданам подлинные политические права и свободы.

Участвуя во всех государственных и общественных делах, советские люди пользуются такими политическими правами и свободами, как свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций. И для их осуществления в СССР имеются прочные материальные гарантии. Так, трудящимся и их организациям государство предоставляет общественные здания, улицы,

площади; возможность широко выражать свое мнение, в том числе с помощью печати, радио и телевидения.

Советские люди располагают широким комплексом личных прав и свобод. Всем гражданам гарантируется неприкосновенность личности и жилища. Охраняются законом личная жизнь, тайна переписки и телефонных переговоров, обеспечивается свобода совести.

Законы, как известно, применяют люди. И, пожалуй, в наиболее концентрированном виде взаимосвязь человека и закона обнаруживается в правосудии. Социалистическое правосудие базируется на равенстве граждан перед законом и судом, независимо от их социального и имущественного положения, расовой, национальной принадлежности, пола, языка, образования. В этом — интернациональная сущность общенародного государства, осуществление фактического равенства всех наций и народностей страны. Свидетельством тому служит, в частности, конституционное закрепление принципа, по которому судопроизводство в СССР ведется на языке союзной и автономной республики, автономной области, автономного округа или на языке большинства населения данной местности.

Анализируя права и свободы советского человека, ясно видишь, насколько гуманистична сущность Советской Конституции, и этот гуманизм — действенный. Он позволяет каждому жить достойно, утверждать свое человеческое достоинство и словом, и делом. Поэтому советские люди с гордостью говорят: «Наши законы живут и действуют, и тем они хороши!»

ПОЖАТИЕ БРАТСКИХ РУК

Не случайно в одном из окон РОСТА первых лет Советской власти в ту пору начинающие художники Кукрыникисы воплотили в пожатии трудовых рук союз свободных, равноправных народов-братьев.

Немало воды утекло с тех пор, плакатный символ обрел плоть и кровь: ленинские принципы взаимоотношений между нациями и народностями — социалистический интернационализм и советский патриотизм — превратились в нормы и традиции социалистической демократии. Именно она является основой равенства всех членов советского общества, независимо от национального и расового признака.

Об этом прежде всего свидетельствует национально-государственное устройство СССР. Советское многонациональное государство — первая в мире социалистическая федерация, безусловно обеспечивающая демократическое сочетание интересов всего многомиллионного Союза ССР с интересами каждой из входящих в

него республик, динамичный прогресс и неуклонное сближение всех наций и народностей страны, что отражено в самом названии СССР как единого союзного многонационального государства и в его Основном Законе. Подобной государственно-правовой гармонии нет и не может быть в капиталистических многонациональных государствах, о чем свидетельствуют валлоно-фламандский конфликт в Бельгии, противоречия между англо-канадцами и франко-канадцами, политика геноцида по отношению к коренному населению американского континента, индейцам, — позор Соединенных Штатов. В сионистском Израиле белые выходцы из Европы угнетают «собратьев» — выходцев из Африки, не говоря уж о зверствах, творимых над коренным арабским населением.

Неравноправие наций в капиталистических странах прямо исходит из их экономического неравенства. Подобное явление чуждо нашим законам, нашему образу жизни.

Конституция СССР указывает, что экономика каждой союзной республики представляет собой составную неотъемлемую часть единого взаимосвязанного народнохозяйственного комплекса. Социалистическая демократия постоянно нацелена на укрепление экономической системы как подлинного фундамента равноправия. За исторически короткий срок произошел процесс выравнивания экономических уровней развития наций и народностей нашей страны. Как говорил товарищ Л. И. Брежнев, каждая «наша пятилетка — это ленинская политика дружбы народов, переведенная на язык экономики». Таков сам принцип развития нашего государства, что каждая республика, наращивая собственные материальные и духовные богатства, вместе с тем расширяет возможности общего прогресса.

В этой тесной взаимосвязи — истоки всестороннего сотрудничества и развития славных традиций взаимопомощи многонациональных коллективов, которые рука об руку, плечом к плечу строят Байкало-Амурскую магистраль, подняли Саяно-Шушенскую ГЭС, осваивают нефтяную целину Западной Сибири, преобразуют Российское Нечерноземье. Воодушевленные решениями партии, они теперь претворяют в жизнь грандиозную Продовольственную программу СССР, намеченную XXVI съездом и одобренную майским (1982 года) Пленумом ЦК КПСС.

Одновременно с государственным строительством и экономическим развитием братских республик в стране не только достигнуто выравнивание культурного уровня советских наций и народностей, но и произошел их подлинный расцвет. Сравнений в этой сфере не выдерживают высокоразвитые капиталистические страны. Достаточно сказать, что по масштабам подготовки специалистов советские среднеазиатские республики превзошли Англию и ФРГ. При-

мечательно также, что в этих республиках, где до Великой Октябрьской социалистической революции не было ни одного высшего учебного заведения, а ныне их — 126, удельный вес студента среди населения выше, чем, например, в Италии, Канаде, ФРГ, Франции, Японии.

В национальных культурах все ярче проступает интернационалистское содержание. Лучшие творения того или иного народа становятся достоянием всего общества, всех наций и народностей СССР. Важным средством межнационального общения, взаимообогащения культур, приобщения к высотам и культурным ценностям мировой цивилизации стал русский язык. Таким образом идет благотворный процесс взаимообогащения культур братских народов, формирование культуры единого советского народа.

Общие достижения более чем 100 наций и народностей СССР — это не только итог героического труда рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции той или иной советской республики. Это и результат великой дружбы народов всей страны, бескорыстной всесторонней помощи всех советских народов, и прежде всего русского народа.

В совместном труде все теснее сплавляются народы СССР в нерасторжимую многонациональную семью. Их силы приумножают взаимное доверие и поддержка. Дружба всех наций и народов страны, их монолитная сплоченность стали неотъемлемой гранью советского образа жизни. «И чем дальше мы идем по пути строительства коммунизма,— говорил товарищ Л. И. Брежнев,— чем многообразнее и прочнее становятся экономические, культурные и иные связи, соединяющие воедино все народы СССР, тем сильнее и глубже благородное чувство великой общности, которое мы называем общенациональной гордостью советского человека».

Ленинская национальная политика КПСС, социалистическая демократия постоянно направлены на дальнейший расцвет и сближение социалистических наций. В Конституции СССР подчеркивается, что новая историческая общность людей — советский народ — сложилась на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ, РАВНЫЕ ДЛЯ ВСЕХ

Особым нападкам с позиций буржуазного индивидуализма подвергаются статьи Конституции, в которых речь идет о неотделимости прав и свобод от исполнения гражданином своих обязанностей.

Измышления буржуазных идеологов не имеют ничего общего с теорией и практикой социализма. Советское государство направляет свою деятельность на удовлетворение интересов как всего

общества в целом, так и каждого его члена. Эта цель может быть достигнута лишь на путях все более органического сочетания личных и общественных интересов.

Обратимся к правосудию, к деятельности судов, которым приходится применять закон к конкретным жизненным ситуациям. И, бесспорно, гражданам безразлично, кто регулирует связь человека и закона.

Демократизм советского суда, то есть его подлинная народная сущность, определяется прежде всего выборностью судей, их подотчетностью народу, непосредственным участием трудящихся в осуществлении правосудия. Это значит, что советские люди сами избирают себе судей, имеют реальную возможность получить отчет об их деятельности, отозвать не оправдавших доверие, через своих представителей принять участие в самом механизме судебного процесса.

Каковы же результаты столь активной роли, которую представило социалистическое государство своим гражданам по формированию и деятельности суда?

В июне 1982 года состоялись выборы народных судей районных (городских) народных судов, а также выборы народных заседателей. Всего избрано 10 303 народных судьи и 738 751 народный заседатель.

Как известно, народный заседатель равноправен при осуществлении правосудия с народным судьей. А теперь снова обратимся к цифрам — свыше 700 тысяч советских людей фактически выступают в качестве судей, реально выражают подлинно народное мнение при урегулировании важной взаимосвязи закона и человека, государства и гражданина. В числе заседателей коммунисты (46,4 процента) и беспартийные, рабочие (345 тысяч) и колхозники (свыше 60 тысяч), участники Великой Отечественной войны, ветераны и передовики труда, представители всех наций и народностей нашей страны. Таково осуществление на деле конституционных принципов народности советского суда, интернационализма в кадровой политике, таково действие механизма взаимосвязи интересов личности, общества, государства.

Здесь уместно будет заметить, что принцип выборности судей даже не провозглашен многими буржуазными конституциями. В частности, в США практика назначения судей действует в рамках федеральной юстиции, в 28 штатах судей назначают губернаторы. Разумеется, на судейские посты сажают лиц, готовых и способных верно служить властимущему классу. За красивой же вывеской суда с присяжными скрываются следующие реалии: с участием присяжных в США проходит менее 8 процентов процессов; а в Англии и того меньше — 3 процента.

Из приведенных примеров видно, как в социалистическом обществе взаимоотношения личности и государства постоянно совершенствуются, наполняясь все более высоким демократическим содержанием. Этот процесс находит свое выражение и в других сферах общественных отношений, имеет ряд устойчивых тенденций. Среди них можно назвать такие.

Постоянное расширение социально-экономических, политических, а также личных прав и свобод советских граждан, предоставляемых государством. Так, в Конституции СССР 1977 года закреплено право советских людей на жилище. В предыдущей Конституции оно не называлось. Это — результат создания в СССР надежной материальной базы для его осуществления.

Конституционной нормой стало и право советских людей на участие в управлении государством и делами общества, которое давно вошло в практику общественно-политической жизни СССР.

Вторая устойчивая тенденция заключается в том, что права и свободы советских граждан постоянно получают все более весомую материальную основу. Например, за пятнадцать лет построены жилые дома общей полезной площадью 1591 миллион квадратных метров, что в 1,3 раза превышает весь городской жилищный фонд страны в 1965 году. Более 160 миллионов советских людей улучшили свои жилищные условия.

Социализм создает все более благоприятные возможности для свободного и всестороннего развития каждой человеческой личности. Эти возможности базируются, с одной стороны, на постоянном росте производительных сил, науки, культуры, с другой стороны — на системе разумно организованных общественных отношений.

Речь в последнем случае идет о том, что социалистическая демократия, провозгласив и обеспечив для всех равные социально-экономические, политические и личные права и свободы, одновременно предъявляет к гражданам ряд равных для всех требований. Среди них Конституция СССР называет обязанность добросовестно трудиться в избранной области общественно полезной деятельности, обязанность беречь и укреплять социалистическую собственность, оберегать интересы государства, соблюдать советские законы, уважать правила социалистического общежития.

Конституция определяет, что защита социалистического Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР и что воинская служба в рядах Вооруженных Сил СССР является почетной обязанностью советских граждан. И в каждом доме помнят, что дружба народов нашей страны скреплена кровью в годы тяжелейших испытаний во имя защиты общей для людей всех наций великой Советской Родины.

Гражданин СССР, указывается в Конституции, обязан укреплять

дружбу наций и народностей СССР. По нашим законам любое ущемление национального достоинства строго пресекается. Социалистическое общество, советские законы решительно выступают против тенденций местничества, против пережитков шовинизма и буржуазного национализма, воспитывают граждан страны в духе уважения ко всем нациям и народностям. Укрепление взаимосвязи прав и обязанностей — это одновременно и дальнейшее сближение интересов человека и интересов государства. «Нужно, чтобы каждый советский человек ясно сознавал,— говорил товарищ Л. И. Брежнев,— что главная гарантия его прав в конечном счете — это мощь и процветание Родины. А для этого каждый гражданин должен чувствовать свою ответственность перед обществом, добросовестно выполнять свой долг перед народом».

* * *

Пять лет живет и действует новая Конституция — Основной Закон страны, подлинный манифест дружбы и братства всех народов нашей многонациональной Родины.

На современном этапе развития национальных отношений все большее значение приобретает последовательное углубление социалистической демократии. «На опыте СССР доказано: чем шире развивается социалистическая демократия, чем демократичнее жизнь страны, тем больше сила взаимного добровольного притяжения трудящихся всех наций и народностей», — указывается в постановлении ЦК КПСС о «60-й годовщине образования СССР». И это закономерно. Закономерно потому, что демократия развитого социализма — это сегодня наивысшая организация общества, дающая каждому человеку наиболее благоприятные возможности для всестороннего развития и самовыражения, создающая условия для честной и достойной жизни.

Социалистическое государство и его демократия стремятся к удовлетворению материальных и духовных потребностей всех членов общества, приближая тем самым коммунистический идеал: «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех». Это положение закреплено в новой Конституции СССР.

Советский народ под руководством КПСС самоотверженно строит коммунистическое общество. В этом великом созидании участвуют все нации и народности нашей Родины. В их единстве, сплоченности — залог общего успеха.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

Продовольственной программе — правовое обеспечение

Недавно состоялся Пленум Верховного Суда СССР, который в числе других вопросов обсудил и вопрос о задачах судов в связи с решениями майского (1982 года) Пленума ЦК КПСС по Продовольственной программе СССР.

Наш корреспондент Я. Шнайдер встретился с первым заместителем Председателя Верховного Суда СССР Сергеем Ивановичем Гусевым и взял у него интервью.

— Сергей Иванович, принятая на майском Пленуме ЦК КПСС комплексная программа дальнейшего подъема сельского хозяйства воспринята советскими людьми как общенародное дело. Всем ясно, что вытекающие из нее задачи в первую очередь касаются непосредственных производителей сельхозпродуктов и отраслей, которые обслуживают колхозы и совхозы. Поэтому человеку несведущему, что греха таить, может показаться странным, что этими проблемами занимаются и работники судебной системы, которые вроде бы не имеют прямого отношения к земледелию.

— Выполнение Продовольственной программы предполагает участие всех звеньев советской политической системы. И на первом месте среди них стоит государство, его органы. Следовательно, это касается и судов. Их задача в том, чтобы самостоятельно и в координации с другими правоохранительными органами обеспечить строгое соблюдение правовых норм в сфере производства, загото-

вок, хранения, транспортировки и переработки сельскохозяйственной продукции, в области материально-технического снабжения колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий, капитального строительства на селе, а также социально-бытового обслуживания сельских жителей.

А разве укрепление законности во взаимоотношениях колхозов с другими предприятиями, организациями агропромышленного комплекса, соблюдение жилищных и трудовых законов на селе, защита прав и интересов граждан не есть своеобразный вклад судебных органов в решение Продовольственной программы? Вот вам, пожалуйста, в общих чертах ответ на ваш вопрос. А вот и более конкретный ответ. Не секрет, что нас, работников правоохранительных органов, весьма и весьма тревожат такие негативные явления, как хищения сельскохозяйственной продукции. Материалы судебной практики свидетельствуют, что с охраной имущества в колхозах и совхозах дело обстоит, прямо говоря, не везде благополучно. Примеров можно привести много, но, думается, читатели вашего журнала по публикуемым в нем судебным очеркам, судебной хронике и иным материалам имеют об этом определенное представление.

Верховным Судом СССР самостоятельно и в координации с другими правоохранительными органами в последние годы осуществлен ряд мер, направленных на усиление борьбы с хищениями государственного и общественного имущества, в том числе и сельскохозяйственных продуктов. Значительную работу, в свою очередь, провели и Верховные суды союзных республик, особенно в изучении практики применения судами законодательства об ответственности за хищения и иные преступления в сфере сельскохозяйственного производства. Полученные ими материалы использовались как для повышения уровня осуществления правосудия, так и для того, чтобы поставить перед соответствующими органами вопросы об устранении недостатков и упущений в охране социалистической собственности, которые были выявлены при рассмотрении судебных дел.

— Если можно, конкретизируйте сказанное вами на примерах.

— Ограничусь только двумя. И начну с Верховного суда Латвийской ССР. В прошлом году им была обобщена судебная практика по делам о возмещении ущерба, причиненного колхозам и совхозам гибелью и недостатками скота. Вряд ли стоит особо подчеркивать важность вопроса — она ясна не только юристам, но и любому гражданину. Ведь это в конечном итоге вопрос снабжения населения мясом и мясными продуктами.

По материалам обобщения Верховный суд совместно с Министерством юстиции республики направил соответствующую информацию в Совет Министров Латвийской ССР. В свою очередь, заместитель Председателя Совета Министров Латвийской ССР направил

информацию председателям исполкомов Советов народных депутатов и министру сельского хозяйства республики для принятия конкретных мер по устранению недостатков и наведению должного порядка в сохранении скота, своевременному проведению подготовки животноводческих ферм к зиме и так далее.

Или другой пример. Верховный суд РСФСР в апреле 1982 года рассмотрел на Пленуме вопрос о практике применения судами законодательства об ответственности за хищения государственного или общественного имущества и иные преступления в сфере сельскохозяйственного производства. Пленум обратил внимание судов республики на необходимость последовательной и решительной борьбы с хищениями, бесхозяйственностью, расточительством, приписками и другими искажениями государственной отчетности о выполнении планов и иными преступлениями в этой сфере народного хозяйства. В постановлении Пленума даны также руководящие разъяснения возникших у судов вопросов применения закона.

— Сергей Иванович, известно, что неважно обстоят дела с охраной имущества в торговле, а также на предприятиях пищевой и мясо-молочной промышленности. Здесь особенно часты мелкие хищения. Называются они мелкими, а вред из-за их распространенности весьма ощутимый — и материальный, и моральный.

— Хищения в этих отраслях, действительно, волнуют. Причем наибольшую опасность представляют хищения, совершаемые организованными группами. И особенно печально, что в роли организаторов и активных участников преступных групп иногда выступают руководящие должностные лица государственных предприятий, организаций, а также колхозов и даже работники контрольно-ревизионного аппарата. Вот один из характерных примеров.

Директор заготконторы Флорештского райпотребсоюза Молдавской ССР Чечельницкий и заготовитель этой конторы Булай в целях хищения государственного и общественного имущества организовали преступную группу, в которую входили руководители и должностные лица комбикормовых заводов, элеватора, колхозов, совхозов, межколхозных объединений и других организаций — всего 17 человек. Искусственно созданные на этих предприятиях и в организациях излишки различной сельхозпродукции передавались Булаю без документов, а он оформлял на них квитанции и ведомости как на продукцию, якобы закупленную у населения. Такими фиктивными документами Булай отчитывался перед бухгалтерией заготконторы, а полученные под отчет деньги присваивал и делил между участниками преступления.

Как же удавалось им создавать излишки сельхозпродукции? Особой изобретательности тут не требовалось. Скажем, на Погорнском комбикормовом заводе Флорештского объединения по производству

кормов источником образования; так сказать, переизбытка зерна явилось обычное нарушение технологии производства гранул для кормления крупного рогатого скота. Расхитители часть концентрированных кормов заменяли менее качественными грубыми кормами.

Два года орудовали преступники и сумели похитить за это не столь уж длительное время десятки тысяч рублей государственных и общественных средств. Верховный суд Молдавской ССР приговорил их к лишению свободы на длительные сроки.

Но суд не ограничился только наказанием виновных. По материалам дела он вскрыл главные причины и условия, способствовавшие совершению преступления. Ими оказались неудовлетворительное состояние учета урожая сельхозпродукции и других материальных ценностей, а также отчетности за их расходованием, отсутствие надлежащего контроля за деятельностью заготконторы, предприятий, организаций и колхозов со стороны вышестоящих хозяйственных органов. Более того, организатор этой преступной группы Чечельницкий даже числился в передовиках. Липовые отчеты и рапорты настолько застилали глаза непосредственному начальству, что оно неоднократно представляло его к различным наградам, занесло в Золотую книгу Почета Молдавской ССР. Указав на все эти недостатки и безобразия в частных определениях, адресованных комбинату хлебопродуктов, районному Совету колхозов, правлению райпотребсоюза, Верховный суд республики потребовал их немедленного устранения. По его представлению Чечельницкий лишен всех наград.

Я привожу этот пример для того, чтобы показать, как правильно, в строгом соответствии с законом должна вестись борьба с расхитителями государственного и общественного имущества, невзирая ни на какие их заслуги в прошлом. К сожалению, происходит порой и нечто противоположное, и об этом не надо бояться говорить, когда принцип неотвратимости ответственности по делам о хозяйственных преступлениях не всегда соблюдается. Глядишь иногда: преступление раскрыто, на скамью подсудимых сели те или иные виновные, однако кое-кому из должностных лиц, причастных к содеянному, все-таки удалось уйти от ответственности.

В этой связи уместно напомнить слова из Отчетного доклада ЦК КПСС XXVI съезду партии о том, что советский народ вправе требовать, чтобы каждое преступление должным образом расследовалось и виновные несли заслуженное наказание.

— Сергей Иванович, данные, которыми располагает редакция как из официальных источников, так и из писем трудящихся, свидетельствуют о том, что при квалификации хищений сельскохозяйственных товаров допускаются порой ошибки в оценке похищенного. При этом почему-то ориентируются главным образом на денеж-

ную стоимость похищенного, которую нередко исчисляют без учета поправочных коэффициентов и кратности. В результате значительные хищения как бы уменьшаются в размерах, а то и вовсе оказываются чуть ли не в разряде мелких.

— Вы правы. Это же самое подтверждает анализ судебной практики. Он свидетельствует о том, что подчас при определении ущерба, нанесенного хищением, недостачей, умышленным уничтожением или умышленной порчей материальных ценностей происходит односторонняя ориентация только на стоимость похищенного, когда решается вопрос о квалификации преступного деяния. И особенно, когда идет речь о разграничении хищения мелкого и значительного. И Верховный Суд СССР разъяснил, что в этих случаях следует учитывать не только стоимость, но также размер похищенного в натуральном виде (вес, объем и так далее) и его значимость для народного хозяйства (мешок семян во время посевной кампании не равнозначен мешку зерна во время уборки урожая). Мы делаем все, чтобы обеспечить выполнение этих разъяснений. Ошибки и недостатки тут могут привести к недооценке общественной опасности хищений в сельском хозяйстве, а следовательно — к назначению неоправданно мягких наказаний злостным расхитителям, организаторам преступных групп либо лицам, активно способствовавшим хищению или сбыту похищенного.

Положения Программы обязывают также суды более внимательно подходить к рассмотрению гражданских дел о возмещении материального ущерба, причиненного колхозниками, рабочими и служащими государственных предприятий и организаций, связанных с переработкой сельскохозяйственной продукции, и торговых предприятий. Важно и тут не ошибиться в определении размера причиненного ущерба, особенно когда идет речь об ущербе от падежа скота, порчи и недостачи кормов, мясо-молочных продуктов. Нельзя необоснованно уменьшать суммы, подлежащие взысканию с виновных, нельзя не привлекать к материальной ответственности должностных лиц, не принявших необходимых мер для налаживания надлежащего учета и хранения материальных ценностей. И хорошо, где это возможно, применять возмещение вреда в натуре.

— В Продовольственной программе СССР намечаются крупные меры по дальнейшему развитию сельского хозяйства и связанных с ним отраслей. Для их осуществления предусматриваются и необходимые ресурсы. Например, за десятилетие в полтора раза возрастут одни только основные производственные фонды в сельском хозяйстве и в пищевых отраслях промышленности. Отсюда встает как одна из важнейших задача решительного повышения эффективности сельскохозяйственного производства, всех отраслей агропромышленного комплекса. Это выражается прежде всего в лучшем использо-

вании земли, производственных мощностей, материальных и финансовых ресурсов, устранение фактов бесхозяйственности и расточительства. В связи с этим возникают и определенные задачи для правоохранительных органов. В чем они, по-вашему, заключаются?

— Применительно к правоохранительным органам эти задачи заключаются в обеспечении неукоснительного выполнения требования закона о полном возмещении материального ущерба, причиненного хищениями и другими преступными деяниями. Ведь ущерб этот весьма ощутимый. И, по данным судебной статистики, составил, скажем, в 1981 году в колхозах, совхозах, торговле и в потребкооперации суммы, исчисляемые многими миллионами рублей. И что особенно досадно, ущерб этот, если сравнить с данными 1977 года, возрос, и возрос солидно. Конечно, определенная часть ущерба возмещена в ходе предварительного следствия. Кроме того, значительные суммы подлежат взысканию по решениям и приговорам судов. Однако, сами понимаете, это еще не реальное возмещение. Оно станет реальным после того, как судебные исполнители примут все зависящие от них меры, чтобы обеспечить взыскание ущерба, причиненного преступлением.

— Положения Продовольственной программы и меры по материально-техническому обеспечению всего агропромышленного комплекса требуют повышенного внимания к делам об ответственности за выпуск недоброкачественной, нестандартной и некомплектной продукции теми предприятиями, которые обеспечивают сельское хозяйство техникой и производят ее ремонт. Между тем из печати, из нашей собственной редакционной почты мы знаем, что до сих пор судимость за эти преступления невелика. Что вы можете по этому поводу сказать, Сергей Иванович?

— От правды не уйдешь. Судим мы пока за такие преступления мало. И это было бы хорошо, не будь нам известно, что фактов выпуска бракованной продукции много. Это наглядно видно из материалов гражданских дел по искам колхозов к предприятиям и организациям Госкомсельхозтехники о взыскании неустойки и убытков в связи с ремонтом сельхозмашин и другой техники в период гарантийных сроков. К сожалению, при удовлетворении исков суды (и мы обязаны этот недостаток признать) редко еще выносят частные определения о привлечении виновных должностных лиц конкретных предприятий и организаций к предусмотренной законом ответственности и столь же редко сами возбуждают уголовные дела. А ведь на необходимость усиления борьбы с бракоделами Пленум Верховного Суда СССР обращал внимание судов в постановлении от 19 октября 1971 года «О судебной практике по делам о выпуске недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции». Выходит, на местах слабо еще выполняется это руководящее указа-

ние высшей судебной инстанции, и нам с учетом принятия Продовольственной программы предстоит обратить на это самое серьезное внимание. К тому же материалы судебной практики могут быть использованы также для постановки перед соответствующими хозяйственными органами вопроса об устранении недостатков в деятельности подчиненных им предприятий. Чтобы показать вам, насколько проблема важна, приведу такой пример.

Убинское районное отделение «Сельхозтехника» (Новосибирская область) по платежному требованию от 13 декабря 1979 года списало с расчетного счета колхоза «Гигант» 15 333 рубля за два бункера-накопителя, которые колхоз не заказывал и не получал. Иск о возврате указанной суммы был заявлен колхозом в июле 1981 года, то есть спустя полтора года.

Убинский районный народный суд удовлетворил иск в сумме 7660 рублей, сославшись на то, что один бункер-накопитель колхозу был поставлен. Поставка, как отмечено в решении суда, состояла в том, что 12 августа 1981 года (когда дело находилось в суде) негодный бункер был завезен в колхоз, и, поскольку он не был принят, его сбросили в кусты. По объяснению представителя колхоза, бункер лежал там и на момент судебного разбирательства. Такое, прямо сказать, преступное отношение к технике почему-то осталось не замеченным. Более того, по существу, оказались как бы оправданными действия ответчика, незаконно изъявшего более 15 тысяч рублей колхозных средств и пользовавшегося ими в течение полутора лет. Пришлось вмешаться Верховному Суду СССР, который перед председателем Новосибирского областного суда поставил вопрос о необходимости пересмотреть прежнее решение. Нельзя проходить мимо того беззакония, которое допустили должностные лица отделения «Сельхозтехника».

— Сергей Иванович, как вы знаете, до сих пор еще встречаются факты отвлечения колхозных средств на цели, совершенно не связанные с сельскохозяйственным производством. Такая вредная практика была осуждена постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 июля 1978 года «О предотвращении фактов отвлечения средств, предназначенных для развития сельского хозяйства». Что говорит об этом анализ судебной практики?

— Анализ подтверждает, что такое порочное явление пока, действительно, не изжито. Кое-кому просто-таки не терпится поживиться, как говорят, за чужой счет. Один только пример. Скопинское отделение «Сельхозтехника» (Рязанская область) построило себе склад для хранения аммиачной воды. Но его руководители возымели желание, чтобы платили за это другие. Выбрали колхоз «Новый путь», с расчетного счета которого решили снять 34 443 рубля, составляющих сметную стоимость объекта. Для этого был заклю-

чен фиктивный договор подряда на капитальное строительство, по которому возведение данного объекта производилось якобы для колхоза. Иначе, как грубым нарушением интересов колхоза и злоупотреблением должностных лиц, заключивших липовую сделку, такое не назовешь. Вот почему Скопинский городской народный суд по иску прокурора признал этот договор недействительным, а незаконно изъятые деньги взыскал в пользу колхоза.

Этот факт свидетельствует о том, какое значение имеет соблюдение законности в хозяйственных отношениях колхозов с предприятиями и организациями, входящими в агропромышленный комплекс, а также обслуживающими сельское хозяйство. При рассмотрении такого рода исков судам предстоит строго выяснять причины невыполнения договорных обязательств. И тут вопрос не только в справедливом разрешении дел по существу, не только в применении имущественных санкций к стороне, нарушившей обязательство, а и в том, чтобы в каждом случае до конца разобраться в причинах и условиях, приведших к правонарушениям, и устранить их.

В поле зрения судов постоянно находятся также дела об имущественных спорах, связанных с правом землепользования колхозов. Оно и понятно, ибо в Продовольственной программе особо подчеркивается, что ключевой проблемой в сельском хозяйстве по-прежнему остается дальнейшее ускоренное и устойчивое увеличение производства зерна. Следовательно, охрана колхозной земли правовыми средствами составляет одну из важных задач судов.

Не менее важно обеспечение прав трудящихся, имеющих личные подсобные хозяйства. Их вклад в осуществление Продовольственной программы общенизвестен. Не зря партия и правительство принимают ряд важных мер для того, чтобы каждая семья, проживающая на селе, могла иметь приусадебный участок, содержать скот и птицу. С учетом этого судам указано на необходимость обеспечивать правильное и своевременное разрешение подведомственных им споров, связанных с пользованием земельными участками, которые получены гражданами для ведения подсобного хозяйства, для садоводства и огородничества, сенокосения и так далее.

— Как известно, Продовольственная программа предусматривает также меры по социальному преобразованию села. Речь идет о дальнейшем превращении сельских населенных пунктов в благоустроенные поселки, о значительном расширении жилищного, коммунального и культурно-бытового строительства, улучшении медицинского и торгового обслуживания, сооружении дорог, словом, обо всем том, что будет способствовать закреплению кадров, повышению благосостояния тружеников села, их производственной активности. Естественно, возникнут и проблемы, которые потребуют судебного разрешения, не правда ли?

— Безусловно, И тут нам, судебным работникам, предстоит повысить внимание к рассмотрению дел о трудовых, жилищных спорах колхозников и работников совхозов, других сельскохозяйственных предприятий и организаций, а также специалистов, работающих в сельской местности (врачей, клубных работников и так далее).

В связи с этим судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР готовит проект постановления Пленума Верховного Суда СССР по применению Основ жилищного законодательства. При его подготовке будет максимально учтена специфика применения закона в сельской местности.

Предстоит также большая работа по обеспечению правильного применения законодательства при разрешении споров об оплате труда, в том числе о выдаче сельскохозяйственных продуктов и кормов, выплате премий, надбавок и других видов материального поощрения (деньгами и натурой), предусмотренных системой оплаты труда. Они ведь имеют большое значение для усиления материальной заинтересованности работников сельского хозяйства, а также граждан, принимающих активное участие в выращивании и уборке сельскохозяйственных культур.

В докладе Л. И. Брежнева отмечалось, что в последние годы произошла некоторая недооценка значения натуральной оплаты труда колхозников и работников совхозов. Это отрицательно сказывается на их интересах, ослабляет базу для развития личного подсобного хозяйства, сужает возможности колхозного рынка. Отсюда задача судов, во-первых, хорошо изучить соответствующие пункты постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 мая 1982 года «О мерах по дальнейшему улучшению жилищных, коммунально-бытовых и социально-культурных условий жизни сельского населения», во-вторых, добиваться, чтобы эти нормы непременно исполнялись при рассмотрении споров об оплате труда.

Осуществление Продовольственной программы вызывает необходимость принятия ряда нормативных актов, некоторых изменений в законодательстве. Верховный Суд СССР и Верховные суды союзных республик принимают и будут принимать деятельное участие в этой работе, при этом ни на минуту не забывая, что меры, разработанные майским (1982 года) Пленумом ЦК КПСС, призваны улучшить экономическую обстановку не только в сельском хозяйстве. Они представляют собой крупнейшую хозяйственно-политическую акцию, которая позволит обеспечить прогресс всего народного хозяйства. Опираясь на материалы судебной практики, мы сделаем все от нас зависящее в деле дальнейшего совершенствования законодательства во всех сферах хозяйственной деятельности, подготовки руководящих разъяснений по его применению, особенно в случаях, имеющих прямое отношение к Продовольственной программе.

Государственный нотариус свидетельствует...

Многим из вас наверняка приходилось обращаться в государственные нотариальные конторы, чтобы засвидетельствовать верность копии документа, удостоверить сделку, получить свидетельство о праве на наследство. Круг вопросов, решаемых государственными нотариусами, широк и затрагивает различные жизненно важные интересы граждан.

В ноябре советскому нотариату исполняется 60 лет. Наш корреспондент М. Иванов встретился с заместителем министра юстиции СССР Н. А. Осетровым и попросил его ответить на некоторые вопросы, связанные с деятельностью этих органов юстиции.

— Николай Александрович! Когда отмечается такой юбилей, видимо, уместно вспомнить, с чего начинался советский государственный нотариат...

— Конечно. Тем более, его создание теснейшим образом связано со становлением первых советских правоохранительных органов, укреплением социалистической законности. После Великой Октябрьской социалистической революции старый нотариат, защищавший интересы имущего класса, был полностью уничтожен. Надо было создавать новые нотариальные органы, которые могли бы служить победившему трудовому народу. Первое время нотариальные действия, в зависимости от их содержания, выполняли различные государственные органы на местах: отделы юстиции, социального обеспечения, отделы записи актов гражданского состояния и другие. Когда страна перешла к новой экономической политике и увеличился гражданский оборот, необходимо было усилить государственный контроль за законностью совершаемых сделок, пресекать попытки отдельных капиталистических элементов обойти закон. Определенную роль в осуществлении этого контроля сыграл и советский нотариат.

4 октября 1922 года Совнарком РСФСР принял важный правовой документ — Положение о государственном нотариате. Согласно ему в городах учреждались нотариальные конторы во главе с нотариусами, назначаемыми губернскими советами народных судей. Надзор за их деятельностью осуществляли президиумы губернских советов народных судей. 14 мая 1926 года ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об основных принципах организации государственного нотариата», ставшее первым общесоюзным актом, регулировавшим нотариальное дело. В союзных республиках были при-

няты Положения о государственном нотариате, которые действовали почти полвека. С учетом изменений, происшедших в жизни социалистического общества, в июле 1973 года был принят общесоюзный Закон о государственном нотариате. А в дальнейшем на его основе были приняты законы о государственном нотариате каждой союзной республики.

— **Какие задачи решает сегодня государственный нотариат в свете нового законодательства?**

— Назову основные. Это — охрана социалистической собственности, прав и законных интересов граждан, государственных учреждений, предприятий и организаций, колхозов, иных кооперативных и других общественных организаций, укрепление социалистической законности и правопорядка, предупреждение правонарушений путем правильного и своевременного удостоверения договоров и других сделок, оформления наследственных прав, совершения исполнительных надписей и иных нотариальных действий. Нетрудно заметить, что перечисленные требования прямо соответствуют Конституции СССР. В статье 4 Основного Закона подчеркивается, что Советское государство, все его органы действуют на основе социалистической законности, обеспечивают охрану правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан. Государственные нотариусы в своей деятельности, удостоверяют ли сделки, оформляют ли наследственные права, совершают ли иные нотариальные действия, всегда руководствуются этими важными конституционными положениями.

— **А совершаются нотариальные действия?**

— Чаще всего непосредственно в государственных нотариальных конторах, которые созданы во многих населенных пунктах страны. В Москве, Ленинграде, столицах союзных, автономных республик, краевых, областных центрах одна из них учреждается в качестве первой государственной нотариальной конторы. В них совершаются наиболее сложные нотариальные действия — например, оформление наследственных прав. Первые государственные нотариальные конторы обеспечивают единство нотариальной практики в городе, области, крае, республике. В них проходят стажировку работники других нотариальных контор и исполкомов местных Советов народных депутатов. Дело в том, что государственные нотариальные конторы имеются далеко не во всех населенных пунктах. Там, где их нет, граждане могут совершать определенные нотариальные действия в исполкомах местных Советов народных депутатов — городских, поселковых, сельских, а в РСФСР, например, и в районных. Естественно, работникам, на которых возложены эти ответственные обязанности, необходима постоянная методическая помощь. Ее и оказывают государственные нотариальные конторы.

— **Читатели нашего журнала в своих письмах нередко спрашивают: какие нотариальные действия совершают государственные нотариальные конторы?**

— В представлении многих людей деятельность государственных нотариальных контор нередко сводится к свидетельствованию верности копий документов. И в самом деле, эта работа составляет почти 70 процентов всех совершаемых нотариальных действий. Но круг обязанностей нотариусов значительно шире. Важный участок их работы — удостоверение договоров, завещаний, доверенностей. Государственные нотариальные конторы принимают меры к охране наследственного имущества. Выдают свидетельства о праве на наследство. Налагают запрещения отчуждения жилого дома. Выдают

свидетельства о праве собственности в общем имуществе. Свидетельствуют подлинность подписи на документах. Удостоверяют факт нахождения гражданина в живых или нахождения его в определенном месте. Удостоверяют время предъявления документов. Принимают в депозит денежные суммы и ценные бумаги. Кроме того, нотариусы совершают и ряд других нотариальных действий. Работа эта, прямо надо сказать, не простая и требует от нотариуса предельной внимательности и, если хотите, придирчивости.

— А вот наш читатель П. Родионов как раз жалуется на это. Нотариус отказался засвидетельствовать ему копию диплома об окончании техникума. Там была всего лишь одна подчистка...

— Нотариус поступил совершенно правильно. Подлинный документ, с которого делается копия, должен быть абсолютно безупречен. Если в нем имеются подчистки, приписки, зачеркнутые слова и иные неоговоренные исправления, то копия с такого документа не может быть засвидетельствована. Вообще к документу, с которого его владелец решил снять копию и засвидетельствовать ее у нотариуса, предъявляются определенные требования. В нем обязательно должны иметься необходимые реквизиты — штамп, дата выдачи, номер, подпись должностного лица и, как правило, печать. Для некоторых документов установлены бланки единого образца: например, для дипломов, аттестатов о среднем образовании, выдаваемых учебными заведениями, свидетельств о рождении, браке, смерти, усыновлении, расторжении брака, перемене фамилии, имени или отчества, выдаваемых органами загса. На это нотариус обращает особое внимание. Почему? Да потому что любой из названных документов порождает довольно существенные права и обязанности: право на наследство, на получение пенсии, на занятие определенной должности и так далее. Не трудно представить себе, что получится, если, скажем, с диплома, не отвечающего установленным требованиям, будет снята копия и нотариально засвидетельствована...

— Но вот нотариус отказался засвидетельствовать копию с документа, вызвавшего у него сомнение. Что происходит дальше? Посетитель забирает свой документ и уходит...

— Нет. Документ, вызвавший сомнение у нотариуса, — это уже сигнал тревоги. Сразу возникает несколько вопросов. Когда и кем он выдан? В чем причина его недоброкачества? Может, работник учреждения, заполнявший его, проявил небрежность, а может, это... подделка? Во всяком случае до выяснения истины выпускать его из стен нотариальной конторы нельзя. Нотариус выносит постановление о направлении документа на экспертизу. Если окажется, что документ подложный, нотариус направляет его вместе с заключением экспертизы прокурору для принятия мер.

— И тем самым помогает вскрыть нарушение закона, допущенного при выдаче документа, или разоблачить проходимца, пытавшегося нотариально засвидетельствовать подделку...

— Безусловно. Следует подчеркнуть, что борьба с правонарушениями и предупреждение их — очень важный участок работы советского нотариата. Если, скажем, государственный нотариус при совершении нотариальных действий обнаружил нарушение законности гражданами или отдельными должностными лицами, он обязан сообщить об этом для принятия необходимых мер соответствующим учреждениям, предприятиям, организациям или прокурору.

Большое внимание уделяется, в частности, соблюдению законности в области земельных правоотношений, сохранению и рацио-

нальному использованию государственного земельного фонда, бережному отношению к социалистической собственности. На основе данных нотариальной практики нотариусы привлекают внимание соответствующих органов к встречающимся еще случаям нарушения прав государственной собственности на землю, попыткам совершить сделки с земельными участками (куплю-продажу, завещание, дарение и тому подобное). Сейчас, когда в стране так много делается для выполнения Продовольственной программы, эта работа нотариальных органов особенно полезна и необходима.

— В государственную нотариальную контору человека обычно приводит неотложное дело, имеющее для него существенное значение. Скажем, речь идет о завещании. И зачастую он заинтересован в том, чтобы совершенные нотариальные действия оставались тайной для посторонних...

— Ему незачем волноваться. По закону государственные нотариусы и другие должностные лица, совершающие нотариальные действия, обязаны строго соблюдать их тайну. Справки о совершенных нотариальных действиях и документы выдаются только гражданам, государственным учреждениям, предприятиям и организациям, по поручению или в отношении которых совершались нотариальные действия. Что же касается завещаний, то справки о них выдаются только после смерти завещателя. Соблюдать тайну нотариальных действий обязан не только нотариус или работник исполкома, но и лица, которым о совершении нотариальных действий стало известно в связи с выполнением ими своих служебных обязанностей, например, машинистка, печатавшая текст завещания.

— Может ли нотариус давать какие-либо советы людям, решившим заключить сделку?

— Не только может, но и обязан. Нотариусы оказывают всемерную помощь обратившимся к ним лицам в осуществлении их прав и защите законных интересов. Вот, скажем, в нотариальную контору пришли два гражданина, чтобы оформить договор купли-продажи жилого дома. Нотариус прежде всего выясняет реальные взаимоотношения между ними и их истинные цели, то есть действительно ли один из них хочет продать дом, а другой купить его. Сделать это необходимо, поскольку в нотариальной практике встречаются случаи, когда стороны пытаются удостоверить мнимые или притворные сделки. Затем нотариус рассказывает о нормах закона, регулирующих договор купли-продажи жилого дома, о том, как лучше его оформить и какие правовые последствия это влечет для обеих сторон. После такого детального и всестороннего ознакомления с юридической стороной дела продавец и покупатель решают, заключить ли сделку на тех условиях, которые они ранее между собой оговорили, отказаться ли от нее или заключить новую сделку.

— И бывают случаи, когда после разъяснений нотариуса сделка приобретает совсем иной характер?

— Да, бывают. Приведу лишь один пример. В нотариальную контору обратился пожилой гражданин, который хотел подарить принадлежащий ему на праве личной собственности жилой дом своему племяннику. Нотариус разговорился с ним. Оказалось, племянник у посетителя был единственным родственником. Сам он, после того как будет оформлен договор дарения, останется жить в доме. Здоровье у него неважное, часто болеет, нуждается в постороннем уходе. Выслушав посетителя, нотариус посоветовал ему за-

ключить не договор дарения, а договор купли-продажи с условием пожизненного содержания покупателем. Дом в любом случае перейдет к племяннику, но за это он должен оказывать больному дяде материальную помощь, проявлять к нему заботу и внимание. Конечно, такой договор предоставлял пожилому человеку определенные преимущества, и поэтому он последовал совету нотариуса.

— А возьмем такую по-житейски типичную ситуацию: человек тяжело заболел, находится в больнице и, заботясь о близких ему людях, на всякий случай решил оформить завещание. Ни в нотариальную контору, ни в исполком он, естественно, прийти не может...

— Да в этом и нет особой необходимости, так как нотариус для оформления завещания может быть приглашен в больницу. Кроме того завещание удостоверить вправе главный врач, его заместитель по медицинской части или дежурный врач. Законом предусмотрен и ряд других случаев, когда удостоверенные должностными лицами завещания или доверенности приравниваются к нотариально удостоверенным. Например, завещание гражданина, находящегося в морском плавании на судне под флагом СССР, может удостоверить капитан этого судна.

Таким образом для граждан создаются дополнительные удобства при оформлении необходимых им документов. В первую очередь об этом заботятся государственные нотариальные конторы и исполкомы местных Советов народных депутатов. Нередко нотариусы выезжают на предприятия, в колхозы, совхозы. Помимо свидетельствования различных документов и совершения иных нотариальных действий они ведут разъяснительную работу.

— Может ли нотариус выехать по месту жительства гражданина, чтобы оформить ему какой-то документ?

— Законом такая возможность предусмотрена. Однако для этого должны быть веские причины, по которым гражданин не может сам явиться в нотариальную контору, например, болезнь, инвалидность. Вне пределов государственных нотариальных контор нотариусы чаще всего удостоверяют завещания, доверенности, свидетельствуют подлинность подписей.

— А непосредственно в подготовке этих документов нотариусы участвуют?

— Это, собственно, одна из их обязанностей. Нотариусы составляют проекты заявлений, договоров, доверенностей, завещаний. Дело это очень ответственное. Надо умело выяснить намерения участников сделки и с учетом действующего законодательства зафиксировать их волю в соответствующем документе. Кроме того, государственные нотариальные конторы оказывают услуги технического порядка — изготавливают копии различных документов и выписки из них. Для этого в последние годы стала широко использоваться различная копировальная техника. Словом, придя в государственную нотариальную контору, посетитель всегда может рассчитывать на то, что к нему отнесутся чутко и внимательно, разберутся в интересующем его деле и окажут квалифицированную юридическую помощь.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА — ВСЕНАРОДНОЕ ДЕЛО

В РИТМЕ ВРЕМЕНИ

О Ч Е Р К

Мне предстояло побывать в одном из сельсоветов республики. В каком? Этот вопрос я задал секретарю Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР Р. С. Казиевой. Она задумалась, затем, улыбнувшись, спросила:

— Вы считаете, это легко, назвать один — только один! — сельский Совет?

— Наверное, нелегко, — согласился я. — Но что делать, Рафига Саламовна, нужен именно один...

— Ну что же, тогда давайте выбирать вместе. Начнем с передовиков — победителей соревнования. В Имишлинском районе это Караларский сельсовет, в Шамхорском — Планкендский, в Шемахинском — Гейлярский... Собственно, передовики есть почти в каждом районе. Выбирая адрес, мы можем исходить еще и из того, что более тридцати председателей исполкомов сельских Советов республики за отличную работу награждены орденами и медалями. Например, председатель исполкома Бамбашинского сельского Совета, что в Масаллинском районе, Абдулгасан Мамедов — орденом «Знак Почета».

Рафига Саламовна не пользовалась записями. По памяти называла районы, сельсоветы и тут же давала им краткую экономическую характеристику, называла председателей исполкомов не только по фамилиям — по именам.

— Но, очевидно, надо исходить, как это отмечено на заседании Президиума Верховного Совета СССР 31 мая текущего года, из того, что на Советы ложится большая доля работы по реализации намеченной партией Продовольственной программы... — Р. С. Казиева опять задумалась. — В этом смысле, пожалуй, интересен Масаллинский район. Интересен еще и своим месторасположением. Там, как и в соседних Ленкоранском и Астаринском, — наши субтропики. Отсюда и своеобразная сельскохозяйственная специализация района — чаеводчество и овощеводство. Кроме того, развито виноградарство и животноводство.

— Наверное, как и в других районах, в Масаллах есть агропромышленное объединение?

— Три объединения: агропромышленное, виноградарское и чайное, которое занимается и цитрусами, — уточнила Р. С. Казиева. — Следует учитывать, что в соседнем районе — Ленкоранском —

мандарины и лимоны выращивают давно, а в Масаллинском занялись этим лишь несколько лет назад. Почему? Обратите на это внимание. И еще на то, что там есть русские села, живут грузины и армяне. Считаю, что весьма показательны взаимоотношения, которые сложились между людьми — представителями разных национальностей.

— Значит, Рафига Саламовна, выбор сделан: Масаллинский район и, надо полагать, сельсовет, где председатель сельисполкома награжден орденом?

— Не совсем так. Какой из двадцати шести сельсоветов района выбрать — решите на месте.

ВОСХОЖДЕНИЕ

На месте решили — Беюк-Колатан (Большой Колатан). Один из передовых в районе сельсоветов, на территории которого расположено пять селений и совхоз «Путь к коммунизму».

— Что характерно для Большого Колатана? — переспросил Руфулла Руфуллаев, секретарь исполкома районного Совета. — Ну, прежде всего, высокий уровень организаторской работы исполкома и постоянных комиссий. Это, в свою очередь, обусловило ставшую непреложным правилом помощь совхозу в развитии производства, настоящий рабочий контакт. Также имеет большое значение то обстоятельство, что там работают знающие люди. Работают по многу лет.

В Большом Колатане уже четвертый год в исполкоме председательствует Амир Рустамов. Пять лет руководит совхозом «Путь к коммунизму» Мирзали Абилов. И это не какое-то случайное движение — продуманная кадровая политика. А. Рустамов в течение ряда лет возглавлял партком совхоза, что, конечно же, способствует эффективной работе сельского Совета и его четкому, деловому взаимодействию с совхозом. М. Абилов пришел сюда с должности начальника районного сельхозуправления. Кругозор! И не просто пришел — вернулся в родное село, где и сейчас благополучно здравствует его отец — инвалид войны, почитаемый аксакал Гамза-даи.

Вот сказано было о продуманной кадровой политике. Разумеется, самое главное в этом — четкое представление о знаниях, опыте и деловых качествах людей. Но, очевидно, не менее важны их характеры и то, что сейчас определяют понятием «коммуникабельность». Если с коммуникабельностью — умением общаться с людьми — и у председателя, и у директора, что называется, все в порядке, то характеры... Но, полагаю, и они учитывались. А следствие — тот самый счастливый случай, когда несхожие характеры, объединившись, дали столь необходимую общность.

По возрасту председатель и директор близки — каждому за сорок. И по образованию — оба агрономы. Но если стройный, сухощавый Мирзали Абилов быстр в движениях и разговоре, то крупный, плечистый Амир Рустамов нетороплив в выводах и решениях. Случается, поспешит с чем-то директор, сдержит его председатель. И наоборот, медлит почему-либо Рустамов, Абилов — он депутат сельского Совета — его поторопит. Так вот и работают. А о работе, как известно, судят по результатам.

Основная культура в совхозе — чай. Пять лет назад чайные плантации занимали 180 гектаров. Сейчас — 242. Увеличение незначительное — всего на 30 процентов. И вполне обоснованно предположение, что рост всех показателей не выходит за эти пределы. Вспомним, однако, одно из положений постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении управления сельским хозяйством и другими отраслями агропромышленного комплекса». Речь там идет о необходимости повышения хозяйственной самостоятельности колхозов и совхозов, создания благоприятных экономических, социальных, организационных условий для их эффективной деятельности.

О

Председатели исполкомов соревнующихся сельских Советов: Беюк-Колатанского — А. Рустамов (слева) и Калиновского — Н. Богданов.

«Здесь чайный лист уже готов к сбору», — определили директор совхоза М. Абилов, главный агроном, председатель постоянной депутатской комиссии по сельскому хозяйству А. Алиев и чаевод Ш. Исаева.

Чаевод, член постоянной депутатской комиссии по сельскому хозяйству А. Сейфуллаева.

●

Курс на поощрение самостоятельности руководителей хозяйств, которого давно уже придерживаются Масаллинский райком партии и исполком райсовета, привел именно к тому, о чем говорится в постановлении, — к развитию творческой инициативы, к повышению деловитости, ответственности руководителей и специалистов совхозов за увеличение производства, укрепление экономики и безусловное выполнение государственных планов. Итог такого подхода к делу, итог работы совхоза «Путь к коммунизму» за последнее пятилетие «материализуется» в некоторых убедительных цифрах.

Повторим: площадь чайных плантаций увеличилась только на 30 процентов. А непрерывный поиск, повышение производительности труда и, наконец, постоянная забота сельского Совета о развитии сельскохозяйственного производства привели к тому, что урожайность каждого гектара увеличилась почти вдвое — с 57 до 110 центнеров. Годовое плановое задание — в 1,7 раза (1285 тонн), фактический сбор чайного листа в этом году, по самым скромным подсчетам, составит 2500 тонн — это втрое больше, чем в 1977 году.

Два тесно связанных между собой направления в работе сельского Совета и совхоза — интенсификация производства и рост благосостояния населения. Об основной культуре — чае мы уже говорили. Добавим к этому рост поголовья скота в совхозе (в личных хозяйствах — тоже), увеличение надоев молока. Но есть еще одна, совершенно новая отрасль производства — цитрусоводство. В совхозе большая плантация, а во дворах жителей селений —

более семи тысяч деревьев. Шесть лет назад не то что в Большом Колатане — во всем районе не было ни одного. Почему не было? Это тот самый вопрос, который рекомендовала выяснить секретарь Президиума Верховного Совета республики Р. С. Казиева.

ВОЛШЕБНОЕ ДЕРЕВО АЛАДДИНА

...Мы побывали на приусадебных участках матери-героини Марьям Наджиевой, веттехника Аллахверди Таравердиева, работницы Назаркет Акперовой. Они возделывают овощи, растят гранаты, а особое внимание уделяют цитрусам: в каждом дворе по 40—50 мандариновых деревьев, трех-четырёхлеток. Это значит, что первые плоды появятся только нынешней осенью.

Всем был задан один вопрос: «Почему вы не занимались цитрусами раньше?»

— Эта культура в наших краях не считалась перспективной, — ответил веттехник.

— Наверное, не думали об этом, — пожала плечами работница.

— Почему не занимались раньше? — повторила вопрос мать-героиня. — Да потому что Аладдин-муаллим работал не у нас...

Уважительное муаллим — учитель связано не с профессией человека, а с его знаниями, опытом, умением научить чему-то нужному и важному. Все это присуще депутату Верховного Совета Азербайджанской ССР Аладдину Гасанову. Люди убедились в этом буквально с первых дней его приезда в Масаллы. Было это в 1975 году.

А. Гасанов хорошо знал экономику этих мест — Муганской степи и Ленкоранской низменности. Знал, что Ленкорань славится чаем, овощами, цитрусами. И никак не мог взять в толк, почему соседние Масаллы, давно уже освоив овощи и чай, о мандаринах и лимонах даже не помышляли. Расспрашивал аксакалов — некоторых из них почти по сто лет.

— Нет, — отвечали они, — не для цитрусов наша земля. Все родит: и раннюю капусту, и помидоры, и даже рис... А мандарины и лимоны — о таком не слыхали....

Бывая в Баку, Аладдин навещался в научные библиотеки, копался в архивах: никаких следов цитрусов в Масаллинской зоне. Беседовал с учеными-аграрниками. Отвечали: севернее Ленкорани (Масаллы именно севернее) цитрусы расти не могут.

«И все-таки почему? — задавался он вопросом. — Почему в Ленкорани — да, а у нас — нет? Расстояние пустяковое — 25—30 километров». Обратился к метеорологам. Те сказали, что общие климатические данные двух районов совпадают почти полностью — и по «розе ветров», и по температурному режиму, и, что особенно важно, по влажности...

Что можно еще предпринять? А вот что: провести опыт. Добыл в Ленкорани два мандариновых саженца и, никому ничего не говоря, высадил их во дворе дома, в котором работал. Будучи, что называется, по горло загруженным своими обязанностями, поливал саженцы, подкармливал, когда надо, словом, делал все, что советовали ленкоранские цитрусоводы. И деревца прижились. Следующей весной даже несколько цветков выбросили.

Первая в районе плантация — два гектара — появилась в совхозе имени Азизбекова. Из высаженных там двух тысяч саженцев

не прижилось чуть больше пятидесяти. Подумал: «Не велик ли урон?» Успокоили цитрусоводы: «Это же менее трех процентов, а они — естественная норма». Через год к опыту присоединились еще три хозяйства. Был среди них и совхоз «Путь к коммунизму».

Районная плантация сегодня — около ста тысяч мандариновых деревьев, которые называют «волшебными деревьями Аладдина». А теперь самое время сказать, что Аладдин Гасанов — первый секретарь Масаллинского райкома КП Азербайджана...

— Немало успеха в этой важной и выгодной отрасли сельскохозяйственного производства добились труженики совхоза «Путь к коммунизму», — говорит он. — Думаю, добились еще и потому, что в освоение цитрусов весьма весомым был вклад сельского Совета. Особенно ярко его организаторская роль проявилась этой весной, когда на земли совхоза обрушилась стихия.

...На зиму — хоть она и мягкая — цитрусовые деревья укрывают. Конструкция несложная: каркас-шалашик из жердей, а сверху, как платок на голову, полиэтиленовая пленка. Март выдался настолько теплым, что к середине месяца укрытие сняли. Сразу расправили деревья ветви, подставляя доброму солнцу недавно появившиеся листья...

С утра 24 марта погода стала портиться: тучи плотно затянули небо, а во второй половине дня с моря подул «хазри» — злой восточный ветер. Достигнув ураганной силы, он бросал на равнину, на холмы колючие снежные заряды. Поступило предупреждение синоптиков: снегопад усилится!

«Хазри» злобствовал уже трое суток: снежный покров достиг почти метровой высоты. Пришла беда, которая могла нанести непоправимый урон цитрусовым плантациям. Выход один-единственный: снова укрыть деревья. Это — работа, сложная, трудоемкая и длительная. За смену один человек управится не более, чем с тремя десятками деревьев, а их 27 800! Если «бросить» на штурм всех — 1200 рабочих и специалистов, — и то потребуется не менее трех дней. Что же делать? Об этом думали сообща — руководители совхоза, бригадиры, председатель и секретарь исполкома.

По местному радио передали два сообщения: решение исполкома сельского Совета с созданием штаба борьбы со снегопадом и приказ директора совхоза. Всего несколько строк было в приказе: «Завтра, 27 марта, рабочий день для всех без исключения работников начинается в 7 часов утра. Людям прибыть на участки цитрусовой плантации, указанные бригадирами. Глазным специалистам, агрономам и бригадирам подготовить к 7 часам утра необходимый инвентарь и фронт работ».

В сельисполкоме — штабе совещались председатели депутатских комиссий. Договорились, кто и что должен делать. И было одно, общее для всех задание: организовать выход на плантацию людей, не работающих в совхозе: пенсионеров, учителей, школьников-старшеклассников, работников торговли и службы быта. И обязательно медиков — не столько для работы, сколько для немедленной помощи людям, если она потребуется.

— Прямо скажу, ночь была хлопотная, — вспоминает А. Рустамов. — Депутаты, руководители совхоза, бригадиры время зря не потеряли: с утра, как говорится, стар и млад приступили к работе. За шесть часов поставили 125 тысяч жердей, укрыли пленкой все деревья. Беду отвели всенародно — никакого ущерба цитрусовой плантации стихия не нанесла...

СОДРУЖЕСТВО

В те тревожные дни, когда плантацию совхоза «Путь к коммунизму» заметал снежный буран, в сельисполком не однажды звонили по телефону из соседней Калиновки. Спрашивали, не нужна ли помощь.

— Спасибо,— отвечал А. Рустамов,— думаю, обойдемся своими силами.

— Смотрите,— не успокаивались на другом конце провода,— если что — сообщите, людьми поможем, потребуется — совхозную технику подключим...

Как мы знаем, помощь не потребовалась, но уже сам факт глубокой обеспокоенности свидетельствовал: жители Калиновского сельсовета, работники расположенного там совхоза «1 Мая» — настоящие друзья. И мы с Амиром Рустамовым поехали в Калиновку.

— Милости просим, гости дорогие! — широко раскинув руки пробасил председатель исполкома сельского Совета — широкоплечий и русоволосый Николай Богданов.

— Все ли здоровы в вашем доме, Амир-муаллим? — по обычаю спросил секретарь исполкома Ахмет Мехбалиев. Получив утвердительный ответ, обратился ко мне: — А в вашей семье, дорогой гость?

— Все в порядке,— заверил я.

...На столе традиционный азербайджанский чай в небольших фигурных стаканчиках, в вазочках — мелко наколотый сахар и карамель.

— Так уж сложилось,— неторопливо начал Н. Богданов,— что связи между нами определились именно как дружеские, как добрососедские еще в давние времена. Дед мой — Иван Богданов — всегда с большой теплотой рассказывал о своих друзьях в Большом Колатане. И отец мой Василий Иванович — ему почти восемьдесят, но еще крепок! — о том же говорит.

— Да,— подтверждает А. Рустамов,— добрососедские наши связи — многолетняя, я бы даже сказал, исторически сложившаяся традиция!

Традиция сегодня — это не только гостеприимство и помощь в беде, это постоянное содружество, ярко выраженное в многолетнем соревновании двух передовых сельсоветов и совхозов. Наверное, деловая направленность соревнования в немалой степени обусловлена тем, что здешний директор Юнус Садыхов, как и Мирзали Абилов, работал раньше в Масаллах агрономом района — уровень соответствующий...

...Калиновка — русское, в основном, село: переселенцы из Тамбовской губернии основали его почти полтора века назад. И дома здесь чем-то похожи на крестьянские избы средней России: наличники и ставни на окнах, резные венцы. Во дворах — русские бани с камельками и полками, яблони, вишни. А вот гранатовые и мандариновые деревья — это уже местное. И то, что большинство домов двухэтажные, с галереей по второму этажу, — это тоже местное влияние.

150 русских семей в Калиновке. Есть азербайджанские, грузинские, армянские. Но с каждым годом все больше семей, так сказать, интернациональных — рождаются калиновцы! Так что характер-

ная особенность села — интернационализм, глубокое уважение к национальным традициям и в то же время — взаимопроникновение, взаимообогащение этих традиций. Гордость местного Дома культуры — ансамбль «Серенада». В его репертуаре советская музыка, советские песни и, разумеется, песни тех народов, представители которых здесь живут. Заметим, что «Серенада» с большим успехом «гастролирует» в Большом Колатане, где с особой теплотой принимают выступление солисток — работниц совхоза «1 Мая» Веры Лидяевой и Лили Гигашили. А самодеятельные артисты Большого Колатана (там создан ансамбль азербайджанской песни) — частые гости в Калиновке. Вот оно, содружество. И то, что мандарины, которые растут сейчас во дворах многих жителей Калиновки, попали сюда из Большого Колатана, — тоже содружество!

Но обратим внимание на то, что родина этих цитрусов, как и многих тысяч деревьев, давших первый урожай на плантации совхоза «Путь к коммунизму», высаженных в личных подсобных хозяйствах, — Махарадзевский район Грузии. Славится этот район и замечательным чаем. К слову, чай в Большом Колатане по происхождению совсем другой — селекция индийских и китайских сортов. И, конечно же, чаеводам всегда интересен опыт коллег.

— Я была в Аджарии не однажды, — рассказывает звеньевая, депутат сельского Совета Шахрабан Гиллялова. — Чаще всего в колхозе имени Зенеладзе, где работает моя подруга Нора Николаишвили, с которой мы соревнуемся. Что дают такие встречи? И мне и ей — многое. У нас, например, урожайность чайного листа выше. Почему? Вот это мы с ней и выясняем. И не без пользы: Нора мне написала, что ее гектары стали щедрее. У них сбор листа идет лучше: есть и мне чему поучиться.

...Чай, который выращивают в совхозе «Путь к коммунизму», после обработки на фабрике идет в разные концы страны. И разные республики нашего государства как бы помогают труженикам совхоза. Шлют трактора Волгоград и Минск, автомобили — Горький и Ульяновск, сельхозтехнику — Харьков, удобрения — Рустави... А такое важное взаимодействие, как обмен опытом работы, и не только с чаеводами Грузии — с украинскими колхозниками из Ново-Николаевского района Запорожской области? С этим районом масаллинцы связаны договором о социалистическом соревновании.

ФОРМУЛА ДОВЕРИЯ

— Она проста, эта формула, — объясняет секретарь парткома Гюльали Кишиев — и каждому известна: «Человек человеку — друг!» Не могу утверждать, что такая важная установка стала частью характера каждого, но именно к этому все мы стремимся в нашей повседневной работе с людьми.

Стоит задуматься: отношение людей к труду, к общим делам — не производное ли это от их отношений друг к другу? А если так, то допустимо утверждение: формула доверия уже проникла в сознание большинства. Много, о чем уже говорилось, тому свидетельство.

Работа с людьми, о которой говорил секретарь парткома, при всей ее многогранности — всегда работа воспитательная. А цель воспитания, она, очевидно, и в том, чтобы в жизни, в работе люди руководствовались формулой доверия. Но разве не такая же цель

у воспитания правового? Почти: чтобы люди доверяли закону, чтобы руководствовались его предписаниями. Во всем. Это цель. А средства? Одно из самых действенных — пропаганда права. Поэтому-то сельский Совет, партийная и профсоюзная организации совхоза возложили такую обязанность на самых авторитетных, на самых знающих депутатов и руководителей.

Область пропагандистской деятельности председателя и секретаря исполкома — все, что относится к семье и здравоохранению, к землепользованию и охране природы. Председатель профсоюзного комитета Векиль Дадашев специализируется на трудовом законодательстве. Директор и главные специалисты совхоза разъясняют законы, связанные с хозяйственной деятельностью. Правовоспитательную работу взяли на себя и начальник РОВД Иншалла Асатов и участковый инспектор Саяд Пашаев. И еще — это местная особенность: в утверждении формулы доверия, в профилактике правонарушений особо преуспел совет аксакалов.

Как муаллим — не просто учитель, так и аксакал — не только пожилой человек. Это еще человек уважаемый, глубоко почитаемый за долгую и честную жизнь, за мудрость и теплоту к людям. Нетрудно понять: если высок авторитет аксакала и непрерываемо его слово, то что значит мнение и решение совета аксакалов! Тем более когда в составе совета депутаты: работница Таджи Алиева, награжденная орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, бригадир Магдат Мусаев, кавалер ордена Трудовой Славы, лауреат Государственной премии Азербайджанской ССР и многие другие работники совхоза, жители селений. Возглавляет совет аксакалов бригадир Таги Разиев. О нем, удостоенном орденов Октябрьской Революции и «Знак Почета», четырех медалей ВДНХ, следует сказать особо. Таги-даи — председатель постоянной комиссии социального страхования и здравоохранения, заместитель секретаря парткома, председатель совхозной группы народного контроля. И со всеми многочисленными своими обязанностями шестидесятилетний аксакал справляется как нельзя лучше.

Ну, а чем он занимается, совет аксакалов? Прежде всего отношениями между людьми. Вернее конфликтами. И тогда выступает как воспитатель, случается, как третейский судья.

...Рано утром в сельисполком не зашла — вбежала женщина. Назовем ее Севдой Нуриевой.

— Помогите! — крикнула она с порога. — Помогите мне...

— Что случилось, Севда-хала? — обеспокоенно спросил секретарь исполкома Алимамед Ибрагимов.

— Случилась беда, Алимамед-муаллим. Муж мой Гашам покинул свой дом...

— Как это покинул? Почему? Куда ушел?

— Почему — не знаю, куда — тоже не знаю...

Пригласили участкового инспектора. Тот повел разговор профессионально. Узнал, что, поспорив с женой, Гашам ушел вчера вечером, что у него есть братья, живущие не так уж и далеко: один в Сабабаде, другой — в Сальянах. Через РОВД сделал запросы, и вскоре ему сообщили, что утром Гашам Нуриев приехал к своему брату в Сальяны.

...В тот же день Таги Разиев и бригадир Давуд Алиев приехали в Сальяны. Отыскивали дом Махмуда Нуриева. Конечно, о деле с Гашамом заговорили не сразу. Сначала — о погоде, о видах на урожай. Беседу в нужное русло повернул Гашам, спросив:

— Что нового в Большом Колатане?

— Новость одна-единственная,— степенно проговорил Давуд,— Севда почти сутки плачет...

— Как так,— забеспокоился Гашам.— Сутки? Не может того быть!

— Может, Гашам, может,— укоризненно покачал головой Таги.— Как думаешь, долго ей еще плакать?

— А это ее дело! — зло бросил Гашам.— Раньше я чуть ли не плакал, теперь пусть она этим занимается...

Постепенно картина стала проясняться. Вот уже пять лет как Гашам вышел на пенсию по инвалидности. Если здоровье позволяло, делал кое-что по дому, на участке трудился. Но чаще больные ноги не давали ему возможности подняться. А Севда почему-то не очень верила мужу, считала, что нарочно от домашних забот отлынивает. Попрекала. И даже лодырем обзывала. Ладно бы с глазу на глаз, а то при детях... В общем, терпел Гашам, терпел, а вчера не выдержал и сделал то, что сделал.

Аксакалы понимали: в чем-то Гашам прав. Но и виноват тоже: зачем позволял Севде называть себя лодырем? С Севдой работа впереди, для Таджи Алиевой работа. Она, конечно, убедит. Но предстояло еще убедить Гашама. Терпеливо объясняли Таги и Давуд, а Гашам вроде бы и не слышал ничего. И тут не выдержал Махмуд.

— Прости меня, брат,— смущаясь, начал он,— но сейчас мой дом — не твой дом. Твой дом в Большом Колатане...

Вернулся Гашам Нуриев. И жизнь пошла по-другому. Благодаря аксакалам...

— То, чем занимаются уважаемые аксакалы, можно назвать нравственным воспитанием,— сказал мне прокурор района Нураддин Оруджев.— Допустим, соседи из-за приусадебных участков конфликтуют — вмешиваются аксакалы. Молодожены поссорились — они помогают мир в семье утвердить. Мальчишка учиться не хочет, родители справиться не могут, а аксакалы наставят его на путь истинный. Вместе с тем их нужная и сложная работа носит правовоспитательный характер: как правило, правонарушениям всегда предшествуют нарушения норм нравственности.

Прокурор говорил не об аксакалах вообще, а о тех, кто живет в Большом Колатане. Он их хорошо знает, и они его — тоже. Это, кстати, одна из причин особого отношения к Н. Оруджеву. Другая в том, что люди всегда с большим интересом слушают его выступления. И, наконец, третья: жители Большого Колатана избрали Нураддина своим депутатом в районный Совет. Так что бывает он в селениях и как прокурор, и как депутат. И всякий раз обязательная встреча с работниками совхоза, жителями, школьниками. Особо же — с членами постоянной комиссии по социалистической законности и охране общественного порядка.

...Люди в Большом Колатане работают, учатся, живут, преодолевают какие-то трудности. И ведь, как говорится, по большому счету, живут день ото дня лучше, работают хорошо, постигают что-то новое и успешно решают большинство возникающих проблем. И немалую роль во всем этом играет утверждение формулы доверия: «Человек человеку — друг!»

ГЕОРГИЙ ЛЬВОВ

Фото С. Агаева.

ЧУЖИХ ЗАБОТ НЕ БЫВАЕТ

Нетороплив в своем срединном течении Северский Донец. Если с холма посмотреть окрест, то гладь реки заметишь не сразу — так густо заросли ее берега. Тонкий камыш и раскидистые ивы подступают к самой воде, местами как бы сплетаясь в огромный зеленый шатер, под сенью которого нашли себе приют и рыба, и птица, и лесное зверье.

Места здесь удивительные, заповедные. Где-то рядом, в излучинах реки, давным-давно сходились в жаркой сече с половцами ратники князя Игоря. Наверное, здесь, оплакивая гибель сотоварищей, насыпали они высокие курганы...

Может быть, отзвук тех далеких времен, а может быть, просто сам характер местности, изгибистый, холмистый, и дал название многим прибрежным селам Харьковщины.

Пятигорское — одно из них. Собственно, селом его можно назвать с большой натяжкой. Уж больно не вяжутся современные многоэтажные дома, широкие асфальтированные улицы, по которым проносятся большегрузные машины, с традиционным образом тихого украинского села, воспетого еще Гоголем, с его приземистыми беленькими хатками, крышами под соломой, яблоневыми садами...

Впрочем, сады как раз здесь сохранились, а вот на месте старых домов теперь раскинулись цеха Курганской птицефабрики — одного из крупнейших на Украине птицеводческих хозяйств. На этой фабрике трудятся практически все жители села.

Действительно, масштабы производства внушительны. Например, в прошлом году было получено 6835 тонн мяса птицы. А это значит, что ежедневно фабрика направляет в магазины, предприятия общественного питания, детские сады и ясли области по 15—20 тонн высококачественного мяса бройлеров. Это сейчас. А к концу пятилетки эти цифры будут значительно выше. И чтобы выполнить намеченное, фабрика, естественно, должна неуклонно наращивать темпы производства.

Где взять людей? Вопрос этот в иных колхозах и совхозах нередко поднимается до трагической ноты. В Пятигорском же — постоянный прирост населения. Нет, нельзя утверждать, будто из

села никто не уезжает. Уезжают, по разным причинам уезжают, но все же основной, годами сложившийся рабочий коллектив остается на месте.

А ведь буквально шесть-семь лет назад все было по-иному. Фабрика работала в убыток, народ потихоньку разбежался по сторонам, благо было куда: и бетонный завод, и газодобытчики — рукой подать. О каких прибылях тогда можно было говорить?

Крутой поворот к лучшему все на селе справедливо связывают с именем Виталия Иосифовича Казмирука. Несколько лет назад директор птицефабрики В. И. Казмирук (ныне он — первый секретарь Балаклеевского райкома Компартии Украины) решил так: всеми силами привлечь людей на село. В первую очередь нужно благоустроенное жилье. Будет где жить, будут и люди. И то строительство, которое велось, как говорится, ни шатко ни валко, постепенно стало обретать нужный размах. Стройка велась комплексно: поднимались этажи жилых зданий, а рядом возводились магазин, школы, детский сад на 140 мест (здесь, наверное, уместно сказать, что в Пятигорском ежегодно рождается 60—70 маленьких жителей). Между всеми подразделениями хозяйства были проложены дороги с твердым покрытием. Вместе с тем реконструировались производственные помещения, внедрялась новая техника и технология. Закономерен вопрос: а что же раньше ничего этого не сделали, ведь выход из тяжелого положения, в котором оказалось хозяйство, был очевиден? Да, видеть-то видели, но собирались долго. Поэтому дело пошло быстро, когда к нему был приложен талант руководителя, его энергия, вера в односельчан, в их желание сделать свое Пятигорское краше и богаче.

Познакомившись с Виталием Иосифовичем, я отметил его способность мыслить перспективно, с дальним прицелом. В то же время он не оставлял в стороне будничное, сиюминутное. И это было понятно. Казмирук, связавший с селом всю свою жизнь, просто обладал даром крестьянской сметки. Тем самым даром, что истари помогал нам и блоху подковать, и суп из топора сварить. Он знал, знал наперед, как сделать лучше, и если это знание свести к какой-либо краткой формуле, то она звучала бы примерно так: дать людям побольше, но и спросить поостроже. Таким образом, на первый план, наряду с существенным улучшением условий работы и быта, был выдвинут и другой важнейший вопрос — всемерного укрепления дисциплины труда.

Взять хотя бы заготовку кормов. Известно, какое важное значение этому вопросу уделил майский (1982 года) Пленум ЦК КПСС. Продовольственная программа поставила перед кормозаготовителями ответственные задачи. И чтобы решить их, уже сегодня надо проявить максимум организованности, деловитости и дисциплинированности. Понимают это и в Пятигорском.

Надо сказать, что большую часть кормов птицефабрика получает со стороны. Но кроме птицы в хозяйстве имеются крупный коровник, свинарник на несколько сот голов. Серьезное внимание уделяется и разведению племенных лошадей. И для них тоже нужны корма. И здесь на чью-то помощь рассчитывать не приходится. Поэтому особенно большие надежды руководители хозяйства связывают с развитием инициативы трудящихся, ростом их самосознания, совершенствованием социалистического соревнования. Во многом благодаря этому стало возможным внедрение на фабрике промышленных способов заготовки кормов. Повсемест-

но действуют агрегаты по производству витаминной муки, гранул.

Вместе с нынешним руководителем птицефабрики Александром Михайловичем Литвиненко мы побывали и непосредственно на фабрике, и в многочисленных подсобных хозяйствах; заглянули в клуб, в сельский магазин, на ипподром (да-да, на ипподром, но об этом речь ниже). И вот что бросилось в глаза: везде — на ко-согорах, на обочинах дорог, вокруг домов, словом, везде, где только можно, трава была аккуратно выкошена. Заметив мой несколько недоуменный взгляд, Александр Михайлович пояснил:

— На ферму косим, ведь мясом и молоком мы сами себя обеспечиваем. Так что, надеюсь, зимой с кормами будем.

— А кто же косит? — поинтересовался я.

— Да все. Собрали общее собрание и постановили: за лето каждому работнику нужно накосить определенное количество килограммов сена.

— А вы лично косите?

— И я, конечно. Почему я должен стоять в стороне от общего дела? Правда, — здесь Александр Михайлович улыбнулся, — кошу сразу за двоих — за себя, и за жену. Она еще дома с малышом сидит.

И надо сказать, что в селе все правильно отнеслись к этому начинанию. А как же иначе? Если ты считаешь себя хозяином, то и относишься по-хозяйски к нажитому добру. Здесь чужих забот нет.

Так, казалось бы, с малого шага начинаются в Пятигорском большие и серьезные дела. Вообще, надо сказать, что ответственность каждого за общий итог, конечный результат работы положен в основу деятельности всего коллектива пятигорцев.

Специальный стенд на первом этаже здания дирекции фабрики сплошь завешан «Молниями». Это как бы оперативные донесения с важнейших участков производства, где коротко сообщается о достигнутых трудовых успехах. Вот, например, выпуск, специально посвященный бригаде Анны Петровны Лукьянчиковой. Редко кто равнодушно пройдет мимо этого сообщения. Оно и понятно — за первую половину года птичницы получили 102 яйца от каждой несушки мясных линий. И все понимают, что такой показатель гарантирует значительное перевыполнение общего годового плана. Рядом — поздравления лучшим зоотехникам, дояркам, шоферам, трактористам, кормораздатчикам.

Но есть и другой стенд. Он также на видном месте. И здесь тоже многолюдно. Однако на сей раз обходится без улыбок и радостных восклицаний. Подхожу ближе. На ватманском листе довольно живописно изображен сантехник Николай М-ев, ведущий титаническую борьбу с земным притяжением. Сизый нос явно выдает причины временного бес-силia.

— Ну вот, доигрался, в «Колючку» попал! — слышался рядом голос какого-то паренька.

— Сам попал и других подвел. Всю бригаду подвел, — добавляет его приятель...

А к концу дня, ближе к вечеру, в штабе добровольной народной дружины по охране общественного порядка обсуждались очередные темы для стенгазеты. Еще раз внимательно перечитывались, анализировались случаи правонарушений, решения товарищеского суда, заявления граждан. Наконец, выбран и «достойный» кандидат в будущий номер «Колючки». Им оказался Валерий П-ов, шофер одного из районных отделений Сельхозтехники, доставленный общественными автоинспекторами (их - кстати, в ДНД 10 человек) в штаб дружины за управление машины в состоянии алкогольного опьянения. Материалы были переданы в органы милиции, и теперь, видимо, этому любителю спиртного надолго придется расстаться с водительскими правами.

— Как видите, дел еще нам хватает,— говорит Александр Иванович Белодед — начальник штаба ДНД.— Приходится не только пьяниц и уличных дебоширов утихомиривать, но и не в меру распоясавшихся домашних хулиганов к порядку призывать, да и «несуны» еще у нас, к сожалению, не перевелись.

— И много таких?

— Много не много, а есть. В прошлом году, например, с помощью наших дружинников задержано 23 человека, пытавшихся совершить мелкие хищения — вынести с фабрики мясо, яйца, различные корма.

Двадцать три человека. Много это или мало? Нет слов, благодаря народным дружинникам, которые строят свою работу в тесном контакте с сотрудниками органов внутренних дел, «несунов» в хозяйстве стало гораздо меньше. И все же, видимо, это много, если учесть, что такое глубоко чуждое нашему социалистическому образу жизни явление еще нет-нет да и дает рецидивы.

Н. Мадан, рабочий фабрики, ухищрялся систематически, как выяснилось впоследствии, выносить через проходную ворованное, но однажды с помощью дружинников был задержан. Теперь осужден и отбывает наказание. В. Белов загодя набил мешок тушками бройлеров и вечером, перемахнув через забор, пытался скрыться. По сигналу рабочих фабрики был задержан с поличным и понес заслуженное наказание. Благодаря бдительности тружеников фабрики схвачен за руку и еще один расхититель — С-ко.

Но даже на минуту отстранившись от того непреложного факта, что рано или поздно вор будет схвачен за руку и наказан, то и тогда, если вдуматься, «философия» таких людей выглядит нелепой и ущербной.

— Не пойму я этих «несунов»,— говорит Виктор Александрович Швачко, бригадир одной из комплексных бригад, активный дружинник.— Ну, положим, раз похитил несколько килограммов мяса, другой. Но ведь все равно попадетсЯ. Сколько же стыда надо вынести, когда тебя свои же товарищи спросят — на рабочем комитете, на заседании товарищеского суда? А все случаи хищения в обязательном порядке выносятся на рассмотрение общест-венности. И это не все. Этот самый «несун» лишается и премии по итогам работы за квартал, за год. А деньги это немалые. Скажем, по итогам года нередко эта сумма доходит до 1000 рублей на одного рабочего. Я уж не говорю, что и сама зарплата у нас приличная, в среднем около 177 рублей на человека. (Для сравнения скажем, что в 1965 году средняя заработная плата на фабрике составляла всего лишь 88 рублей — в два раза меньше!) И все же лезут в государственный карман!

И так считает большинство жителей села. Когда задумываешься об истоках высокой эффективности работы сельских дружинников, их социальной активности, то приходишь к выводу, что только широкая поддержка членов производственного коллектива, всех сельчан позволила им значительно сократить количество правонарушений в Пятигорском. Такой успех стал возможен благодаря внимательному отношению ко всем начинаниям дружинников со стороны сельского Совета народных депутатов, органов внутренних дел, партийной организации фабрики и самих пятигорцев.

Частые гости на заседаниях штаба ДНД Александр Михайлович Литвиненко — директор Курганской птицефабрики, Михаил Федорович Иванченко — секретарь парткома, знатные люди села. И нужно ли говорить, как важен порой совет опытных товарищей.

Мы уже упоминали об Анне Петровне Лукьянчиковой. Односельчане оказали ей большое доверие — во второй раз избрали в Балаклеевский районный Совет народных депутатов. Ей есть чем поделиться со своими товарищами. Заходя на «огонек» к дружинникам, обсуждая с ними дела повседневные и заботы будущего, Анна Петровна словом и делом помогает сельским дружинникам.

Именно после таких бесед, например, дружинники свою деятельность стали строить в тесном контакте с народными контролерами. В зоне их внимания оказались и сельские магазины, и зернотоки, и склады кормов.

— С помощью нашей ДНД, — говорит А. П. Лукьянчикова, — удалось не только наладить общественный порядок на селе, но и значительно повысить общую производственную дисциплину. На селе авторитет дружинника очень высок, высок прежде всего потому, что жители доверяют людям в красных повязках, знают, что они не только предотвратят то или иное правонарушение, но и, если потребуется, придут на помощь в трудную минуту жизни. На их совет и поддержку всегда можно рассчитывать.

Действительно, наряду с охраной общественного порядка, члены ДНД проводят и большую воспитательную работу. Формы ее многообразны, но суть одна — сохранить надежный правопорядок на селе, перевоспитать правонарушителей, поддержать оступившегося. Взять, например, того же С-ко. Да, совершил проступок, но товарищи по работе пошли ему навстречу, поверили в его искреннее раскаяние, дали возможность доказать это трудом. И не ошиблись. Сейчас он на хорошем счету и пользуется уважением.

Добровольная народная дружина села Пятигорского насчитывает нынче 89 человек. Это опытные, не раз проверенные в деле ребята, неравнодушные к заботам и чаяниям своих односельчан: слесарь Борис Иванов, шоферы Иван Караченцов и Владимир Мищенко, инженер Николай Семенец, машинист агрегата витаминно-травяной муки Василий Сидоренко и многие другие.

Особое внимание они уделяют подросткам, ибо все поступки взрослых, и хорошие и плохие, у ребят на виду — в деревне секретов нет. И так бывает иногда, к сожалению, что «пример» некоторых пап и мам порой привлекательнее даже самых правильных наставлений. А ведь больше нужны не разговоры, а живые конкретные дела,

которые бы стали для ребят подлинным тормозом на пути к бутылке, к бесцельному шатанию по улицам, от которого всего один шаг до правонарушений.

Однажды, когда за мелкое хулиганство была задержана группа подростков, кто-то из дружинников в сердцах бросил: «Уж лучше бы на конюшню хвосты лошадям крутили, чем вот так безобразничали!» Неожиданно эти слова, сказанные, конечно, в запальчивости, обрели совсем иной смысл — а что если действительно сходить на конюшню, поговорить с В. Шевчуком?

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Дело в том, что недавно хозяйство приобрело несколько чистокровных лошадей, — решили серьезно развивать коннозаводческое дело. Пригласили на работу и опытного специалиста, знающего толк в лошадях, — Виктора Алексеевича Шевчука.

...И вот сначала робко, а потом все чаще и чаще ребята стали наведываться на конюшню. Виктор Алексеевич сумел заинтересовать их. И сейчас спросите любого, кто все свободное время проводит рядом со своими любимцами, что такое, например, «корд», «гладкие скачки», «галоп к столбу», каждый ответит со знанием дела. Более того. Сообща (тут, конечно, помогали все) в селе создали и свой ипподром, и школу верховой езды. И теперь редкий праздник в Пятигорском обходится без стремительных, увлекательных скачек. И кто знает, может быть, из этих сельских мальчишек и девочек вырастут со временем свои Насибовы и Петушковы?

Впрочем, честно говоря, не так важно, если этого и не произойдет. Гораздо важнее другое — эти школьники выйдут в большую жизнь настоящими людьми, которым дорог родной край, своя земля и все, что на этой земле обильно полито крестьянским потом.

А дел для них еще предостаточно. Решения майского (1982 года) Пленума ЦК КПСС развернули перед селом широкую перспективу. И эта работа не на год, и не на два. «Продовольственная программа, — отметил в своей речи на майском (1982 года) Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — выдвигает разные по срокам задачи — и долгосрочные, и среднесрочные, и срочные, неотложные. Мне кажется, что именно последние следует сейчас поставить в центр наших забот».

На цеховых собраниях, посвященных обсуждению решений майского (1982 года) Пленума ЦК КПСС, трудящиеся Курганской птицефабрики решили, что уже в самое ближайшее время можно добиться существенного увеличения объема производства. «А резервы для этого у нас есть, — говорит директор Курганской птицефабрики А. М. Литвиненко. — Это экономное расходование кормов, увеличение среднесуточного привеса птицы, увеличение сохранности ее поголовья. В 1982 году мы планируем продать государству около 500 тонн мяса птицы сверх плана. А впереди еще более важные задачи: пустить в ход госплемрепродуктор на 200 тысяч кур-несушек, построить еще несколько жилых домов для рабочих фабрики, сенохранилище, новый клуб, словом, забот впереди много...»

Волны на флаге

ЛАТВИЙСКИЕ ВСТРЕЧИ

Над акваторией Рижского порта, у причалов которого впритык стоят десятки советских и иностранных судов, кружит вертолет. Чайки уже привыкли и потому почти не обращают внимания на его неожиданные, кажущиеся на первый взгляд непонятными выражи. Но приглядевшись, замечаешь: вертолет «крутится» не просто так — все его маневры заметно ориентированы на крупный быстроходный катер «Рубин». Иногда люди с палубы катера руками что-то показывают вертолетчикам.

— Обычный контрольный рейд наших инспекторов, — поясняет Алексей Алексеевич Галич, начальник Латвийской республиканской государственной инспекции по охране вод Балтийского моря. — Оператор-наблюдатель, заметив с вертолета участок загрязнения, по радио сразу же сообщит об этом на катер инспектору, который в считанные минуты найдет виновного и пресечет его действия. Нарушителя ждет строгая ответственность. Нынче благодушествовать и либеральничать с губителями природы нельзя, тем более, если это связано с морем, с водой, без которой не обходится все живое на земле...

Балтика... Судьбы многих людей в Латвии связаны с этим морем-тружеником, морем-кормильцем. Недаром на государственном гербе и флаге республики изображение синих волн Балтики занимает столь почетное место. Судоходство, торговля, рыболовство — вот далеко не полный перечень дел, которыми занимаются люди, живущие у моря. Борьба за чистоту вод, дна и берегов Балтики в Латвии — дело большой государственной важности.

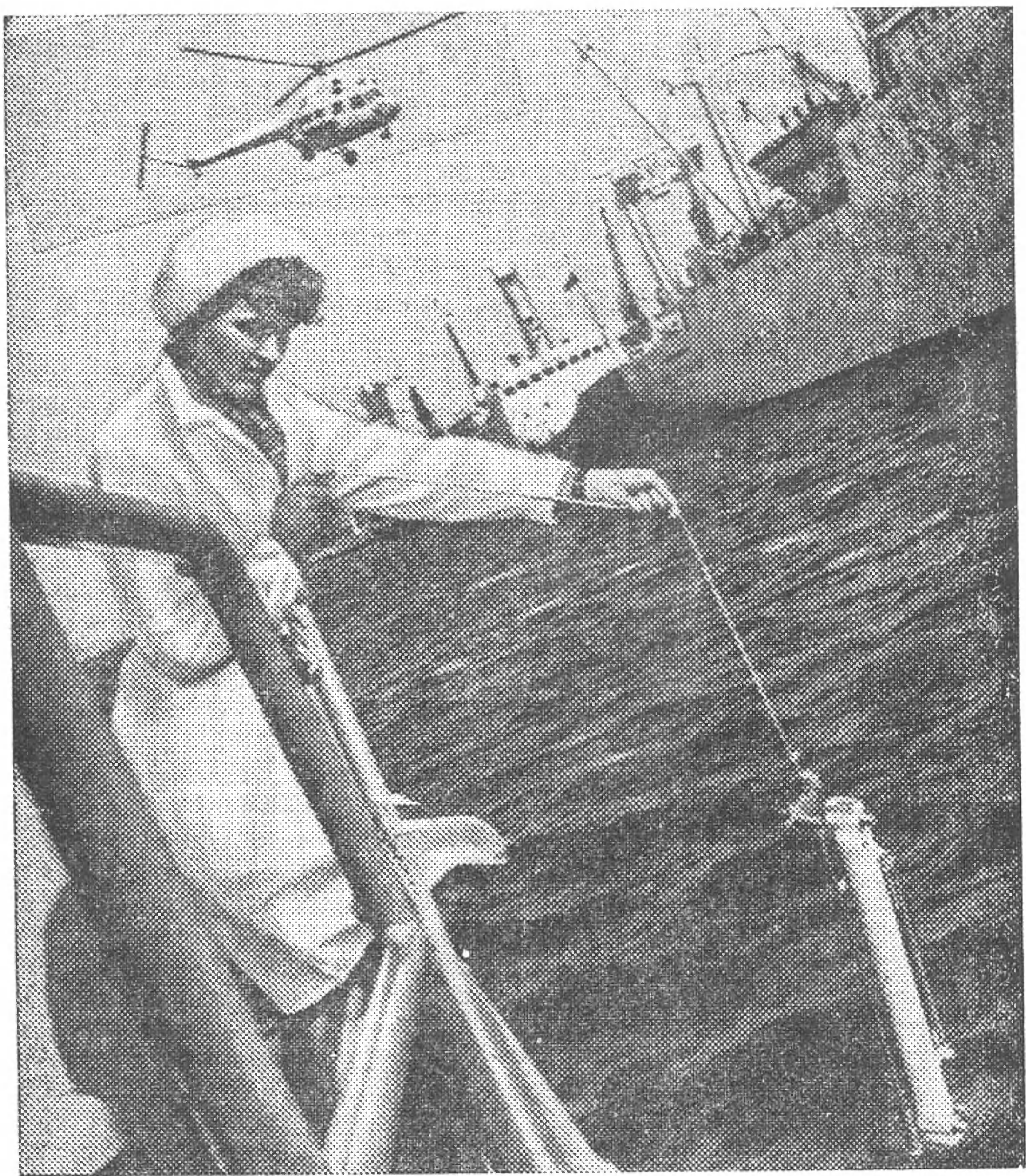
Первым — и самым авторитетным! — защитником моря стала здесь инспекция по охране вод Балтийского моря. Инспекторы этого учреждения не только выявляют источники и причины уже случившихся загрязнений, но и контролируют эффективность работы очистных сооружений на берегу и на судах. Руководствуются сотрудниками инспекции как советскими законами об охране природы, так и международными юридическими актами.

Высокая принципиальность и юридическая подготовленность инспекторов, обеспеченность передовой техникой позволили им стать подлинными стражами здоровья Балтики, грозой для тех, кому природа еще кажется бездонной бочкой. Каждый нарушитель — будь то прибрежный завод или ферма, сбросившие в море неочищенные стоки, либо иностранный танкер, выпустивший грязные балластные воды (в надежде — авось не заметят!) — ответит за свое разгильдяйство. По искам инспекции арбитражами и судами взыскано с загрязнителей моря свыше 3 миллионов рублей, в том числе около 300 тысяч рублей иностранной валютой — с зарубежных судовладельцев. Во всей этой не простой, но чрезвычайно важной

работе инспекторам соответственно оказывают всяческое содействие правоохранительные органы республики.

— В восьмидесятые годы двадцатого века,— говорит прокурор Латвийской ССР Ян Эдуардович Дзенитис,— когда природа страдает от бурного развития промышленности, одной просветительской работы для ее защиты слишком мало. Только строгое следование духу и букве законов об охране и рациональном использовании природных ресурсов приносит заметные изменения в экологическом мышлении и отношении людей к воде, земле, лесу...

Прокуратура республики ведет значительную работу не только по проверке исполнения законов об охране окружающей среды,

Контрольный рейд инспекции по охране вод Балтийского моря. Старший инженер-гидрохимик Р. Сердюк берет пробу воды в акватории Рижского порта по указанию наблюдателя с вертолета.

но и по координации деятельности государственных и общественных организаций в этой области. Надзорные проверки и их анализ становятся предметом самых широких деловых обсуждений и поисков лучших решений экологических проблем. И еще — ни один, даже самый незначительный случай нанесения ущерба природе не остается без внимания прокуратуры...

Конечно, в Латвии не только исками и штрафами оберегают природу от браконьеров и нерадивых хозяйственников. Усилиями общества охраны природы и памятников истории в республике создана обстановка бережного, уважительного отношения к животному и растительному миру, к морю, земле. Это стало существенным моральным подспорьем широкомасштабным государственным мероприятиям в области охраны окружающей среды, таким, как строительство первоклассных очистных сооружений на промышленных предприятиях республики, содержание в чистоте акваторий Рижского, Лиепайского, Вентспилского морских портов; лесовосстановление и создание национальных парков; охрана плодородия почв; наведение порядка в охотничьем хозяйстве...

Поистине неоценима помощь общественных инспекторов охраны природы — ведь они не только агитируют окружающих беречь лес, речку, луг, помогают не только призывать к порядку браконьеров и самовольных порубщиков, но и выявлять и предупреждать их губительные для природы вылазки. Подтверждение тому — судебная практика в республике.

Анне Степановне Андрукович, председателю Рижского районного народного суда не раз приходилось рассматривать уголовные дела, связанные с нарушением законодательства об охране природы.

— Всякий раз, — вспоминает Анна Степановна, — преступника помогал выявить или задержать общественный инспектор. А сколько бед в лесу и на воде они предотвратили, вовремя поймав за руку браконьера... Но, к счастью, даже в нашем — самом большом в республике сельском районе — таких происшествий становится все меньше...

Да, к счастью... Ибо на территории Рижского района расположены такие важные и ценные природоохранные зоны, как Латвийский ботанический сад и дендрарий, национальный парк Гауя, зеленая зона отдыха Риги, десятки озер, крупных и малых речек. Вся эта могучая и прекрасная зеленая сила содержится в на редкость ухоженном состоянии и одновременно доступна каждому любителю природы. Но, к великому сожалению, еще не каждый человек проникает пониманием личной и всеобщей ответственности за судьбу окружающей и дающего нам жизнь мира.

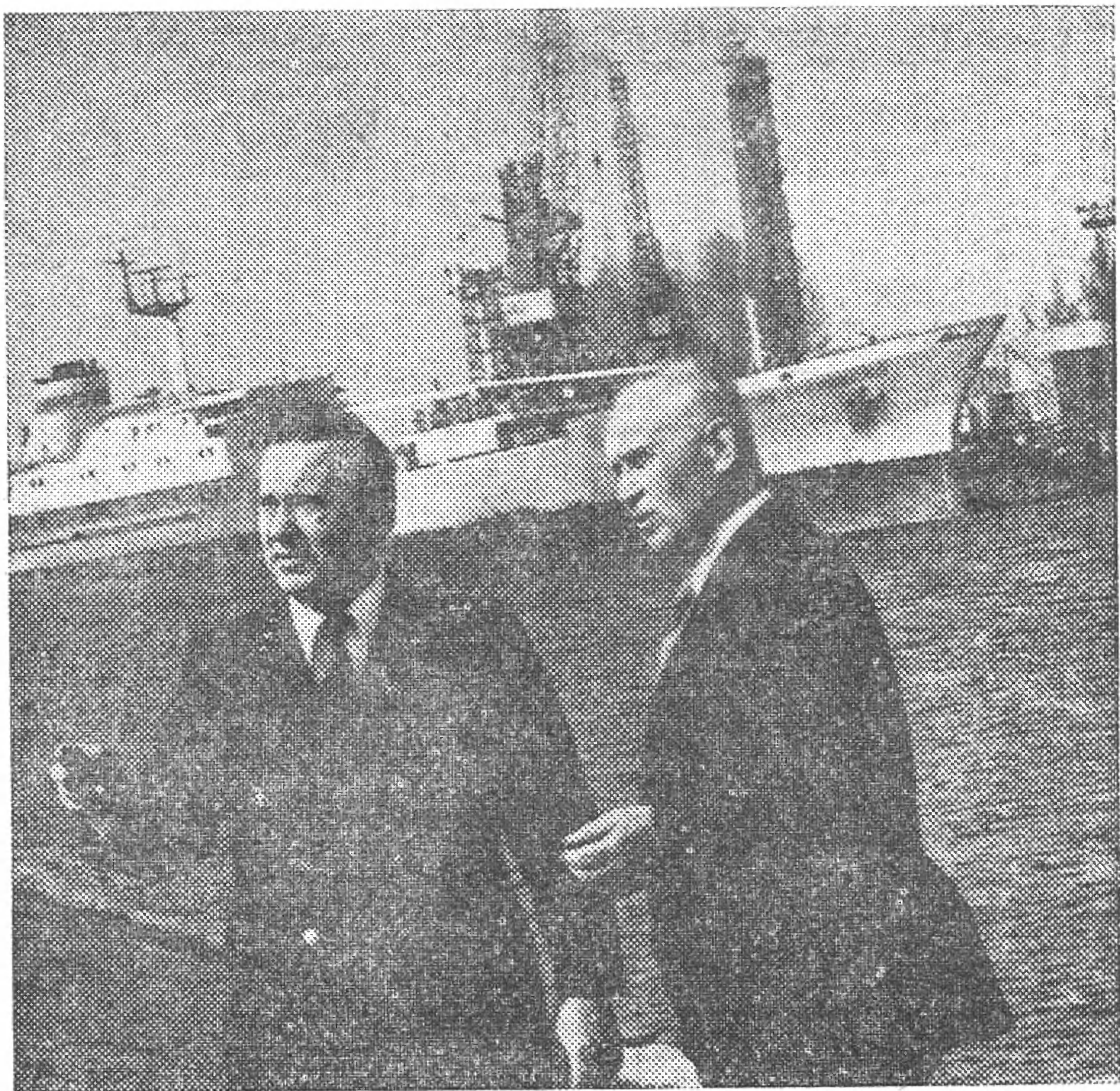
...Не далее как год назад в Рижском райнарсуде слушалось дело, получившее широкую огласку в республике. А суть истории в том, что некто Янис Г., тунеядец и пьяница, вместе со своим несовершеннолетним сообщником решил заготовить себе дров в... национальном парке. Под покровом темноты этот «дровосек» сгубил около ста деревьев... Народный суд приговорил Яниса Г. к году лишения свободы и взыскал 1713 рублей ущерба...

Случай, безусловно, редкий, исключительный, но вместе с тем он вполне определенно иллюстрирует сложившуюся в республике практику строгого наказания за бесхозяйственное, наплевательское отношение к природе...

— Такой подход вполне оправдан, — убежденно говорит лесни-

чий Леонхард Эдуардович Кунстберг, 35 лет жизни из своих 59 отдавший лесу.— Ведь срубить елку можно в считанные минуты, а вырастить ее до взрослого состояния — восемьдесят пять лет нужно! Так что задуматься есть над чем...

Леонхард Эдуардович работает в лесничестве «Тирели» Юрмалского леспромхоза. Площадь лесничества — 14 тысяч гектаров. Находится оно на довольно бойком месте: недалеко от Риги, совсем рядом с курортной зоной. Туристов и просто любителей природы тут хоть отбавляй, особенно летом и осенью, когда пойдут грибы, клюква, брусника. Однако в подведомственных Кунстбергу лесах не видно мусора, непроходимого бурелома, «лысин» от кострищ. Помимо рубок ухода, заготовки деловой древесины, лесопосадочных работ у здешних лесников вошло уже в добрую традицию напомнить каждому повстречавшемуся на лесной тропинке туристу, грибнику о том, что и от его поведения, хозяйского отношения к природе зависят краса и щедрость леса...

Прокурор Латвийской ССР Ян Эдуардович Дзенитис (слева) и начальник Республиканской государственной инспекции по охране вод Балтийского моря Алексей Алексеевич Галич.

В лесничестве «Тирели», которым руководит Леонхард Эдуардович Кунстберг, идут механизированные посадки молодняка ели. Рабочей Людмиле Стамере всегда полезен дельный совет опытного лесничего.

Анна Степановна Андрукович, председатель Рижского районного народного суда. Высокая компетентность и принципиальность, с которой она проводит судебные процессы по делам о нарушениях законов об охране природы, приносят, по мнению общественности, большой воспитательный эффект.

...Когда-то, еще в годы первой мировой войны, здешние сосновые и еловые леса были почти целиком вырублены. С тех пор на территории «Тирели» остались еще участки заболоченного мелколесья. Ежегодно до 60 гектаров новых посадок ели появляется теперь на их месте. Ускоренное лесовосстановление тут началось лишь при Советской власти — с помощью и использованием опыта

в этом деле братских советских республик. Сейчас тирельские рощи уже набрали силу. Сотни, тысячи гектаров сосны, ели, березы, стали, по мнению специалистов, вполне взрослым, добротным лесом. Не затихает в «Тирели» и другая жизнь — кабаны, лоси, олени, лисицы, зайцы встречаются тут довольно часто. Неплохо прижились и пернатые: коршуны, совы, черные аисты, тетерева, утки. И все это — результат кропотливого труда сослуживцев Кунстберга, награжденного за свой труд орденом «Знак Почета». В «Тирели» сейчас работает около 60 человек: латыши, русские, украинцы, белорусы, литовцы — словом, настоящая интернациональная семья людей, бесконечно влюбленных в природу, в свой не легкий, но благородный труд.

— Любовь к делу, конечно, необходима, — соглашается Леонхард Эдуардович, — но очень важно, что наше государство всячески помогает природоохранителям. С каждым годом все больше средств выделяется на лесовосстановление и механизацию этих работ, на охрану фауны. Постоянно совершенствуется правовой режим природопользования. Недавно принят закон «Об охране и использовании животного мира» — документ архинужный, своевременный, и мы, лесники и лесничие, сделаем все от нас зависящее, чтоб он исполнялся неукоснительно. Ведь речь идет не столько о борьбе с браконьерами, сколько о налаживании гармоничных отношений человека с природой...

Что ж, с Леонхардом Эдуардовичем нельзя не согласиться — нынче даже первокласснику известно, что от бережного, уважительного отношения к природе во многом зависит будущее и наше, и новых поколений. Именно поэтому решение насущных вопросов охраны окружающей среды, как отмечается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик», является одним из важнейших направлений социальной политики партии и нашего государства. Побывав в сегодняшней Латвии, можно с уверенностью сказать: судьба Балтики, здешних лесов, рек и земли в надежных и добрых руках.

А. ТЮЛЬПИН

Фото В. Зимины.

СОБЕСЕДНИК

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

*7 октября —
День Конституции СССР*

**Конституция действует,
живет, работает**

Слово Герою Социалистического
Труда, токарю Подольского
машиностроительного завода
им. С. Орджоникидзе
Михаилу Егоровичу Захарову.

**ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ,
ПРЕДЛАГАЕТ, РАЗМЫШЛЯЕТ**

Колхоз «Коммунизм»: два урожая в год.
Жить интересами детей.
Каким быть рынку?

*«Честный принципиальный человек
не должен молчать, когда на его глазах
совершаются спекулятивные сделки».*

**Читайте об этом в подборке
материалов «Пострадавшие
или пособники!».**

**ЧТО СДЕЛАНО ПО ПИСЬМАМ
В РЕДАКЦИЮ.**

Сверяясь с Основным Законом

«Поистине народная», — говорят о нашей Конституции советские люди. Сегодня трудно отыскать в стране человека, семью, трудовой коллектив, которые бы не испытали на себе глубокое, благотворное влияние Основного Закона. Конституция действует, живет, работает, и мы сверяем свои трудовые дела, свои поступки с ее требованиями, положениями. Вот что пишут об этом наши читатели.

Для рабочего человека

Скоро полвека, в следующем году будет юбилей, как я тружусь на Подольском ордена Ленина и ордена Октябрьской революции машиностроительном заводе им. С. Орджоникидзе. Мне моя работа всегда была интересна и давала много возможностей для проявления творческих способностей, рабочей смекалки. Часто, придя домой, сидел над чертежами, думал, как лучше выточить сложную деталь. На моем счету не одно рационализаторское предложение. Считаю, что на каждом рабочем месте, на каждом станке можно проявить инициативу, способствовать повышению производительности и качества труда. Именно так трудится подавляющее большинство моих товарищей по работе, и за это им почет и уважение коллектива, материальные поощрения. Труд стал для нас, как правильно отмечено в Конституции СССР, первой жизненной потребностью. В свою очередь, мы постоянно ощущаем заботу партии и правительства о благе рабочего человека, об обеспечении широких прав, гарантированных нам Конституцией СССР.

Расскажу вкратце о том, что делается в этом плане для трудящихся на нашем заводе. Вот как, например, завод помогает рабочим, особенно молодежи, осуществлять право на образование.

При заводе имеются сменная школа рабочей молодежи, профессионально-техническое училище, заочный техникум тяжелого машиностроения. Я бы сказал, что у нас созданы условия не просто для образования, а для прекрасного профессионального образования. Например, недавно введен в строй новый корпус ГПТУ, отлично оборудованный, там есть все, что нужно для учебы, вплоть до электронных приборов. Завод заботится о том, чтобы будущие его рабочие были не простыми исполнителями; уменью изобретать, придумывать, творчески мыслить учат их в доме технического творчества при училище. Современный рабочий должен быть широко образован. Я это по собственному опыту знаю. В какой-то момент почувствовал, что не хватает мне теоретических знаний. Понял, надо учиться. В 45 лет снова, как говорится, сел за парту. Пошел в наш техникум

на факультет металлорезания. Да не только я, многие наши рабочие окончили его. Если человек чувствует призвание к конструкторской, инженерной работе — пожалуйста, поступай в институт. Администрация завода, партийный комитет, профсоюзный комитет, комитет ВЛКСМ всегда пойдут навстречу, предоставят все положенные льготы учащемуся.

Долго можно рассказывать и о том, как осуществляется право наших рабочих на отдых. Но я не буду повторять общеизвестное об отпусках, льготных путевках в дома отдыха и санатории. Скажу только, что при заводе имеются Дворец культуры, две базы отдыха — на Оке и на Азовском море, пионерский лагерь. Недавно отреставрирована старинная усадьба на берегу реки Пахры. Там разместится Дом молодежи, где заводские юноши и девушки будут проводить свой досуг. Широко ведется жилищное строительство.

Для того чтобы строить дома и растить детей, плодотворно работать и интересно отдыхать, нам, советским людям, нужен мир. В сложной современной обстановке борьба за сохранение мира — одна из важнейших задач нашей страны. Интернациональный долг гражданина СССР — так записано в Конституции — содействовать развитию дружбы и сотрудничества с народами других стран, поддержанию и укреплению всеобщего мира.

Рабочие нашего завода по мере своих сил стараются выполнить свой интернациональный долг. Ежегодно наш завод вносит в Советский фонд мира 33 тысячи рублей.

**г. ПОДОЛЬСК,
МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ**

МИХАИЛ ЗАХАРОВ,
Герой Социалистического Тру-
да, токарь Подольского маши-
ностроительного завода имени
С. Орджоникидзе, член Мо-
сковского комитета защиты
мира

Не только права, но и обязанности

Недавно в нашей семье произошло большое событие — мой старший брат, Шакир Эргешевич Бекташев, был избран депутатом Верховного Совета Киргизской ССР.

Семья у нас большая, дружная. Отец, мать да нас шестеро — три сестренки, три брата. И сколько помню себя, Шакир всегда выделялся среди нас — не по годам серьезный, вдумчивый. За что бы он ни брался, все как-то выходило из-под его рук основательно, если что-то сделал — то на года.

Сейчас Шакир работает на шахте, передовик производства. И, честное слово, приятно видеть, с каким вниманием относятся к его слову, к его мнению товарищи по работе. А теперь вот они оказали ему высокую честь, избрав в высший орган власти республики.

Я только вступаю в большую жизнь. Передо мной открываются широкие возможности. Конституция гарантирует мне право на труд, отдых, образование... Уверена, что, если буду так же добросовестно трудиться, как мой старший брат, так же серьезно относиться к любому порученному мне делу, добьюсь в жизни многого. Очень верно записано в Конституции СССР, что общественно полезный труд и его результаты определяют положение человека в обществе.

Свидетельство тому — судьба не только моего брата, но и многих славных моих земляков — тружеников молодого шахтерского города Кок-Янгак. Начиная свою трудовую жизнь, мы, молодежь, должны не только знать свои конституционные права, но и помнить об обязанностях, важнейшая из которых — добросовестный труд на благо Родины, на благо народа.

Мы с подругой Катей Маткасымовой недавно окончили десятилетку, теперь мечтаем поступить в Московский институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова. Окончим вуз — и обратно сюда, в Кок-Янгак: мы считаем, что лучше места на земле нет.

г. КОК-ЯНГАК,
КИРГИЗСКАЯ ССР

АСЕЛЬ БЕКТАШЕВА

Гарантии охраны здоровья

Каждый день, вот уже сорок с лишним лет одной и той же дорогой еду на работу. Не скрою — приятно, что столько времени работаю в одной из лучших поликлиник Дзержинского района столицы.

Начинала еще в войну — в самое суровое для Москвы время, в октябре сорок первого, сперва санитаркой, потом медсестрой. Так медсестрой и осталась. И горжусь этой профессией. Горжусь потому, что нет ничего важнее, чем помочь человеку в трудную минуту жизни, сохранить ему силы и здоровье для полноценного труда.

В статье 42 Конституции СССР записано, что все граждане страны имеют право на охрану здоровья. Это право обеспечивается расширением сети учреждений для лечения и укрепления здоровья граждан, проведением широких профилактических мероприятий, особой заботой о здоровье подрастающего поколения.

Сорок лет — срок достаточно большой, чтобы увидеть, какие значительные перемены за это время произошли в нашей медицине.

Помню еще, как их тогда называли: кареты «скорой помощи». Как все изменилось! Сегодня в нашем распоряжении современные автомобили с набором всего необходимого медицинского оборудования. Сократилось время между вызовом и прибытием врача на дом. Вообще, и это хочется отметить особо, медицина, если так можно сказать, приблизилась к нашим домам, что, конечно, позволило сберечь тысячи и тысячи жизней. Я уж не говорю, что все это делается бесплатно. Где, в какой капиталистической стране можно найти такое? Это и есть реальное завоевание социалистического образа жизни.

Пользуясь случаем, хочется отметить и труд некоторых моих коллег, товарищей по работе, чьи золотые руки и доброе сердце сберегли здоровье многим и многим москвичам. Это главный врач нашей поликлиники Галина Витальевна Фесай, хирург Александр Яковлевич Константиновский, терапевт Нелли Викторовна Федосеева. Их вдохновенный труд, как и труд всех медицинских работников, позволяет сказать: здоровье народа в надежных руках.

ЛИДИЯ ЖАРОВА,
медсестра поликлиники № 77
Дзержинского района
г. Москвы

Готовим кадры для села

В Омском ордена Ленина сельскохозяйственном институте имени С. М. Кирова готовятся кадры для села, в основном для сельских районов Сибири и Дальнего Востока. И этот год для всех нас, и для студентов, и для преподавателей,— особенный: принята Продовольственная программа СССР. Понимая всю грандиозность и величие ее перспектив, мы воспринимаем положения Программы как прямое продолжение генеральной линии нашей партии, нашедшей свое выражение в Конституции (Основном Законе) СССР,— курса на всемерное повышение благосостояния нашего народа.

Предстоит много сделать. Продовольственная программа — наш постоянный ориентир. Мы должны всеми силами повысить престиж сельского работника, и первое условие здесь — глубина и разносторонность знаний наших выпускников. Современному агроному, механизатору нужно не только хорошо знать непосредственно свою специальность, но и уметь разбираться во многих других вопросах, которые выдвигает сегодня жизнь советского села. Вот почему мы в этом году стали особое внимание уделять правовой подготовке студентов — в институте введен новый предмет «Советское право», в дипломных проектах рекомендуется и исследование правовых отношений в сельском хозяйстве. Так что надеемся, что наши студенты со временем вырастут в авторитетных командиров сельскохозяйственного производства.

г. ОМСК

РУДОЛЬФ НЕЙМАН,

старший преподаватель Омского сельскохозяйственного института, кандидат экономических наук

В издательстве «Знание» вышла в свет новая книга.

ВАСИЛЬЕВ В. И.

Конституция живет, действует, работает. (Серия «Государство и право»).

Цена 11 коп.

В брошюре раскрывается значение Основного Закона нашего государства, характеризуется законодательство, принятое с целью превращения в жизнь конституционных положений, показываются успехи, достигнутые нашей страной в политической, экономической и социальной сферах жизни общества в ходе реализации Конституции зрелого социализма, освещаются решения партии по вопросам развития социалистической демократии.

Брошюра рассчитана на лекторов, пропагандистов, слушателей народных университетов, всех читателей, интересующихся данным вопросом.

Спор решается на месте

Уважаемая редакция!

Хочу поделиться своей обидой. Слишком несправедливо со мной поступили. Послал меня мастер убирать мусор вокруг цеха. Я отказался, мне объявили выговор и лишили премии. Считаю, что это не по закону, прошу вашего вмешательства...

г. САРАНСК

А. КОНДРАШОВ

Дорогие товарищи!

Недавно я послал вам письмо, в котором писал, что меня несправедливо лишили премии. Спешу сообщить, что мой вопрос решен на месте. Оказалось, на заводе существует комиссия по трудовым спорам. Я подал туда заявление, и мой вопрос был разрешен по справедливости. Извините за беспокойство.

С приветом,

слесарь А. КОНДРАШОВ.

Эти два письма пришли в редакцию одно за другим. Безусловно, с их автором поступили несправедливо. Лишить работника премии или снизить ее размер, согласно законодательству, можно лишь при условии, если он допустил производственные упущения в работе или иные проступки. При рассмотрении трудового спора всегда учитывается характер возложенных на работника обязанностей согласно трудовому договору. Уборка же территории в обязанности Кондрашова не входила. И не случайно заводская комиссия по трудовым спорам приняла решение в пользу рабочего. Таким образом, законность восстановлена. Но обращают на себя внимание слова из второго письма: «Оказалось, на заводе существует...» То есть рабочий не знал о существовании на предприятии комиссии по трудовым спорам. К сожалению, случай этот не единичный. Люди спешат обратиться в вышестоящие инстанции, редакции газет и журналов, тогда как их споры могут быть быстро и объективно разрешены на месте комиссией по трудовым спорам, комитетом профсоюза.

Комиссия по трудовым спорам уполномочена рассматривать споры по вопросам применения норм выработки и сдельных расценок; перевода на другую работу; оплаты труда; наложения дисциплинарных взысканий; выплаты компенсаций, вознаграждений за выслугу лет, выходных пособий, заработной платы за время вынужденного прогула; предоставления ежегодного отпуска установленной продолжительности, оплаты его и выплаты денежной компенсации за неиспользованный отпуск при увольнении; выдачи и использования спецодежды, лечебно-профилактического питания и другие.

Прием заявлений, поступающих в комиссию, производится профсоюзным комитетом, а там, где его нет, — профсоюзным организатором. Для объективности рассмотрения спора в состав комиссии входит равное число представителей профсоюзного комитета и администрации.

Вот как, например, работает такая комиссия на тамбовском заводе «Комсомолец». В ее составе два человека: от профсоюзной организации мастер Тамара Михайловна Сорокина, администрацию завода представляет инженер Валентина Ивановна Артемина. Постоянного председателя или секретаря в комиссии нет. Их обязанности выполняются поочередно. Поступившие заявления рассматриваются в пятидневный срок. Продлевается он в том случае, если заявитель заболел.

Заседать комиссия должна в нерабочее время, жалобы разбирать обязана в присутствии заявителя. Исключение допускается только с его письменного согласия. При первой неявке заявителя без уважительной причины заседание переносится, но при повторной комиссия может снять вопрос с рассмотрения. И тогда жалобщику придется снова обратиться с заявлением (если он, конечно, будет настаивать на рассмотрении конфликта). Ему, кстати, предоставляется право заявлять мотивированный отвод членам комиссии, если, например, он находится с кем-то из них в неприязненных отношениях. Кроме тщательного изучения всех обстоятельств конфликта на месте, в производственном коллективе, Сорокина с Артеминой обязательно консультируются и у заводского юриста Тамары Гавриловны Ильченко. Обе хорошо понимают, что при разрешении того или иного конфликта их слово не должно расходиться с требованиями закона.

От токаря Крузиной поступило в комиссию заявление о неправильной оплате труда. Изготовила Крузина согласно чертежам сто сорок деталей, сдала в отдел технического контроля. А на сборке вдруг выяснилось: вся партия не соответствовала нужным стандартам. За брак решились удержать со станочницы

Сорокина побеседовала с конструкторами, технологами, проконсультировалась у заводского юриста. Вместе установили, что со станочницы незаконно удержали за брак.

Комиссия вынесла решение: брак допущен не по вине Крузиной, сумму 39 рублей 41 копейку, удержанную без письменного согласия рабочего, вернуть в пятидневный срок.

Зарецкий работал штамповщиком. Когда он получил производственную травму, его перевели на другую, нижеоплачиваемую операцию. Человек обратился в комиссию с заявлением о выплате разницы в зарплате. Юрисконсульт и члены комиссии убедили цеховую администрацию в правомерности требования рабочего.

Но бывает и так, что претензии рабочего к администрации необоснованны, и тогда комиссии предстоит убедить его в этом, с разбором всех обстоятельств дела, со ссылкой на закон.

Был, например, такой случай. Трех рабочих лишили тринадцатой зарплаты по итогам года за нарушение трудовой дисциплины. Однако все трое посчитали решение администрации несправедливым и обратились с жалобой. Комиссия приступила к обстоятельному разбору дела.

Заседание на этот раз проходило бурно. Выступали товарищи по работе, говорили о прогулах и других нарушениях дисциплины жалобщиков. Было зачитано сообщение о пребывании одного из друзей в медвытрезвителе, как раз в тот день, когда был совершен прогул. Комиссия убедительно доказала жалобщикам, что их претензии необоснованны. И никто из троих с обжалованием принятого комиссией решения в заводской комитет профсоюза не обратился.

За последние годы на «Комсомольце» лишь однажды рассмот-

ренный комиссией трудовой спор оказался вынесенным на обсуждение завкома. Дело было связано с увольнением сотрудницы заводских детских яслей Павловой.

Работала она там няней, уволилась, а три месяца спустя обратилась на предприятие с требованием о восстановлении, ссылаясь на временную нетрудоспособность в день увольнения. К тому времени ее место уже занимала другая работница.

Комиссия Павлову в ее требованиях не поддержала, и вот почему. Уволилась она по собственному желанию, а такое увольнение возможно при временной нетрудоспособности. Жалобщица обратилась в завком. Но закон — везде закон. И завком решение комиссии оставил без изменений.

Трудовые споры чаще возникают там, где руководители цехов плохо знают законодательство или относятся формально к его соблюдению. Ведь вот как вышло, например, с бригадиром слесарей Волгиным.

Полгода человек выполнял дополнительные обязанности по службе и не получал доплаты. При рассмотрении заявления на заседании комиссии мастер цеха сказал, что оплата каждого слесаря индивидуальная, поэтому, мол, в бригадире нет надобности.

Однако выяснилось, что роль Волгина в выполнении плановых производственных заданий значительна и ему положена дополнительная оплата. Кроме урегулирования конфликта, члены комиссии обратили внимание руководителей цеха на важность укрепления бригадного метода организации труда.

Решения комиссии по трудовым спорам принимаются только по соглашению сторон, имеют обязательную силу и какого бы то ни было утверждения не требуют, они непременно должны соответствовать действующему законодательству, коллективному договору и всем должностным инструкциям и положениям.

Администрация не имеет права обжаловать такие решения. И если рабочий или служащий удовлетворен рассмотрением своего заявления на комиссии, то трудовой спор можно считать исчерпанным.

г. ТАМБОВ

В. АНИСИМОВ

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА

Несмотря на то, что П. Волокитин ранее был судим, после отбытия наказания он был принят на должность директора Читинской плодоовощной базы. В первую очередь Волокитин занялся ремонтом. С этой целью он заключил договор с бригадой из четырех человек. Последние отремонтировали здание цеха засолки, после чего попросили Волокитина рассчитаться с ними. Тот отказал на

том основании, что на базе нет денег, и намекнул, что если бригада поделится с ним заработком, то наряды закроет быстро. Бригадир передал Волокитину 300 рублей. В процессе ремонтных работ такие операции осуществлялись несколько раз. Волокитин был привлечен к уголовной ответственности за неоднократное получение взятки путем вымогательства и приговорен Читинским областным судом к 9 годам лишения свободы с конфискацией имущества.

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ, ПРЕДЛАГАЕТ, РАЗМЫШЛЯЕТ

РАЦИОНАЛЬНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ КАЖДЫЙ ГЕКТАР

Решения майского Пленума ЦК КПСС нашли горячий отклик в сердцах сельских труженников Таджикистана. Задачи перед нами поставлены сложные, но своевременные и нужные. Успех в их решении зависит от нашего умения хозяйствовать, трудолюбия, добросовестности. В сельском хозяйстве я работаю вот уже тридцать три года и уверенно могу сказать, что у нас есть все возможности для успешного выполнения поставленных партией и правительством задач. В нашем колхозе, например, хорошая материально-техническая база, высококвалифицированные кадры. Много делается для улучшения быта сельских труженников. Дома строим просторные, светлые, со всеми удобствами. Большие дружные семьи — явление нередкое. Это наши колхозные династии. Молодежь остается работать в колхозе по примеру своих родителей и старших братьев. Растут семьи — прибавляется забот у правления. Заканчиваем строительство двух новых школ для ребят, благоустраиваем дороги, чтобы улучшить сообщение с городом. На эту заботу колхозники отвечают новыми достижениями в труде. В прошлом году мы сдали государству триста тонн мяса, три тысячи тонн молока, тысячу двести тонн яблок, четыреста двадцать тонн бахчевых, триста пятьдесят тонн зерна, тринадцать тысяч тонн хлопка.

Однако сегодня спрос населения на мясные и молочные изделия в целом по стране еще не удовлетворен, недостает овощей и фруктов. Эти проблемы нужно решать. Леонид Ильич Брежнев подчеркнул в своем докладе на майском Пленуме ЦК КПСС, что у нас большие посевные площади, а урожайность растет явно недостаточно. Интенсификация сельскохозяйственного производства на основе высокой производительности труда — вот наша главная задача, и резервы здесь немалые. Сейчас наш колхоз получает с поля два урожая в год. Первый — 50 центнеров пшеницы с гектара и второй — 80 центнеров кукурузы. В этой пятилетке планируем добиться сбора урожая три раза в год. Выращивая в зимнее время корм для скота, мы будем способствовать решению такой важной задачи Продовольственной программы, как увеличение продуктов животноводства за счет значительного роста кормов.

Добиваясь увеличения производства сельскохозяйственной продукции, нам следует повести решительную борьбу с бесхозяйственностью, разгильдяйством, не допуская потерь во время сбора урожая, при хранении и перевозке зерна, кормов, бережно относиться к технике, инвентарю. В этом деле нам, руководителям, нужно шире опираться на помощь общественников — народных контролеров, дружинников, профсоюзных активистов. Нужно повысить чувство ответственности каждого труженика за порученное дело, пробудить его инициативу. При этом важно умело использовать предусмотренные трудовым законодательством меры морального и материального

поощрения, а нерадивых работников, лодырей, прогульщиков, пьяниц не покрывать, как это еще бывает, когда не хотят сор из избы выносить, а наказывать в дисциплинарном порядке в соответствии с законом. Дисциплина труда — одно из важнейших условий успешного выполнения Продовольственной программы. И добиваться ее повышения нужно, опираясь на силу закона.

КУРГАН-ТЮБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ,
ТАДЖИКСКАЯ ССР

МАХМАДЖАН КУРБАНОВ,
заместитель председателя кол-
хоза «Коммунизм»

СДЕЛАЛИ ДЛЯ РЕБЯТ

В нашем доме-новостройке много школьников. Приехали они с разных концов города и не сразу привыкли к новому месту, к новым друзьям. Часто во дворе вспыхивали ребячьи потасовки, а как-то захожу в подъезд, смотрю — парнишка на подоконнике перочинным ножом «Таня + Ваня» вырезает, в другом подъезде лампочку разбили, стены испачкали. Вот я и подумала: надо подружить ребят и научить их любить и беречь свой дом. Собрали мы ребятшек и рассказали им, как строили наш дом, сколько денег идет ежегодно на мелкий ремонт: замену электролампочек, вставку разбитых стекол в подъездах, исправление поломок. Обсудили все это с ребятами и предложили самим сохранять свой дом. А чтобы им было интереснее, организовали соревнование между подъездами. Ребята очень ответственно отнеслись к делу. С тех пор вы не увидите на лестничных клетках исписанных стен и сломанных перил. Объединенные серьезным делом, ребята подружились. Активнее стало и участие родителей во всех делах. Они построили детскую площадку. Многие предоставляют свои квартиры для лекций и бесед, так как, к сожалению, у нас нет «красного уголка».

Многое можно придумать, чтобы сделать жизнь ребят интересной. Мы организовывали праздники первоклассника накануне 1 сентября. На них приходит очень много народа: ребята, их родители, дедушки и бабушки, соседи. Однажды на праздник пришел 90-летний прадедушка первоклассника. Он рассказал ребятам о том, как сам учился когда-то, за много километров ходил в школу, учился писать на грифельной досочке.

Расскажу еще о нашей встрече с ветеранами войны, живущими в доме. Обошли мы квартиры, разузнали, сколько в доме ветеранов, и пригласили их на встречу. Пришли они нарядные, на груди сверкали ордена и медали, много рассказывали о войне, о своих фронтовых дорогах. А потом все сфотографировались на память с детьми.

Прошло уже несколько лет, как мы въехали в наш дом. Многие ребята выросли, ушли в армию, кто-то уже женился, а традиция беречь свой дом, жить дружно осталась.

г. КОТЛАС,
АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

П. РАТКЕВИЧ,
пенсионерка

А КАК ЖЕ СОВЕСТЬ?

Одним из наиболее благоприятных мест, где пышным цветом расцвела спекуляция, являются рынки, прозванные в народе «барахолками». Обычно торгуют там в воскресные дни. Рынок есть и в городе Кинель, где я живу. Продают там по большей части те товары, на которые у нас еще повышенный спрос (меха, ковры, обувь иностранного производства). А попробуйте продать какую-нибудь поношенную вещь — не так это легко.

Вот и получается, что идут на этот рынок те, кто явно рассчитывает на барыш. Конечно, есть и такие, кто несет вещи по другой причине: не подошел размер, не нравится цвет, фасон и так далее. Но много ли таких?

А какие цены устанавливаются на рынке! На вещь, пользующуюся повышенным спросом, цена практически не ограничена, сколько продавец желает, столько и просит. Контроля за ценами нет.

Мне могут возразить: если дорого — не бери. Точно так же отвечают и продавцы, зная, что их товар не залежится. Вот и получается: одни наживаются, другие покупают втридорога, не смущаясь, что выступают в роли пособников спекулянтов. А как же их гражданская совесть?

Спекуляция разлагает людей, борьбу с ней нужно усилить как административным органам, так и общественным. Только общими усилиями можно победить это зло.

г. КИНЕЛЬ,
КУЙБЫШЕВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Н. БЕЛОМЕНЕЦКИЙ,
преподаватель

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА

Работники СУ-317 треста «Новгородпромстрой» и его субподрядчики производили реконструкцию Новгородского завода стекловолокна. Работы осуществлялись с большими отклонениями от норм. В результате вышли из строя 20 километров электрического кабеля, что привело к простоям на заводе. По данному факту было возбуждено уголовное дело. При расследовании установлено, что начальник СУ В. Мачульский, старший прораб СМУ-87 треста «Электромонтаж» № 45 Н. Погодин и прораб К. Мызников сдавали объекты с недоделками, работы производили некачественно, а директор завода стекловолокна Е. Бородин, начальник отдела капитального

строительства Н. Царьков и главный энергетик В. Калугин приняли предприятие, хотя и знали, что оно не может функционировать. Кроме того, Мачульский занимался еще и приписками в отчетности.

Ленинский районный народный суд Новгорода приговорил Мачульского к 2 годам лишения свободы условно с обязательным привлечением к труду на стройках народного хозяйства, Погодина, Мызникова, Бородинна, Царькова и Калугина — к 1 году исправительных работ каждого с удержанием 20 процентов заработка в доход государства. Кроме того, с них решено взыскать в пользу завода: с Мачульского — 5 тысяч, с Погодина и Мызникова — по 3 тысячи, с Бородинна и Царькова — по 4 тысячи, с Калугина — 2,5 тысячи рублей.

ПОСТРАДАВШИЕ ИЛИ ПОСОБНИКИ?

В редакцию приходят письма, авторы которых с возмущением пишут о спекуляции теми или иными дефицитными товарами и требуют ужесточить борьбу с различного рода жуликами и захребетниками. Одно такое письмо «А как же совесть?» опубликовано в этом номере.

Слов нет, спекуляция — явление нетерпимое, и правоохранительные органы активно борются с ней. Но в этом деле важна роль и общественности. Честный, принципиальный человек не должен молчать, когда на его глазах совершаются спекулятивные сделки.

К сожалению, некоторые люди не только молчат, но и выступают в роли пособников жуликов и спекулянтов, покупая у них дефицитные вещи. Именно об этом идет речь в публикуемых ниже материалах.

ЗНАЛИ... И МОЛЧАЛИ

Нина Васильевна Дорохова открыла почтовый ящик, достала газеты, и вдруг сердце ее радостно екнуло. Между страниц, пахнущих типографской краской, увидела четырехугольник.

— Виктор, — вбежала она в квартиру, — открытка!

— От кого? — спросил муж.

— Из магазина, наша очередь на ковер подошла.

— Наконец-то!

Супруги сходили в сберкассау за деньгами, а затем направились в магазин.

— Позвольте вас спросить? — Несколько человек приблизились к ним почти вплотную.

— Пожалуйста, — растерялась Нина Васильевна.

— Где здесь улица Воровского?

Дороховы задумались.

— У нас в городе вроде нет такой.

— Вижу, день у вас особый, — почти не дожидаясь ответа, проговорила одна из женщин.

— Да, — согласились Дороховы, — ковер вот идем покупать.

— Красивая вещь...

Супруги и не заметили, как их оттерли от дверей, предложили напрямик:

— Вы нам открытку, мы вам сто пятьдесят рублей.

— Неудобно как-то... — растерялся Виктор Иванович. — Да и ковер нам нужен.

Первой сдалась Нина Васильевна.

— Деньги на дороге тоже не валяются. А ковер... достанем.

Сделка состоялась. Польстившись на дармовые деньги, Дороховы не только поступились правом на приобретение дефицитной вещи, но и своим гражданским достоинством.

Уходя, услышали тот же вопрос, обращенный к другим:

— Позвольте вас спросить?..

Получив сообщение, что в поселок Меггон зачастили «купцы» с товарами, Юрий Григорьевич Кузнецов, начальник Нижневартовского ОБХСС Тюменской области, срочно созвал совещание. Было решено, что группу по раскрытию преступления возглавят Кобозов и Конобеева, самые опытные сотрудники.

Участники предстоящей операции по опыту знали, сколько трудностей возникает, когда дело касается спекуляции.

При расследовании, например, злоупотреблений служебным положением, различных приписок на помощь следственным органам приходят десятки людей, а когда речь идет о спекуляции, некоторые рассуждают примерно так: свои, мол, переплачивал, государство от этого не пострадает.

— ...План действий разработали подробный,— подвел итог Кузнецов.— Потрудиться придется много.

Леонова громко постучала в дверь соседки Зыряновой. В квартире слышались шум, возня, приглушенные голоса.

Хотела уйти, но любопытство взяло верх: она еще раз, но уже тихо постучала в квартиру. Дверь приоткрылась, показалось раскрасневшееся лицо хозяйки.

— Входи скорее. Ты одна?

— Ну прямо сыщик какой-то,— усмехнулась Леонова.— Здравствуете,— поздоровалась с гостями.

Взгляд ее упал на кули и свертки. Увидела уголок пушистого ковра.

— Купцы вот пожаловали с товаром,— заискивающе сказала Зырянова, пытливо поглядывая на соседку.

Но Леонова о ней уже забыла.

— Красотища-то какая! Мне бы вот этот, цветастенький...

— Тысяча двести.

— Дороговато.

— В магазине дешевле...

— Ладно, беру,— махнула рукой Леонова.— Заодно и вот этот, плюшевый.

Провожая Леонову, Зырянова шепнула ей:

— Спроси у соседей, может, кому что надо, и присылай. Есть и ковры, и платки, и сапожки.

Косолапова, Демидова и Петрова тоже не торговались. Быстро расплатившись, уходили, пряча в сумки купленный товар.

...Громкий стук в дверь заставил насторожиться. Побледневшая Зырянова открыла дверь и облеchenно вздохнула.

— Проходи, доченька, проходи. Давненько не была.

— Опять у тебя купцы?

— С чего ты взяла?

— Смотри, мать, попадешься.

Зырянова засуетилась.

— Да ты погляди, какие сапожки. На тебя...

— Вижу, сапоги хорошие. Сколько?

Зырянова опять засуетилась.

— Помилосердствуйте, гости дорогие. Дочка моя. Я ведь вам никогда не отказываю.

— Ладно,— махнул рукой мужчина,— мы не жадные. Бери за сто тридцать рублей.

Взяла.

...Преступников на месте задержать не удалось. Они успели сесть в проходящий рейсовый автобус. Догнали их только в аэропорту.

При осмотре вещей у Светланы Свинченко обнаружили 4500 рублей.

— Ваши деньги? — спросил Кобозов.

Она пожала плечами.

— Не знаю...

— Придется поехать в Мегнон на опознание.

Началось долгое и трудное следствие.

— Павленко Николай Григорьевич? — Кобозов внимательно посмотрел на фото, наклеенное в паспорте, перевел взгляд на Павленко. — Станный у вас документ, гражданин.

— Не нахожу, — прищурился тот.

Конобеева повернулась к Кобозову:

— Отправьте паспорт на экспертизу.

Павленко съехался.

...После самовольного отъезда с места поселения Данилов забрел на базар. Глаза разбежались. Особенно много народу возле ковров. Цена была высокая.

«Вот тебе и золотая жила, — подумал Данилов. — На Севере люди за деньгами не постоят». И начал искать сообщников.

Рыбак рыбака видит издалека. Познакомился со Светланой Свинченко, нигде не работавшей, но равнодушной к «сладкой» жизни.

Вскоре образовалась группа спекулянтов, в которую кроме Данилова вошли Светлана Свинченко, Раиса Колесникова, братья Владимир и Николай Свинченко. Каждый из них был ранее судим.

Десятки тысяч рублей получили спекулянты со щедрых покупателей.

— ...Итак, вы утверждаете, что вы Павленко? — ознакомившись с результатами экспертизы, спросил Кобозов.

— Был им какое-то время... — ответил Данилов.

Следствие установило, что больше года шли на одни и те же адреса в Тюмени так называемые неделимые, тяжелые посылки из различных городов Прибалтики.

— Мы стали догадываться, что дело нечистое, — утверждали потом работники Парфеновского почтового отделения, — но вот мерниках не приняли...

Это оказалось на руку преступникам.

Равнодушно смотрели на темные дела спекулянтов и соседи Свинченко по дому. Для них, конечно же, не было секретом, почему Данилов и его друзья живут на широкую ногу, нигде не работая. Подумали: не наше дело, пусть разбирается милиция. Недовольны были только пьяными кутежами. Но и тут дальше пересудов дело не пошло.

— Мы думали, — сказал один из соседей на суде, — сколько веревочке не виться, а конец будет.

Так сказать, выжидали.

Аналогичным образом повели себя свидетели из Мегнона, полагая, что и без них соберут доказательства вины спекулянтов. Правда, многие из них дали потом правдивые показания.

Суд каждому из спекулянтов воздал должное, а незадачливым покупателям остается еще раз подумать над тем, как оказались они в неблагоприятной роли пособников преступников.

НИЖНЕВАРТОВСК — ТЮМЕНЬ

В. ИВАНОВ,
старший инспектор управления
БХСС УВД Тюменского об-
лисполкома,
А. ЛАРИОНОВ, журналист

«ВЫГОДНАЯ» СДЕЛКА

РАЗМЫШЛЕНИЯ ЮРИСТА ПО ПОВОДУ ОДНОГО СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

Уголовное дело, о котором пойдет речь, рассмотрено Железнодорожным районным народным судом Новосибирска. Преступники наказаны. Для всех, так или иначе причастных к этому делу, оно тоже, очевидно, послужило уроком. Фамилии действующих лиц здесь не приводятся, так как суть не в конкретных людях, а в явлении в целом. Итак, размышления вокруг уголовного дела.

Джинсы, конечно, не предмет первой необходимости. Но мода на них, особенно на фирменные, пройдет, очевидно, нескоро, пока не придумают что-нибудь еще или не оденут в них всех поголовно. А сейчас — дефицит. И тут вдруг — пожалуйста: фирменные, явно дешевле рыночной стоимости, в неограниченном количестве, в красивой упаковке, за углом из-под полы. Как быть?

Возникни такой вопрос на общем собрании, ответ будет единодушным: краденое не покупаем. Но в нашем случае в отдельности каждый решил по-другому. Продавец разъяснил, что он экспедитор, у него машина и не только эти «Вранглеры», но и плюс еще импортная обувь да женское белье «Неделька». И молодые люди пошли в подворотню. Шли и не торговались — понимали, что не на рынке. Берешь два заветных пакета — плати по 180, четыре — по 160. А делегации одного студенческого общежития, отвалившей 1200 рублей за восемь упаковок, вообще повезло — пришлось ведь по 150 на нос! Да, что ни говори, а оптовая сделка всегда выгоднее. Даже с совестью: ведь не я же один такой!

Так что же получается? На словах вроде все знают, «что такое хорошо и что такое плохо». Некоторые даже, если надо где выступить по этому поводу, то, пожалуйста. А тут пришел «коробейник» — проходимец и вроде как провел конкретное социологическое исследование, но не на словах — на лакмусовой бумажке поступков. Выборочное. Среди двадцатилетних. И что же? Следовательно затем направил соответствующие представления ректорам трех вузов, где учатся «бедные» студенты, пожелавшие недорого, оптом купить явно краденые джинсы. Так что остается надеяться, что случай этот послужит им хорошим уроком.

Мне резонно могут возразить, что неустойчивых у нас единицы. Верно, однако в данном случае, о котором идет речь, соблазн одолел более десятка, казалось бы, честных людей. А сколько еще таких купивших из-под полы, но «благополучно»? Почему, например, вроде бы порядочные люди не считают зазорным покупать подешевле бензин у самосвальщиков или у «несунов» шерстяную пряжу, разный инструмент и тому подобное, что свободно можно купить в магазине? И если они не всегда хвастаются удачными сделками, то

и не очень-то их скрывают, зная, что в ближайшем окружении и в семье их порой никто не осудит.

В какой-то мере такой психологический настрой объясняется, на мой взгляд, просто. Продающие еще чем-то все-таки рискуют, хотя бы когда воруют. А покупающие из-под полы — ничем. Закон, правда, предусматривает уголовную ответственность за приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем (статья 208 УК РСФСР). Но практически за подобные сделки редко кого-либо наказывают. И тут невольно напрашиваются параллели. Взятчиков судят (и правильно!) беспощадно, а вот дающих — часто не судят. Спекулянтов сажают (и правильно!), а пользующихся их услугами — зовут в свидетели. Мошенников наказывают (и правильно!), а их «клиенты» считаются потерпевшими. Теперь вот начали привлекать (и правильно!) к уголовной ответственности продавцов за продажу товаров из-под прилавка или с черного хода (статья 156³ УК РСФСР). А покупатель здесь вроде опять ни при чем. Не создаем ли мы всем этим климат вседозволенности деньгам? Я вовсе не призываю к расширению уголовной ответственности, но общественное мнение формировать нужно и так, чтоб безонанс был! Речь идет о нравственной атмосфере повсеместно, при которой гнилье перестанет находить для себя питательную почву.

Но вернемся к «джинсовому делу». Продавца с его подручным, конечно, посадили. На четыре года каждого. Мало? Да нет. Социалистическое имущество они не расхитили, машины с импортными товарами не было. А продавали они всего лишь старые, грязные половики. Прямо от квартирных дверей. Зашивали их в красивые полиэтиленовые пакеты, и, пожалуйста, — «джинсы». Обвиняемые даже не смогли вспомнить, из каких подъездов они умыкнули более 30 половиков. И заявлений от граждан об этом не поступало. Пришлось уголовное преследование в части хищения прекратить с учетом, как сказано в постановлении, «малозначительности похищенных половиков, не представляющих собой ценности».

Всех купивших такие вот «бесценные» штаны, естественно, признали потерпевшими, и их денежки, растраченные преступниками на веселую жизнь, будут им возвращены. Но у меня бы вот лично рука дрогнула возвращать. Я бы их обратил в доход государства. Ведь покупатели понимали, что им не свои личные джинсы продавали, а оптом краденые. Так пусть и расплачиваются за то, что это их не остановило. И за то, что способствовали торговле из-под полы, в подворотнях. А как торопились сделать бизнес: даже не рассмотрели, что «импортные» пакеты-то были запечатаны не по-фирменному, а просто зашиты белыми нитками и кроме елочной ветки, шаров, горящей свечи и новогоднего пожелания счастья на латышском языке были на пакетах и всем понятные обозначения: «15 коп.», «до 1,5 кг», что как-то не указывало на их принадлежность фирме «Вранглер».

Все изложенное здесь — не призыв к бдительности при покупках из-под полы. Их вообще не должно быть. Поэтому дело не в самом механизме обмана таких покупателей. Способов мошенничества сотни, и честным людям их запоминать ни к чему. В данном случае преступники, кстати, и не претендовали на приоритет. Как они заявили, осенило их на судебном разбирательстве точно такого же «джинсового дела» у них в Красноярске. Там 5 лет мошеннику дали. Но впечатлило их не это, а простота и доступность самой технологии обогащения. Вот с ней-то они и поехали в Новосибирск.

Нашлась для мошенников хорошая крыша над головой. Тихая, скромная гостиница Облмежколхозстроя. Всего пять комнат — 14 мест. И хозяйка предобрейшая. Она им за 10 рублей в сутки всю гостиницу отдала. Могла в книгу регистрации и без документов под вымышленным номером паспорта записать. А если нужно, то и фамилию исправить на другую. Слышала она, как ее гости деньги делают, и даже видела «в одном из пакетов самодельный вязаный половичок». Но, «железная» женщина, никому ни гу-гу. На таких вот «доброхотах» и держится... преступность.

Ездили преступники по городу, конечно, только на такси. На разных. По сколько кому платили, не выяснилось. А вот последний таксист, с которым их задержали, подрядился возить за 10 рублей в час. При чем здесь счетчик? Он же хозяин!

Разумеется, не о всеобщей вине здесь идет речь. За преступление возможна только личная ответственность каждого, кто его совершил. Тем более что в данном случае действующие лица не были несовершеннолетними. И все же давайте задумаемся.

Младшему — 27 лет. Женат, трехлетняя дочь. Образование высшее. Служебная характеристика хорошая. С работой расстался странно: по собственному желанию, когда шла финансовая ревизия. Выводы она еще не успела сделать, зато он успел. Тут же переквалифицировался в мошенники. И даже успел «сесть». А сейчас вот еще и по той ревизии беспокоить начали, и тоже в уголовном смысле. Значит, всегда двуличным был. Выходит, что гнилость его распознать в свое время не смогли.

Старшему — 30 лет. Образование 8 классов. Сменил несколько мест работы. Последние пять месяцев до ареста нигде не работал. В пятистрочной характеристике с последней службы: «План выполнял, нарушений трудовой дисциплины не имел». Но самое главное видела мать: «Попал под влияние друзей, стал выпивать, играть в карты. Я заставляла его устроиться на работу, бросить играть в карты, но он все в таком же духе продолжал». Теперь-то мать официально жалуется. Нет, не на сына. На тех, кто якобы ни за что лишил его свободы. Однако дело оказалось настолько полно расследованным, что ни в вышестоящем суде, ни в прокуратуре никто не поставил вопрос о каком-либо изменении приговора.

Ю. ТРЕЩЕТЕНКОВ,
заслуженный юрист РСФСР

Редакции отвечают

КОМИТЕТ НАРОДНОГО КОНТРОЛЯ МОЛДАВСКОЙ ССР. Работница совхоза имени Горького научно-производственного объединения «Днестр» М. Зубарь написала в редакцию о фактах бесхозяйственности и нарушениях трудового законодательства в совхозе.

Проверка, проведенная Молдавским республиканским комитетом народного контроля, подтвердила указанные в письме М. Зубарь факты. В совхозе был допущен падеж скота, неполностью учитывались мясо и субпродукты после убоя животных. Некоторым работникам совхоза были установлены необоснованные надбавки к заработной плате и увеличена продолжительность отпуска, допускалось разбазаривание фондовых материалов.

За недостаточный контроль за деятельностью бухгалтерско-экономической службы директору совхоза Бондаренко объявлен строгий выговор. С лиц, виновных в нанесении материального ущерба совхозу, будут взысканы суммы ущерба.

ПРОКУРАТУРА СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ. О нарушениях штатно-финансовой дисциплины на автобазе № 4 треста «Смоленскстройтранс» сообщили редакции шоферы этого предприятия.

Ревизия, проведенная трестом «Смоленскстройтранс», обнаружила факты нарушения штатно-финансовой дисциплины, неправильной оплаты командировочных расходов, больничных листов.

Должностные лица В. Баталов, М. Фокин, В. Якушев и некоторые другие незаконно оформляли выплату командировочных расходов.

Выявлены приписки объема перевезенного грунта, в результате которых списано 1757 литров неизрасходованного дизтоплива и излишне получено с организации, в которой проводились работы, 2250 рублей.

За грубое нарушение штатно-финансовой дисциплины с директора автобазы З. Шманцара удержана треть зарплаты. Старшему бухгалтеру и главному инженеру автобазы объявлены выговоры.

Лица, незаконно получившие деньги на командировочные расходы, вернули их в кассу автобазы.

ПРОКУРАТУРА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ. Рабочие Вольской ПМК-4 треста промышленного строительства Саратовского обколхозстройобъединения написали в редакцию о нарушении администрацией предприятия условий коллективного договора. Рабочим часто задерживалась выплата заработной платы, не выдавалась спецодежда.

Изложенные в письме факты подтвердились. В настоящее время расчеты по заработной плате с рабочими и служащими ПМК-4 произведены полностью. Выдана спецодежда, которая по окончании сроков пользования будет заменяться.

Прокуратура области направила письмо председателю совета Саратовского областного колхозстройобъединения, в котором сообщила о нарушениях условий коллективного договора администрацией ПМК-4 и потребовала не допускать в дальнейшем нарушений сроков выплаты зарплаты рабочим и служащим ПМК-4.

ОХОТНИЦЫ ЗА МИРАЖАМИ

*А ведь за границей только тогда хорошо,
когда можно хоть сейчас домой уехать.*

П. И. Чайковский. Из письма брату.

Я встретила с Мартой Васильевной и Александром Андреевичем Молото, когда они только что вернулись домой, погостив у дочери... в Бельгии. Оба были словно придавлены каким-то горем. И даже разговаривая со мной, все время спрашивали самих себя: как же это все так нескладно получилось с их Оленькой?..

— Ольга уж после войны родилась. Ей старались дать все, чем нас жизнь обделила. Ни забот, ни горя не знала она у нас... Промотрели вот где-то...

А проглядели, как встретила Ольга бельгийского парня, работавшего в Москве на олимпийских объектах. Молодые люди тайком стали встречаться, Ольга полюбила и безоглядно поехала за ним, когда контракт у него кончился...

— Я знаю, насколько Оленька в душе чувствует себя виковой перед Родиной,— утирает платком глаза Марта Васильевна.— Плохо там приживается, тоскует, плачет по ночам. Книг не читает. Никуда не ходит — ни в театр, ни в кино. Ни с кем не встречается. Друзей нет... Но несчастна она или счастлива — это ее дело: сама себе такую участь выбрала. А вот внучка наша, Наташенька — дочь Ольги от первого, неудачного брака... Ей-то за что такая жизнь?.. Господи! Насмотрелась я там на подростков. Это же ужас какой-то!.. Двенадцатилетние девчонки, маленькие, щупленькие, а уже курят, вино пьют, с мужиками взрослыми путаются, продаются... Неужели и ей такой становиться? За что?.. — И она навзрыд заплакала, отойдя к окну.

А посмотрела в окно и пуще зарыдала, увидев скверик, в котором гуляла Наташа; среднюю школу с преподаванием на французском языке, в которую мечтала водить внучку; а дальше, за домами и деревьями, — Дворец пионеров, где любой ребенок найдет себе занятие по вкусу и силам... Всего этого и еще многого в будущем лишилась не по своей воле их любимица.

Долго не давал мне покоя тягостный разговор с этими оставшимися вдруг одинокими пенсионерами. Думала я и об Ольге, стараясь понять: как же представляла она себе свое будущее, когда делала роковой выбор? Сопоставляла ли свою любовь, семью и все другое, что приобретала, с тем, что теряла, оставляя Родину?

Принесенные в жертву дети

Многие, бывавшие за границей, могли встретить советских граждан, которые покинули в последние годы Родину, двинувшись за своими мужьями, и осели в разных уголках земного шара. Сколь-

ко же таких наташ, только-только начавших познавать мир, оказались на чужбине, где никто не приготовил для них ни радостного детства, ни счастливого будущего.

Советское государство не отказалось от своих бывших дочерей. Гуманно относясь к этой проблеме, оно вовсе не расценивает браки с иностранцами как некую нелояльность, как шаг, имеющий политический характер. И эта гуманность ярко проявляется в новом Законе о гражданстве СССР, который предоставляет нашим женщинам, уехавшим за рубеж в связи с замужеством, самим решать: остаться советской гражданкой или принимать гражданство мужа. То есть замужество механически не влечет потерю гражданства. И большинство уехавших предпочитает сохранять советский паспорт, выражая этим свое стремление и в дальнейшем иметь причастность к жизни Родины, сохранять морально-этическую и юридическую связь с родной землей.

Вот пришедшее в один московский дом письмо из Англии. Пишет его шестнадцатилетняя девушка Лиза Авенирова: «Бабуля, родненькая! Забери меня обратно! Ведь ты же там живешь одна. Тебе, наверное, скучно. А так мы были бы вместе. Помнишь, как раньше мы с тобой гуляли по Чистопрудному бульвару. Ты меня водила в Дом пионеров, где я училась рисовать, занималась гимнастикой... Знаешь, когда я рассказываю здешним своим школьным подружкам, что где-то можно так вот бесплатно чему хочешь учиться в детских кружках — мне не верят, смеются надо мной. А я так и не смогла привыкнуть к нашему колледжу. Все здесь не так... И маму мне жаль, хотя мы часто ссоримся: я не могу простить ей, зачем она увезла меня сюда...»

С Лией Авенировой, матерью Лизы, мне удалось познакомиться. Когда-то, теперь уже давно, Лия закончила в Москве институт иностранных языков, работала переводчицей. Познакомилась по работе со специалистом одной английской фирмы, открывшей представительство в СССР. Полюбили друг друга, поженились, несколько лет прожили в Москве. А потом по разным причинам, в том числе и из-за постоянных разногласий с матерью, не простившей дочери брака с иностранцем, Лия с мужем и десятилетней Лизой уехали в Англию.

Личное знакомство с Лией подтвердило вывод, который я первоначально сделала по ее письмам: эта женщина не нашла счастья за границей. Просто она не смогла преодолеть свою привычку к советскому образу жизни, не приняла тех порядков, которые встретила в чужой стране. И она, и ее дочь остались непонятными и ненужными людям, которые живут вокруг них.

«Хватит! Я хочу домой!..»

Будем откровенными: многие из советских женщин, уехавших за рубеж, если не большинство, ехали не только за мужьями, но и за миражом «молочных рек в кисельных берегах». Но даже у тех из них, которые нашли там достаток, в один прекрасный день из души вырывается крик: «А, надоело все! Не могу жить в этом чужом мире. Хочу домой — вот и все!» Это пишет другая «англичанка», Лорина Аггрей — молодая женщина, мать двоих детей, жена врача. «Я люблю и всегда любила свою Родину, — продолжает она. — И никуда не собиралась уезжать. Училась всегда хорошо. Где бы

ни работала — всюду мне было интересно. Поэтому всюду получала грамоты, похвалы и награды. Чего же мне не хватало? Что поехала искать от добра? Да ничего я не искала. Просто к мужу поехала! Мама и бабуля очень не хотели, чтобы я уезжала из Союза. Но не послушалась я их.

А теперь вот сплю и вижу чудесные ясли и сады. Это же счастье! Здесь, в Англии, государство абсолютно этим вопросом не занимается. Вообще образование здесь поставлено очень плохо. Это меня убивает. Чему научатся здесь мои дети?

Махнула бы на все рукой и вернулась в Союз... Но не так все просто теперь, хотя у меня и советское гражданство».

«Вернуться домой не так-то просто. Почти все мы, выехавшие за рубеж в связи с замужеством, ощущаем эту свою жизнь как что-то временное. И у всех нас нет душевного спокойствия, мы чувствуем, как постепенно духовно беднеем. Волнует нас и будущее детей, и наше собственное... И особенно тяжело, потому что никому до меня нет никакого дела.

Мне 36 лет. Живу в Египте с 1971 года. История моя обычная. Учились вместе, полюбили друг друга, поженились, уехали. Растет дочка Лильянка восьми лет. В итоге отношения с мужем не сложились.

В первую же мою поездку в Советский Союз я хотела остаться дома. Говоря «дом», я имею в виду не родительскую квартиру, я имею в виду СССР. Но на мне и подобных мне — словно пятно, которое никогда не смыть и не залечить. Я поняла это, когда приезжала к матери. Да, мы виноваты перед Родиной, я это прекрасно понимаю. Но поверьте мне, многие из нас уже наказаны, ох, как наказаны за эту свою вину!

Есть, конечно, среди нас и такие, которых интересуют только красивые тряпки. Но мне кажется, что они не способны ничего переживать. Они вообще не заслуживают, чтобы о них думали и говорили. Уехали — ну и ладно, воздух чище будет в родной стране. Но большинство из нас ведь не такие, большинство уехали за своими мужьями, за любовью, и это надо понимать. Ради любви ведь чего не сделаешь, особенно в молодости, когда не очень думается, когда кажется, что все радости еще впереди. А вот когда туман рассеивается, тогда и призадуматься...

Не знаю, как в дальнейшем сложится моя жизнь, но я всегда была русской и всегда останусь преданной родной земле, ее людям.

Я считаю свою жизнь трагедией. Ужасной трагедией. И хотя мне 36 лет, у меня такое ощущение, что мне все восемьдесят. Много бы я отдала, чтобы начать жизнь сначала. Тогда бы я не сделала этой ошибки. А тогда, по молодости, я просто не понимала, что делаю. Не понимала и не чувствовала, что теряю.

Муж мой здесь тоже не нашел своего места. Собирается переезжать в Канаду. С нами, конечно. Но я не хочу ни в Канаду, ни в США. Я хочу в Союз. Хочу жить в комнате, пусть в общежитии, хочу работать. И чтобы моя дочка ходила в школу, в нашу, советскую, такую, в какой училась я. И носила бы такое же коричневое платье с черным будничным и белым праздничным фартучком.

Я сплю и вижу себя дома. Вижу сны, которым вряд ли суждено сбыться...

Надежда Абдалла».

Очень строго судит себя и своих подруг по несчастью Ненела Петровна Лавазе, теперь жительница Австралии:

«Каждая из нас сама себе выбирала эту жизнь. Будем откровенны и признаемся сами перед собой: не случайно к нам пришла наша любовь; каждая из нас искала мужа-иностранца и мечтала уехать за рубеж. Потому что мы были обмануты западной пропагандой. И, не ценя подлинного счастья советской жизни, мечтали о роскоши, о призрачном счастье. Мы сами виноваты, вот теперь и маемся, в лучшем случае из гордости считая себя счастливыми...

Теперь же, когда у меня выросли дети, жизнь моя стала совсем пустой. Куда бы меня жизнь ни заносила, вижу одну страшную картину: голодные, грязные, больные дети бегают за туристами с протянутыми ладошками. Разве такое увидишь в Советском Союзе? Так чем измеряется благополучие общества — роскошью избранных, за которой погнались многие из нас, пестрыми тряпками или счастьем, радостью и благополучием детей?»

Прозрение

Социальные и экономические мотивы очень четко звучат во многих письмах наших молодых соотечественниц, оказавшихся за рубежом. На своем горьком опыте они убеждаются в неопределимых преимуществах советского образа жизни.

«Деньги, деньги. Все мысли заняты только тем, какую «дырку» ими заткнуть. Ведь здесь платят за все, даже за пользование общественным туалетом... И ведь четверть, а то и 35 процентов всех наших доходов съедает квартира», — пишет Алла Аморосо из Италии.

«Да, «красивую» жизнь нашли мы на Западе. Растет дороговизна, убивает безработица. Вот и стараешься приобретать для семьи те вещи и продукты, которые идут при дешевой распродаже, — устаревшее или плохого качества. То, что в витрине, нам недоступно. Да что говорить: на отдых наша семья средств не имеет. Мы уже почти одиннадцать лет живем на Западе. И ни разу за эти годы нигде не отдыхали по-настоящему. Такой возможности у нас просто нет. Последние годы мой муж работает один, мне работу найти не удается.

Прошлой весной вырвалась в родную Белоруссию. Да и то нужна заставила: болеть стала. Можно сказать, спасла меня Родина. Мне бы хотелось поблагодарить врачей обыкновенной районной Гадячской больницы и весь обслуживающий персонал за ласку, теплоту, сердечное отношение ко мне. Спасибо.

Австрия

Клавдия Штерн».

«Я в ФРГ вот уже скоро семь лет. Привыкла, конечно, хотя к некоторым вещам привыкнуть, честно говоря, невозможно. Например, когда неонацисты устраивают митинг в центре города или когда в качестве новогоднего подарка уже в который раз повышается плата за проезд, дорожают свет, отопление и газ. Городок наш небольшой, и после Ленинграда мне очень трудно было перестроиться. К тому же работы нет. Друзей, соответственно, тоже не густо.

Купили мы квартиру, залезли в долги на 30 лет, теперь устраи-

ваемся, живя в режиме железной экономии. Детские вещи я стараюсь в Ленинграде покупать (здесь цены совершенно безумные), уж про книги и пластинки и не говорю.

Я выходила замуж, твердо надеясь остаться жить в Ленинграде. Но сложилось так, что пришлось уехать к мужу, в ФРГ. В 1974 году здесь начался промышленный кризис. С тех пор я на практике ежедневно сталкиваюсь с этим хроническим недугом капитализма, который был для нас «сухой теорией» на уроках обществоведения и лекциях по политэкономии.

Наша «красивая жизнь» такова. «Право» на труд: закрываются все новые предприятия, новые тысячи людей остаются без работы. «Право» на жилье: по всей стране проходят демонстрации из-за катастрофической нехватки квартир, которые были бы по карману среднеобеспеченному населению. Предпринимателям невыгодно строить дешевые квартиры, а у государства нет денег. Впрочем, у государства нет денег и на другие социальные нужды. Недавно выяснилось, что почти пуст фонд пособий по безработице (в который каждый работающий выплачивает часть своей зарплаты). Все громче раздается (из рядов предпринимателей) знакомый призыв к народу «затянуть пояса потуже». И одновременно с этим в бундестаге все время обсуждаются новые просьбы министра обороны о дополнительных ассигнованиях на танки и самолеты...

И мне все более страшно за моих детей, за их будущее. Растут у меня два сына, а безработица среди молодежи и сейчас достигла катастрофических размеров. Темы телевизионных передач для подростков: кем быть, чтобы было легче найти работу; как уберечься от наркотиков; почему так много самоубийств среди школьников. Как только мои сыновья подрастут, мечтаю хотя бы на одно лето отправить их на Родину; в пионерский лагерь. Пусть выучат пионерские песни, поедят печеную картошку у костра, поработают в колхозе. Короче — пусть у них будет хотя бы представление о нормальной человеческой жизни, которой когда-то жила их мать!

ФРГ

Галина Ранье».

«Мы — советские люди!»

Уехавшие за рубеж наши соотечественницы начинают ценить свою Родину. Лишь там, в сравнении с капиталистической действительностью, они по-настоящему осознают и начинают понимать, что потеряли. «Это, как воздух, которым дышишь, не замечая его. Вот только когда его не хватает, ты начинаешь задыхаться», — говорит Тамара Симон из Швейцарии.

Несмотря на благополучно сложившуюся личную судьбу (у нее, казалось бы, есть все для счастья — любимый и любящий муж, хорошие дети, материальный достаток и даже интересная работа) тоскует по Родине и Людмила Стилиаку-Романцова, живущая на Кипре.

«Вот уже три года я живу на Кипре. И с каждым годом все тяжелее разлука с Родиной, тоска подступает к горлу. Меня толкнула на разлуку с Родиной, с родными любовь. Но мне на Кипре плохо. Нет, не материально — с этим все в порядке. Мой муж работает в порту, получает прилично. Я работаю по своей специальности — медсестрой. И езжу всякий раз в порт провожать советские пароходы, машу им рукой и плачу».

«Я живу в Сирии с 1975 года, домохозяйка. Главное, что не устраивает меня здесь,— отсутствие работы. Ее очень трудно найти женщине, а тем более — иностранке. Я завидую своей маме. Она работает всю жизнь в коллективе. Ударница коммунистического труда. Фотография ее всегда на доске Почета в цехе. И я с гордостью за свою маму показываю здесь ее фотографию, напечатанную в районной газете», — пишет Людмила Полетаева.

Но даже те единицы, которым посчастливилось найти любимую работу, не чувствуют себя счастливыми. «И здесь, в Англии, я сердцем не рассталась с Родиной. Работаю преподавателем русского языка в колледже, рассказываю детям правду о Советском Союзе. Но, к сожалению, мне очень не нравятся здешние подростки, слишком многие из них — уже морально опустошенные и циничные люди», — пишет Ирина Хиксон.

«В годы войны фашисты угнали меня на работу в Германию. Потом я вышла замуж за бельгийца и осталась за рубежом. Немало таких, как я, здесь, в Бельгии. Многие за эти почти 40 лет смогли вроде и устроиться неплохо: и мужья их не бросили, и дети есть, даже внуки. Обзавелись кое-чем из вещей. Вроде бы все есть. И все-таки никто не может сказать: я счастлива.

Так что тысячу раз повторяю советским девушкам: подумайте и еще подумайте, прежде чем уезжать, менять Родину на любовь. Хорошее настроение ваше, благополучие — все временно. Ослепление Западом быстро пройдет. Яркие тряпки, которые вначале затуманят вам взор, быстро померкнут. И на смену придут пустота и тоска. Заверяю вас: красивой жизни нет ни у кого и не будет в чужой стране.

А когда и любовь пройдет, вы узнаете, что только Родина всегда остается с вами.

Я тоже осуждаю себя за то, что осталась когда-то на Западе. Хотя, говорю себе, куда я могла тогда вернуться? Деревня моя была сожжена, родители погибли... И уж совсем не понять мне нынешних молодых наших девчат. Кто сейчас заставляет их уезжать из родной страны, где у них все есть, где они имели дома, квартиры, родителей, где получили образование и работу? А вот теперь сидят по своим нормам и ноют, каждая одну и ту же песню: домой хочу, к маме, сыта по горло и горячей заморской любовью, и красивой издалека для дураков жизнью. Знайте, девушки, как козо вашим сверстницам за рубежом. Будто в Советской стране мало хороших, красивых парней, с которыми только и можно построить счастливую, надежную совместную жизнь! Смолоду надо думать о будущем.

Бельгия

Ольга Гущина».

Другая наша соотечественница, Филипповская-Деревянченко, тоже долгие годы живущая в Бельгии, размышляя, что дороже — любовь к мужу или к Родине, отвечает еще более определенно: «И все-таки любовь к Родине дороже, потому что она вечна и неизменна, а все остальное, увы, проходит. И мой вам совет: ищите счастья дома!

Приходится мне за рубежом встречать молодых советских женщин, по своему желанию покинувших нашу страну. И, знаете, жалко мне их. Вроде большинство все имеют — и молодость, и красоту, и детей, и мужей, и машину, а вот чувствуется в них какая-то

ущербность. Не смогу вам точно объяснить, но такое впечатление, что им несладко, а они сами себе пытаются доказать, что им хорошо.

Я не виню их, но мне вспоминается поговорка: кто не был молод, тот не был глуп. Покинуть Родину, где человек имеет будущее, гарантированные права и дружеские отношения,— трудно это понять. Пройдет молодость, и настанет прозрение, но будет поздно — корни-то с родной землей уже разорваны».

В этих письмах-исповедях нет художественного и журналистского вымысла (да такого и при желании не придумаешь, не испытываю все на себе). Такие письма пишут в редакции газет и журналов, в бывшие «свои» институты, бывшим друзьям и знакомым. И почти в каждом письме личная трагедия, разбитые мечты, одиночество, тоска и чувство своей ненужности в чужом для их авторов мире. Все это исповеди несостоявшихся человеческих личностей. Все приведенные письма подлинны, они и подписаны невымышленными именами. Авторы писем вовсе не сгущают краски, не стремятся рисовать свою жизнь за рубежом в черном цвете и не рисуются сами. У каждого из них свои проблемы, свои радости и свои трудности. И все-таки почти в каждом письме вопрос: как жить дальше, чем и для чего жить? Что будет с детьми? А за вопросами этими следует горький упрек самим себе: что же я наделала? Зачем уехала? И предостережение другим — тысячу раз подумайте, прежде чем ехать... Сердцу приказать можно, для этого только нужны здравый смысл и развитое чувство ответственности.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

ЧИТАТЕЛЬ
НА ПРИЕМЕ У ЮРИСТА

В интересах развития личных подсобных хозяйств

В докладе на майском (1982 года) Пленуме ЦК КПСС «О Продовольственной программе СССР на период до 1990 года и мерах по ее реализации» Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев отметил большую роль личных подсобных хозяйств и садово-огородных кооперативов в производстве мяса, молока, птицы, картофеля, овощей и фруктов. Он подчеркнул: «Дальнейшее увеличение помощи этим хозяйствам со стороны государства, местных Советов, колхозов и совхозов — а помощь эту нужно оказывать обязательно и систематически — может дать быструю и ощутимую отдачу. Многое должен сделать здесь и Центросоюз. Он призван, если можно так сказать, повернуться лицом к личным хозяйствам, способствовать их нормальной деятельности».

●

Многих читателей журнала интересуют правовые вопросы, связанные с ведением личных подсобных хозяйств, сбытом излишков сельскохозяйственной продукции.

Читателям отвечает заслуженный юрист РСФСР В. СТЕПАНОВ.

Ответы на некоторые вопросы, поступившие из разных союзных республик, даются в соответствии с законодательством этих республик, действующим на их территории.

Б. Моисеева из Ленинградской области интересуется, каким документом и как регулируются отношения между гражданином, продающим излишки сельскохозяйственной продукции, произведенной в его подсобном хозяйстве, и закупающей их заготовительной организацией потребительской кооперации.

Постановлением Правления Центросоюза СССР от 7 апреля 1981 года утвержден, по согласованию с Госбанком СССР, Типовой договор на закупку излишков сельскохозяйственной продукции в лич-

ных подсобных хозяйствах граждан и членов садоводческих товариществ.

В соответствии с этим документом заключается договор на закупку излишков сельскохозяйственной продукции, согласно которому гражданин обязуется произвести в личном подсобном хозяйстве и продать заготовителю определенное количество этой продукции. В договоре указываются: наименование продукции, единица ее измерения и количество, цена, денежная сумма, причитающаяся гражданину, сроки сдачи продукции.

Не позднее чем за 10 дней до сдачи продукции гражданин должен сообщить заготовителю о ее наличии, затем — в обусловленный срок — сдать продукцию, отвечающую требованиям действующих стандартов и технических условий, в упакованном или затаренном виде. Если гражданин получил при заключении договора денежный аванс, то при сдаче продукции он погашает его в размере 60 процентов стоимости каждой партии сдаваемой продукции, до полного его возвращения.

В свою очередь, заготовительная организация обязуется принять проданную продукцию в первоочередном порядке, в обусловленном количестве и в сроки, предусмотренные договором. Приемка продукции производится в месте, которое указано в договоре.

По желанию гражданина заготовитель выдает ему аванс в размере до 50 процентов от суммы договора на закупаемую продукцию животноводства и до 30 процентов — на продукцию растениеводства. В договоре указывается сумма аванса.

Заготовитель обязан ознакомить гражданина с требованиями действующих стандартов и технических условий на сдаваемую продукцию, завезти ему за 10 дней до начала уборки урожая тару — определенное количество ящиков или мешков (с условием последующего ее возврата вместе с продукцией). Гражданин оплачивает тару и материал для упаковки по действующим прейскурантам, а при сдаче продукции в этой таре и упаковке ее стоимость возвращается гражданину заготовителем. При невозврате тары гражданин возмещает заготовителю ее стоимость в двукратном размере.

Принятую продукцию заготовитель оплачивает по ценам, указанным в договоре. Нестандартная, но пригодная к реализации продукция принимается заготовителем по цене, которая дополнительно определяется соглашением сторон.

Продукция оплачивается наличными деньгами через кассу заготовителя или, по желанию гражданина, через сберегательную кассу, отделение связи.

Кроме того, заготовитель выдает гражданину, продавшему продукцию, документ установленного образца на право покупки концентрированных кормов, дефицитных промышленных и других товаров в количестве, указанном в дополнительных условиях договора.

Имущественная ответственность сторон за невыполнение или ненадлежащее выполнение обязательств по договору определяется в соответствии с гражданским законодательством. Гражданин, получивший от заготовителя аванс и не выполнивший обязательств по договору, возвращает аванс с уплатой одного процента годовых за время пользования этими денежными средствами.

Договор может быть изменен по соглашению сторон или расторгнут, если одна из сторон не позднее чем за 30 дней до наступления срока сдачи продукции уведомит об этом другую сторону.

В. Фролов из Оренбургской области спрашивает, какие товары продаются организациями потребительской кооперации гражданам, сдающим сельхозпродукцию, полученную в их личных подсобных хозяйствах.

Центросоюз СССР должен обеспечить преимущественную продажу дефицитных промышленных товаров (стройматериалов, мотоциклов и других) колхозникам, рабочим и служащим, а также пенсионерам, продающим сельскохозяйственную продукцию организациям потребительской кооперации в соответствии с заключенными договорами.

Такое поручение Центросоюзу СССР содержится в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 сентября 1977 года «О личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих, служащих и других граждан и коллективном садоводстве и огородничестве».

В соответствии с этим постановлением Правлением Центросоюза СССР 11 июня 1981 года утвержден Примерный перечень товаров для продажи их сдатчикам сельскохозяйственной продукции. В него включены: автомобили легковые, мотоциклы, строительные материалы, ковры и ковровые изделия, изделия из золота, серебра и хрусталя, дорогостоящие люстры и светильники, цветные телевизоры, магнитофоны, транзисторные радиоприемники, фотоаппараты, импортная мебель, импортный верхний трикотаж мужской и женский, дубленки, пальто и куртки меховые, кожаные и из кожзаменителей, шляпы и шапки норковые, ондатровые, нутриевые, брюки вельветовые и джинсовые, импортные сапоги модельные кожаные, а также другие товары.

Запрещено включать в перечни товаров для преимущественной продажи сдатчикам сельскохозяйственной продукции товары, предусмотренные ассортиментными перечнями для магазинов «Товары повседневного спроса».

К. Серов из Рязанской области пишет: «Для колхозников и работников совхозов, имеющих скот в личной собственности, большое значение имеет обеспечение его кормами, в том числе и за счет получаемой в хозяйстве натуроплаты за труд. Как решается этот вопрос в настоящее время?»

Укреплению кормовой базы для содержания скота в личной собственности граждан способствуют новые правила натуральной оплаты труда работающих в сельском хозяйстве, предусмотренные в утвержденном майским (1982 года) Пленумом ЦК КПСС постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению материальной заинтересованности работников сельского хозяйства в увеличении производства продукции и повышении ее качества».

Этим постановлением директорам совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий в дополнение к действующему порядку разрешено: бесплатно выдавать зерно рабочим бригад и звеньев, занятым выращиванием зерновых культур, в размере до 15 процентов сверхпланового валового сбора по бригаде (звену); выдавать в счет заработной платы работникам хозяйств, а также гражданам, привлеченным на уборку урожая и принимающим активное участие в сельскохозяйственных работах, зерно в количестве до 1,5 килограмма за выполненную нормо-смену; выдавать в счет заработной платы работникам хозяйств, а также гражданам, принимающим активное участие в выращивании и уборке картофеля, овощей, плодов, ягод, винограда, бахчевых и кормовых культур,

продукцию в размере до 15 процентов планового и, по усмотрению руководителя хозяйства, в размере не более 30 процентов сверхпланового валового сбора этой продукции.

Министерству сельского хозяйства СССР и Госкомтруду СССР поручено установить дифференцированные по союзным республикам, а Советам Министров союзных республик — по автономным республикам, краям, областям и районам размеры выдачи натуральной оплаты всем работникам, принимающим активное участие в выращивании и уборке сельскохозяйственных культур.

Колхозам рекомендовано применять для колхозников меры материального стимулирования, предусмотренные этим постановлением.

Т. Данкин из Калужской области просит разъяснить, в каком порядке отводятся участки для выпаса скота, находящегося в личной собственности граждан.

Согласно статье 70 Земельного кодекса РСФСР, участки для выпаса скота, принадлежащего рабочим и служащим, могут выделяться из земель колхозов, совхозов, других сельскохозяйственных предприятий, организаций и учреждений с возмещением владельцами скота расходов по содержанию и улучшению этих участков.

Постоянным рабочим, служащим и специалистам, работающим и проживающим в сельской местности, пастбища выделяются по решению общего собрания членов колхоза (собрания уполномоченных), администрации совхоза или иного сельскохозяйственного предприятия, организации, учреждения.

Рабочим, служащим, пенсионерам и инвалидам, проживающим в сельской местности (но не работающим там), участки для выпаса скота предоставляются решениями тех же органов, но с утверждением их исполкомом сельского Совета народных депутатов.

Размеры расходов по содержанию и улучшению пастбищ определяются соответствующим колхозом, совхозом, иным сельскохозяйственным предприятием, организацией или учреждением и утверждаются исполкомом сельского Совета. То есть решение по определению таких расходов и возмещению их владельцами скота приобретает юридическую силу только после утверждения его сельисполкомом. Если же колхоз, совхоз, другое сельскохозяйственное предприятие не несут никаких затрат на содержание и улучшение пастбищ, то они не вправе взимать какую-либо плату за пользование ими.

Н. Домбрович из Черкасской области спрашивает, какие подсобные строения можно возвести на приусадебном участке.

Совет Министров Украинской ССР постановлением от 18 января 1979 года утвердил «Перечень и предельные размеры хозяйственных и бытовых строений и сооружений, которые в установленном порядке могут возводиться гражданами на предоставленных им в пользование приусадебных земельных участках и участках для индивидуального жилищного строительства» (СП УССР, 1979, № 1, ст. 8). В этот перечень входят (в скобках указаны предельные размеры строений и сооружений): помещение для содержания скота и птицы (40 квадратных метров); помещение для хранения хозяйственного инвентаря и твердого топлива (15 квадратных метров); хозяйственное помещение для приготовления кормов (20 квадратных метров); хозяйственный навес (15 квадратных метров); летняя кухня (10 квадратных метров); гараж для личной автомашины (18 квад-

ратных метров); баня (12 квадратных метров); погреб (8 квадратных метров); теплица (20 квадратных метров); летний душ (4 квадратных метра); навозохранилище (6 квадратных метров); дворовая уборная с мусорохранилищем (3 квадратных метра).

Хозяйственные и бытовые строения могут возводиться отдельно или сблокированными. Помещение для хранения хозяйственного инвентаря и твердого топлива, гараж для личной автомашины и погреб можно устраивать в подвальных и цокольных этажах жилых домов (при отсутствии аналогичных помещений на земельном участке). Разрешено также устраивать погреб под отдельными хозяйственными помещениями, в которых не содержатся скот и птица. Чердаки над хозяйственными помещениями могут использоваться для хранения грубых кормов.

М. Шиманский из Брестской области пишет: «Хотелось бы узнать, есть ли какие-либо нормы отпуска электроэнергии на ведение личного подсобного хозяйства».

Совет Министров Белорусской ССР принял 28 августа 1980 года постановление «О нормах отпуска газа, электроэнергии и воды на ведение гражданами личного подсобного хозяйства» (СП БССР, 1980, № 31, ст. 648).

Этим документом установлена норма отпуска электроэнергии — 2500 киловатт-часов в год при применении циркулярных пил, комозапарников, поливочных насосов и других электроустановок, используемых в личном подсобном хозяйстве. Электроэнергия, израсходованная гражданами в этих случаях сверх установленной нормы, оплачивается в двукратном размере действующего тарифа.

А. Ширяев из Архангельской области интересуется, каков размер кредита, который можно получить на приобретение коровы, а также размер аванса на покупку средств малой механизации сельхозработ на приусадебном участке.

Колхозники, рабочие и служащие могут получать через Госбанк СССР кредит сроком на пять лет на приобретение коров (в сумме до 500 рублей) и телок (до 250 рублей). Ссуды выдаются колхозникам, рабочим и служащим через колхозы, совхозы, предприятия и организации; работникам бюджетных организаций — непосредственно учреждениями Госбанка СССР по ходатайствам этих организаций.

Здесь необходимо добавить следующее Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 января 1981 года (СП СССР, 1981, № 6, ст. 37) совхозам и другим сельскохозяйственным предприятиям разрешено, по согласованию с профсоюзным комитетом, погашать за счет средств фондов экономического стимулирования до 50 процентов кредита Госбанка, предоставляемого на приобретение коров и телок рабочим и служащим, которые добросовестно трудятся на этих предприятиях; учителям и врачам, работающим и проживающим на территории этих предприятий; пенсионерам, длительное время проработавшим на указанных предприятиях.

Для повышения заинтересованности молодых семей в обзаведении личным подсобным хозяйством совхозам и другим государственным сельскохозяйственным предприятиям разрешено выдавать им бесплатно за счет хозяйства молодняк скота и оказывать помощь в строительстве надворных хозяйственных построек при условии, что эти семьи работают на данных предприятиях.

Колхозам рекомендовано предоставлять такие же льготы членам колхозов.

Госбанку СССР разрешено предоставлять колхозам, совхозам и другим сельскохозяйственным предприятиям кредиты для выдачи денежных авансов колхозникам, рабочим и служащим на приобретение необходимых для производства сельскохозяйственной продукции (в соответствии с заключенными с ними договорами) инвентаря, материалов и средств малой механизации сельхозработ в размере до 50 процентов суммы договора. Кредит выдается наличными деньгами по чекам. По желанию граждан авансы могут быть также переведены им через учреждения связи либо перечислены на вклады в сберегательных кассах.

Ю. Фалатенко из Киевской области пишет: «У нас в селе некоторые граждане содержали в личных хозяйствах песцов, причем в больших количествах. Верно ли, что теперь гражданам запрещено разводить этих зверьков?»

Президиум Верховного Совета Украинской ССР принял 8 февраля 1982 года Указ «О запрещении содержания гражданами плотоядных пушных зверей» (Ведомости Верховного Совета УССР, 1982, № 8, ст. 97).

Учитывая, что разведение в целях наживы отдельными гражданами плотоядных пушных зверей связано со скармливанием им большого количества мясных, рыбных, молочных и других продуктов, а также ухудшением санитарного состояния населенных пунктов, этим указом гражданам запрещено — с 1 июля 1982 года — содержать плотоядных пушных зверей (серебристо-черных лисиц, песцов, норок и тому подобных).

За нарушение этого запрета виновные подвергаются штрафу в размере от 20 до 50 рублей, налагаемому административными комиссиями при исполкомах районных, городских, районных в городах, поселковых и сельских Советов, а также теми исполкомами поселковых и сельских Советов, при которых не созданы административные комиссии. Плотоядные пушные звери конфискуются.

Основанием для рассмотрения дела служит протокол, составленный уполномоченным на то должностным лицом органа внутренних дел.

Об условиях и порядке предоставления льгот женщинам, имеющим детей

В № 12 журнала за 1981 год и в № 1 за 1982 год опубликованы материалы, в которых рассказано о новых льготах женщинам, имеющим детей (государственные единовременные пособия при рождении ребенка, частично оплачиваемый отпуск по уходу за ним и другие).

На некоторые вопросы читателей, касающиеся порядка и условий предоставления женщинам этих льгот, отвечает заместитель начальника управления социального обеспечения Госкомтруда СССР А. Соловьев.

А. Бодрова из Мурманской области спрашивает, в каком порядке выплачивается пособие женщине, находящейся в частично оплачиваемом отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года, если она работает в северном районе, а этот отпуск фактически проводит в другом месте — в Гомельской области.

Как уже разъяснялось на страницах журнала, установлены следующие сроки поэтапного введения частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года: для районов Дальнего Востока, Сибири и северных районов (Карельской АССР и Коми АССР, Архангельской и Мурманской областей), а также Вологодской, Новгородской и Псковской областей — 1 ноября 1981 года; для остальных районов РСФСР, районов Украины, Белоруссии, Молдавии и республик Прибалтики — 1 ноября 1982 года; для районов Казахстана, Средней Азии и Закавказья — 1 ноября 1983 года. В тех районах, где пособия введены с 1 ноября 1981 года, они выдаются в размере 50 рублей в месяц. Для остальной территории страны размер пособия предусмотрен в сумме 35 рублей в месяц.

Если работница предприятия, расположенного в каком-либо районе Дальнего Востока, Сибири или в северном районе, например в Мурманской области, фактически использует отпуск по уходу за ребенком (до достижения им одного года) в Белоруссии, то она имеет право на оплату этого отпуска в размере 50 рублей, в том числе и той части отпуска, которая приходится на период до 1 ноября 1982 года. Выплата пособия в таких случаях производится предприятием, предоставившим отпуск: либо по доверенности матери другому лицу в порядке, установленном для выплаты заработной платы и пособий по государственному социальному страхованию, либо почтовым переводом непосредственно работнице, находящейся в отпуске.

Д. Пескову из Хабаровского края интересуется, имеют ли право на пособие по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года и на единовременное пособие при рождении ребенка женщины, работающие в государственных организациях, но не подлежащие государственному социальному страхованию, — такие, как работницы военизированной охраны некоторых министерств и ведомств, службы специальной связи Министерства связи СССР.

Работницам ведомственной военизированной охраны и специальной связи, не подлежащим государственному социальному страхованию, указанные пособия назначаются и выплачиваются на основаниях, установленных для рабочих и служащих. При этом пособия за счет средств государственного социального страхования выплачиваются: работницам охраны — на предприятии, в учреждении, организации, которые они обслуживают; личному составу специальной связи — по подчиненности предприятий — министерствами связи, республиканскими (АССР), краевыми, областными производственно-техническими управлениями, районными узлами (отделениями) связи.

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Меня командировали на пару дней в один из районов области. Собрался я быстро. Стояли последние дни октября, ненастная погода, моросил надоедливый мелкий дождь: то объявит перерыв на короткое время, то опять зарядит, и так, казалось, будет до бесконечности. С утра было прохладно, и пока я шел от дома до автовокзала, чувствовал, как неприятная сырость проникала под одежду. Поэтому порадовался, что место в автобусе мне досталось около шоферской кабины — там теплее.

За окном проносились унылые виды — намокшие пепельно-желтые пустые поля со скирдами соломы по краям, голые перелески, мокрые, в легкой завесе измороси, деревни и села.

Все пассажиры, мои спутники, давно расположились по-домашнему: кто дремал полусидя-полулежа, опустив спинку сиденья, кто просматривал свежие газеты; двое мужчин, сняв плащи, уже вовсю сражались в магнитные шахматы; усатый паренек прослушал на портативном магнитофоне записи маэстро Паулса, и теперь с его коленей вовсю шумела зарубежная эстрада.

Со мной рядом, ближе к окну, сидела женщина, молодая, но с утомленным обветренным лицом. Я заметил, что никто ее не провожал, багажа у нее не было, если не считать маленькой сумочки, и можно было сделать вывод, что едет она куда-то по делам. Пассажиры-соседи обычно знакомятся быстро: три часа пути трудно просидеть, не сказав ни слова.

— Извините,— тихо заметил я,— но раз мы находимся в одном автобусе, остановок в пути не предвидится, значит, вы тоже едете туда...? — Я назвал районный городок.

Женщина улыбнулась:

— Да, туда же.

— Мне кажется, вы работаете в строительной организации, мастером, едете по своим строительным делам, наверное, на сданном объекте устранять какие-нибудь недоделки. Угадал? Или вы всегда все сдаете на «отлично»?

Она тихонько рассмеялась; смех ее, нежный, мелодичный, колокольчиковый, долго звучал в ушах.

— Почему же я со стройки, да еще и мастер?

— У вас смуглое лицо, видно, что много времени проводите на воздухе. Вы не кабинетный работник, орудие вашего труда не авторучка и... не фортепьянные клавиши.

С легкой усмешкой она ответила:

— Все верно подмечено. Я не кабинетный работник, из деревни я. Там живу и работаю мастером,— она сделала ударение на этом слове,— машинного доения, кстати, первого класса. Этим и объясняется мой загар и не вполне музыкальные пальцы.

Дальше мы заговорили о близкой для нее теме, о сельском хозяйстве. Она высказывала весьма самостоятельные и смелые мыс-

ли, было заметно, что это начитанная и умная женщина. Хотя ничего удивительного, сейчас каждый насыщен знаниями и информацией. Век такой.

— Скажите, вы едете домой или же по делам?

Лицо женщины потускнело.

— Нет, мне там нужно быть по одному личному вопросу.

Я полушутя-полусерьезно спросил:

— Значит, вы завтра, как и я, возвращаетесь обратно, и все остальные проблемы Нечерноземья нам придется разрешать на обратном пути?

Женщина засмеялась:

— Когда я поеду — не знаю... Я не могу сказать... И вообще, это зависит не от меня.

Было понятно, что она чем-то озабочена, не следовало ее больше расспрашивать и тревожить душу, я откинулся в кресле.

Водитель, наконец, поймал «Маяк», диктор передавал прогноз погоды. «На большей части территории... дожди... ветер северный, умеренный... атмосферное давление...»

— Послушайте песни в исполнении Лидии Руслановой, — объявил затем диктор.

...Дай парусу полную волю,
Сама же я сяду к рулю...

вибрировал под баянные наигрыши сильный голос певицы. Шофер прибавил звук. Раненой птицей трепетала песня и билась в толстые стекла автобусного салона.

...В такую шальную погоду
Нельзя доверяться волнам...

Случайно повернув голову в сторону соседки, я замер: она сидела с закрытыми глазами, плотно сжав губы, из-под ресниц, готовая соскользнуть вниз, блестела слеза.

— Вы что? — испугался я. — Что случилось?

Она приподнялась, достала из кармана платок и приложила к глазам:

— Нет... Ничего, это я так... Песня на меня подействовала.

Николай Владимирович Матёров родился в 1946 году в селе Новое Междуреченского района Вологодской области, в семье колхозников. После окончания Вологодского медучилища работал в Ботановской сельской больнице.

Поступив в ВЮЗИ, связал свою судьбу с юриспруденцией: был адвокатом, старшим консультантом отдела юстиции Вологодского облисполкома, народным судьей, членом Вологодского областного суда. В настоящее время работает в областном комитете партии.

Женщина откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. А в салоне тем временем гремела уже другая песня.

— Вы, наверное, подумали,— соседка слегка приблизилась ко мне,— что я реву, потому что по натуре такая слезообильная? Верно?—

Я стал отшучиваться, хотя она действительно уловила некоторую мою растерянность и недоумение. Она была очень догадлива, впрочем, это характерная черта всех женщин, и исключений из этого правила в жизни, кажется, еще не наблюдалось.

— Просто в моей жизни очень многое связано с нею, вернее, с одним человеком, любившим эту песню. А сегодня я его должна увидеть снова, для этого и еду сейчас...

Да, ехала она не по совсем обычному делу. Впрочем, рассказывала она следующее.

— Однажды я получила неожиданное письмо. Неожданное, потому что я ни с кем не переписывалась, родственников у меня — никого, детдомовская, след мужа я давно потеряла, он пил, руки ко мне стал прикладывать... Бросила его и уехала, да и бог с ним, не об этом разговор. Я повертела письмо в руках: не ошибся ли почтальон, не чужое ли принес — нет, все правильно, даже чересчур старательно выписан адрес, видно, что перо несколько раз прикасалось к буквам. Обратный адрес был непонятен — какие-то буквы и цифры и неразборчивый завиток фамилии.

Недоумевая, я вскрыла конверт. «Валя,— было написано сразу же в первых строках,— ради бога, извини меня за вторжение в твою личную жизнь, я не имею на него ни разрешения, ни прав. Моим соседом по нарам случайно (как и все мы здесь) оказался твой деревенский сосед-хулиган, он-то и рассказал мне о твоей, в общем-то, не вполне сложившейся жизни, это обстоятельство придало смелости, и я решил посягнуть на твое спокойствие. Извини за самоуверенный тон, но я решил сразу открыть тебе свою душу». Дальше он описывал свою жизнь в колонии и в конце письма просил ответить. Никогда раньше я не имела дела с осужденными и поэтому сразу решила: никакого ответа. Еще чего не хватало! Не зная, что за человек, а туда попадают не в порядке премирования или поощрения за хорошую работу, и ему еще писать?! А может, он жулик какой и все выдумал, или рецидивист особо опасный? На жалость женскую они все умеют действовать, сколько нас, баб, обмануто, одни-то мы и знаем... Потом, только попробуй, напиши ответ, не отвяжешься, письмами завалит, фотографию попросит, посылочку с чаем, других вовлечет в это дело. Слыхали о таких. На почте распознают, что Валька из тюрьмы приветы получает, сама ему шлет... И вот лежит письмо на тумбочке у кровати, из головы у меня не выходит и покоя не дает. Я и так подумаю, и по-другому. А что, если и в самом деле ему там плохо? Ведь решился же, написал, не от хорошей жизни, наверное, раз сочувствия в незнакомой женщине ищет. Что делать? Делиться ни с кем не хотела, как-никак, а это была моя, так сказать, женская тайна. Короче говоря, я ему ответила. Подкупил он чем-то, то ли в самом деле своей уверенностью, то ли слогом письма, откровенностью и растерянностью перед жизнью, рассказом за прошлые грехи. Да и кино «Калина красная», может быть, повлияло. Чувствовался в нем серьезный, ласковый и немножко грустный человек, которому здорово не повезло в жизни...

Женщина пришла в себя на несколько секунд, отвлекшись от воспоминаний.

— Здорово не повезло — эти слова из первого письма, не заметила, как стала цитировать его.

— Мы стали переписываться. Чем дальше, тем больше я, да и он, судя по письмам, привязывались друг к другу. Я нетерпеливо ждала ответа, подсчитывала дни, даже ревновала, когда письмо чуточку задерживалось. В очередном письме он сообщил, что его фотографию вывесили на доску Почета, и послал свой автопортрет, он хорошо рисовал. Я глянула на него и обомлела: на меня смотрел человек, в реальности совпавший с тем, который родился в моем воображении! После этого я уже стала считать его самым близким мне существом.

Вскоре со мной произошел несчастный случай: я упала и сломала руку, как говорили врачи, был «перелом луча в типичном месте». Из-за этого типичного перелома я бюллетенила больше месяца. Он, как узнал об этом, выслал мне двести рублей и объяснил, мол, для моральной и материальной поддержки.

Шли день за днем, зима сменилась весной, весна жарким летом, подступала осень. Все это время мы оживленно писали друг другу хорошие письма. Потом он сообщил, что скоро его досрочно освободят, и просил набраться еще чуточку терпения.

Как-то в одну из глухих ночей конца августа — бывают в деревне такие ночи, когда темнота и тишь стоят над тобой до утра, и звезд на небе не видать, когда беспокойно и зябко от этого становится на душе, — часа в четыре меня разбудил осторожный и настойчивый стук в окно. Его я, конечно, так неожиданно не ждала и вообще подумала, что соседка пошла на ферму и что-то ей от меня понадобилось, поэтому в одной сорочке вышла и открыла дверь. Там стоял мужчина. Я вскрикнула и машинально захлопнула дверь.

— Ой, кто это? Что вам нужно?

— Валюша, — послышалось из-за закрытой двери, — не пугайся, это я, твой знакомый-незнакомый!

У меня дрогнуло сердце, слабость опустилась в ноги. Не знаю почему, но я повела себя глупо: вышла на крыльцо и заревела взахлеб, смешно, прямо как маленькая девочка. Наверное, оттого, что заждалась, боялась, что не придет, да и мало ли что могло случиться. Дуреха, одним словом.

Он быстро подошел ко мне и обнял. Он был крупный, сильный мужчина, от прикосновения его мне сразу стало легче и теплее. Думаете, преувеличиваю? Нисколько. Это нужно ощущать душой, а женщина всегда тонко чувствует мужчину.

— Валюша, — гладил он меня по спине, уткнувшись лицом в волосы, — не встречай меня так, есть примета дурная — проводы будут такими же.

Я молчала и лишь вздрагивала у него на груди... Вот так мы с ним встретились и познакомились уже лично. В подарок он привез золотой перстень с аметистом и широкое обручальное кольцо.

— Что, Валюша, будем начинать с тобой хорошую жизнь? Ждал я не знаю кого, а оказывается — тебя!

Он был тоже тот самый, мой, это я скоро поняла. Правда, заметила в нем одну странность: он почти не выходил на улицу, все читал книги. О работе сказал коротко: «Потом, чуть отдохну — тогда. Деньги пока есть».

— Понимаешь,— объяснял он,— слишком большие пробелы в моем образовании, я педагогически жуть как запущен, надо догонять сверстников, так что будь моим ангелом-хранителем, воспитателем и учителем.

По составленному им списку из сельской библиотеки стала я носить ему книги. Библиотекарь Эльза Александровна поражалась, как это он успевал все так быстро прочитывать. А я сама удивлялась его жадности до книг. Проснусь ночью — он лежит, читает. Я не мешаю, только обниму крепче, гляжу на него и молчу. За это он меня даже прозвал «Ангел благое молчание». Я знала, что есть икона с таким названием, и на это ему возражала, мол, спускайся с облаков на землю.

— А ты не жди своих буден, они и не наступят,— прерывал он меня, закрывая ладонью мне рот,— и вообще, завтра рано вставать, у тебя ответственная работа, а буренушки не любят невыспавшихся и молоко не отдадут, обязательство по надоям не выполнишь. Приказываю спать!

— Нет, я его не идеализирую,— словно угадав, о чем я подумал, прервала рассказ женщина,— тем более сейчас, я просто вспоминаю как есть, точнее, как было.

Я не спрашивала, за что он понес наказание, в конце концов, это его личное дело, бывшее до нашей с ним эры, да и разговоры о колонии он воспринимал болезненно. Ну я и не пыталась его.

— Это все в прошлом,— говорил он,— за ошибки молодости заплачено сполна, не будем об этом.

Но все же кое из каких отрывочных сведений я составила связную историю его жизни. Говоря его словами, все это выглядело так:

— Залетел я туда, конечно, не по своей воле. Когда-то я был женат, и жили мы вроде бы хорошо. Правда, как я сейчас понимаю, это только внешне казалось, что хорошо, а в глубину наших отношений не лезли ни я, ни жена.

Все решил случай. Меня послали учиться на курсы шоферов и обещали сразу же по окончании дать квартиру. Пока мы жили у моих родственников в аварийном доме и даже имели комнату с отдельным входом.

Вернулся с курсов я через шесть месяцев, чувствую, что жена ко мне стала относиться не так, как раньше, прохладней, что ли. Я, лопух, сначала не понял, в чем дело, решил, что отвыкла за это время, мол, ничего страшного, все настроится на прежний лад. Но, как видно, судьба не балует своих подопечных, не бывает, чтобы все в жизни текло гладко и ровно. Получили мы квартиру, а тепла в наших отношениях не прибавилось. Стала она после работы задерживаться, а мне объясняла по-разному: то отчет составляла, то начальник задержал, или что на дальний объект ездила (она работала бухгалтером в строительном управлении). До меня и тут бы еще не дошло, только стала она возвращаться выпивши, попахивало от нее. Какое-то смутное подозрение зародилось во мне, но я молчал. Однажды заявила она домой в первом часу ночи и все выложила: я тебя больше не люблю, у меня другой парень. «Не ври». — «Пожалуйста,— отвечает,— вот доказательства». Дохла на меня: «Чувствуешь — пьяная я и от счастья и от вина. Были с ним в ресторане». Достала из сумочки счет, протягивает: «Взгляни — тут заказ на двоих. А тебя я давно ненавижу...» Я не знаю, что со мною стало, наверное, вырубился, сознание потерял, потому что

остальное помню отрывками, как сквозь сон. Только оказалось, что я схватил со стола нож и ударил ее. Умерла она на операционном столе. Судили меня, дали десять лет. На суде защитник доказывал, что все произошло в состоянии помутнения рассудка и душевного волнения, а значит, отвечать подсудимый должен по другой, более мягкой статье. Но никуда я не жаловался и адвокату запретил это делать. Считал, что сколько заслужил, столько и получил, наказание буду отбывать до конца, спорить тут нечего, ведь человека-то нету. Когда отсидел семь лет, пришло письмо от сына. От Гришульки. Ему девять лет стукнуло, вырос пацан, соображать стал. После смерти жены его забрала к себе ее мать, оформила опеку. Так вот, написал мой Гришуля, наказывая: «Ты, дяденька, мне чужой, и я тебя не знаю и видеть не хочу. Писем больше не пиши, я их не читаю, а бабушка их рвет. У меня была мама, а из-за тебя ее не стало. Я не маленький и все понимаю. Ты лишил меня всего дорогого, что есть у маленьких детей...»

Прочитал я, и так дико мне сделалось, хоть грызи прутья у койки. Значит, и сына из жизни вычеркивай. Я, конечно, знал и боялся этого: теща на суде прямо заявила — ты вдвойне убийца, теперь у тебя никого не будет. Так и сделала. Она мать, ее тоже понять можно. Лежал я и не одну ночь скрипел зубами: а меня кто пожалеет? Я не оправдывал в себе убийцу, нет, я лишь хотел, чтобы у меня хотя бы сын остался. Но оказалось: один я на свете. Вот после этого сосед и подсказал твой адрес...

Я жену ни в чем не виню. Раз семья дала трещину, тут, как понимаю, виноват сам. Видел же я, чувствовал, черт возьми, интересно ей в последнее время со мной, скучно, это когда после декретного пошла на работу. Она веселая была, любила праздники, компании, я же молчун по натуре, только и занимался ребенком да работой. Это я сейчас по полочкам раскладываю, анализирую, задним умом крепок... Если жена предпочла мужу кого-то другого, значит, в муже ей не хватало именно того, что привлекло ее в другом мужчине. Достоинство другого — это недостаток мужа. И этот недостаток муж должен был уяснить себе раньше. Как? Просто ему нужно быть более наблюдательным в жизни и внимательным к жене, чувствовать, чего ей не хватает, недостает в тебе и исправляться. Да-да. Только так можно достичь покоя и гармонии в семье. Иначе семья может не выдержать испытания на разрыв.

Он вздохнул мне волосы:

— Вот такая моя философия. Обнажил я свою душу, теперь знаешь, какой страшный человек находится рядом с тобой. Спи. Утро вечера мудренее.

До рассвета я лежала с открытыми глазами и осмысливала его рассказ. Какая страшная трагедия разрушила эту семью! Я и соглашалась с его теперешними взглядами на жизнь и не понимала их. Хотя чувствовала — в чем-то он прав, наверное со своей, мужской точки зрения. Сама же я считала так: уж если вышла замуж, то не глазами по сторонам, думай о муже и ребенке. Такова твоя женская доля. Может, это грубо я выразила, может, это звучит по-бабьи, но порядка в семьях было бы больше.

Спустя некоторое время вызвал его наш участковый, беседовал с ним в исполкоме сельского Совета долго. Муж — я считала его мужем, хоть и без регистрации еще, вернулся домой хмурым, задумчивым.

— Так, старое вспоминает,— объяснил он,— подписку берет, чтобы не хулиганил с тобой.— И уже серьезно добавил: — прописываться велит. Без прописки на работу не возьмут.

Подхватил меня и закружил по комнате, запел с руслановскими разливами:

Поедем, красotka, кататься,

Давно я тебя поджидал...

Душу мою отпустило. Я была счастлива с ним. Я никогда не испытывала, в том числе и в первые недели жизни с первым моим мужем, такой огромной нежности и ощущения собственной необходимости, нужности, что ли, своей другому человеку, да и мне он заслони́л собой все остальное в личной жизни.

Но задумываться он стал чаще прежнего, даже на вопросы отвечал невпопад. Я снова каким-то шестым чувством уловила, что на душе у него кошки скребут. Он прямо этого не показывал, но каждую ночь сидел и курил, днем из дома почти не выходил, с соседями по-прежнему не сходиллся. Почему он вел себя так странно? Что его мучало? Из-за моей навязчивости и назойливого любопытства (женщины, видно, все такие) впервые мы поругались. Я не хотела этого, но как-то само получилось. Потом я спохватилась, ведь далеко может зайти, подошла к нему, стоявшему у окна, положила голову на плечо:

— Да будет тебе, не переживай. Все образуется. Давай лучше постоим, помолчим.

Он аккуратно загасил сигарету, взял меня за руки, повернул к себе:

— Нет, Валюша, не образуется у нас с тобой,— он близко заглянул в глаза,— не образуется, потому что я — преступник.

Я чувствовала: он — как натянутая струна, решила его успокоить, твердо произнесла:

— Да, ты был преступником когда-то, но та, другая жизнь, уже прошла и заплачено, как ты сказал, за нее сполна. Зачем это самобичевание сейчас? И меня мучаешь тоже.

— Да нет, Валюша, не о прошлом, а о настоящем я говорю. И я действительно преступник,— с какой-то покорностью в голосе повторил он,— а теперь уже рецидивист. Да-да! — вскрикнул он и напрягся, отчего лицо его побагровело.— Кольца на твоих руках — ворованные!

Господи! Я глядела на него и не понимала, что он такое говорит. В глазах ли моих потемнело, только в комнате сделался полумрак, стало трудно дышать. Он сел, скрестив руки на груди и, уставясь в одну точку на стене, продолжал уже более спокойно:

— Нас троих освободили в один день, меня досрочно, их по концу срока. Приехали на вокзал. У меня были деньги только на дорогу, тем двоим выдали на руки больше. До поезда, а он уходил ночью, оставалось часа три. Пока я сидел и дремал в зале ожидания, те куда-то ушли. Вернулись пьяными. Я плохо их знал, они были из другого отряда. Подсели ко мне и предложили в память о «зоне» вот эти самые кольцо и перстень, новенькие, блестящие, с бирочками и пломбами. «С пустыми руками к бабе ехать не годится. Ты же не фраер какой-нибудь, бери, урки в беде не оставляют». Я отказывался сначала, понял, что они их не на свои кровные купили, да и сами после сказали, что «подломили» магазин, что этих штук у них много. Но потом думаю, в самом деле, не пустым же у тебя объявляться. Взял.

Я ведь считал как — кражу совершил не я, а другие, им и сидеть снова, раз не понимают...

— Но ты... ты... ты мог их остановить, не допустить этого! — от обиды я даже не плакала, я глотала слезы и не находила слов для объяснения его мерзкого поведения. Перстень с кольцом уже лежали перед ним, да и на него самого я сейчас смотрела как на чумного. — Зачем ты позволил им снова воровать? Ты, взрослый мужчина, все понимающий, все раскладывающий по полочкам, как мог спокойно сидеть и наблюдать, как другие, вместе с тобой токовавшие по свободе, снова ее лишаются?! Зачем передо мной развел моралистику, коль в жизни ей не следуешь?!

Он на секунду повернулся ко мне:

— Зачем, зачем... Разве я знал, куда они пошли, да и не послушались бы меня. Кто я им? Такой же ээк. А с нашим братом разговор простой: видишь — помалкивай, знаешь — молчи, но лучше, если знать не знаешь и ведать не ведаешь...

— «Разговор простой»... Равнодушный ты человек, ишь с какими убеждениями освободился... Чего дальше собираешься делать?

— Теперь обо мне ты знаешь все, сама выводы делай.

Что же это такое — с обмана начинается наша жизнь! Так, наверное, я подумала и заявила:

— Иди в милицию и расскажи. Лучше самому это сделать, чем ждать, когда приедут за тобой. Да и вообще...

Спать легли поздно, он все еще молчал, потом выдохнул облако дыма под потолок и, когда оно растворилось по комнате, ответил:

— Эх, срок намотают, только держись. Только не могу я вот так идти и в глаза родной милиции смотреть. Сходи, пожалуйста, ты заяви. Сходи, я подожду вас, честное слово, не сбегу. Да и куда убежишь?!

Всю ночь я проплакала у него на руке, он тоже не сомкнул глаз. Как только рассвело, я пошла в милицию. Обрато приехала в сопровождении двух милиционеров. Когда они зашли в комнату, муж лежал на диване и читал какую-то книгу. Увидел их, улыбнулся и встал:

— Уже? Быстро работаете! Я сейчас соберусь.

Я до крови прикусила губу, чтобы не разреветься. Сидела на стуле, будто парализованная вся, с остановившимся дыханием, только следила, как он неторопливо одевал сапоги и приговаривал:

— Вот, мать честная, снова в дорогу. Ну, ничего, как-нибудь в последний раз переживем. Верно, Валюша?

Он подмигнул мне, поцеловал, и его увезли.

У женщины дрогнул голос, она отвернулась к окну.

В меня снова ворвались ритмы зарубежной эстрады. Этот с пшеничными усами паренек вез в своем «дипломате» не иначе как весь западный джаз, спресованный в компакт-кассеты. Сейчас как раз бы кстати послушать хор мальчииков под большой орган Домского собора, под музыку того самого маэстро... Этих записей, по-видимому, в «дипломате» не было.

Справившись с минутной слабостью, женщина закончила:

— Сейчас еду на суд, свидетелем. Но я верю ему и дождусь. Он — не пропащий.

Мне неудобно было говорить ей что-то успокоительное, она сама прекрасно все понимала. И чтобы не сфальшивить, взяв не ту ноту, я счел благоразумным промолчать.

К вечеру погода стала еще хуже, от дождя не спасал даже непромокаемый плащ. Я съехался, засунул руки в карманы и направился в гостиницу, чтобы в тихом уютном номере выпить стакан горячего чая и из купленных еще утром газет узнать, что делается на белом свете. Билет на обратный был уже куплен. Все-таки дома лучше, чем в гостях. И вдруг я увидел, что по мосткам мне навстречу идет Она. Женщина тоже узнала меня, и, поравнявшись, мы остановились. Свой складной зонтик она подняла повыше, и я, таким образом, хоть и ненадолго опять оказался с ней под одной крышей.

— Вот и все,— чуть улыбнулась она уголками губ,— суд кончился. Все так и было, как он рассказывал. И меня выслушали, и даже расписку взяли, что буду говорить только правду. Это что же, обязательно нужно предупреждать свидетеля? Я бы и так все рассказала. Интересно... — Глаза ее потемнели, их как бы заволокло дымкой, глядела она далеко в пространство.— Видите, как бывает в жизни. Нарочно не придумаешь. Но я не обижаюсь, сама выбрала нести свой крест. Зато теперь все будет по-честному. Да и ждать недолго.

Потом она подала мне руку, и мы расстались. Ветер раскачивал голые ветви деревьев, сыпал в лицо дождем так, что приходилось закрывать глаза и стискивать зубы. Сыро, серо и сумрачно. Я прибавил шаг. Холодно, черт возьми.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

В издательстве
«Юридическая литература»
вышли в свет новые книги.

Комментарий к Гражданскому
кодексу РСФСР.

Цена 3 руб. 80 коп.

В книге дается научно-практический комментарий к статьям ГК РСФСР, подготовленный на основе действующего законодательства, материалов судебной и арбитражной практики. В ней освещаются все основные институты советского гражданского права и даются рекомендации, призванные способствовать правильному применению норм гражданского законодательства.

Для работников суда, проку-

ратуры, адвокатуры, нотариата, юрисконсультов, преподавателей и студентов юридических вузов.

СЕРИЯ «НА СТРАЖЕ ЗАКОНА»

ЦАРЕВ В. И.
Слово государственному
обвинителю.

Цена 30 коп.

Автор, прокурор Владимирской области, затрагивает множество волнующих советскую общественность проблем борьбы с преступностью. Убедительно показаны первоисточки преступлений, которые разлагающе влияют на личность: пьянство, безделье, стяжательство. Подчеркивается ответственность семьи, школы, трудового коллектива за воспитание человека и гражданина.

Для широкого круга читателей.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Ушел из жизни талантливый человек и журналист Олег Михайлович Козополянский, отдавший свое партийное перо борьбе за справедливость и торжество советских законов.

О. М. Козополянский родился 22 февраля 1933 года в Ленинграде. Он был потомственным юристом, сыном известного адвоката. Окончил юридический факультет МГУ им. Ломоносова. Находился на комсомольской работе. Участвовал в освоении казахстанской целины, в строительстве рудника в Горной Шории.

Опыт беспокойной комсомольской работы, постоянное общение с людьми труда в гуще важнейших событий времени привели его в журналистику. Он работал в газете «Московский комсомолец», на радиостанции «Юность», в журнале «Кругозор». С 1964 по 1970 год был собкором Всесоюзного радио в Якутии. Он неоднократно выступал с очерками, рассказами и повестями в центральных органах печати и на радио.

В журнале «Человек и закон» Олег Михайлович работал со дня его основания. Был членом редколлегии и руководил отделом очерков, материалы которого получали широкий отклик читателей.

Он не дожидаясь нескольких месяцев до своего 50-летия и совсем немного — до начала публикации в журнале «Человек и закон» своей новой и последней повести «Выстрел после войны», в которой он как автор остался верен избранной им теме борьбы за справедливость.

Светлая память об Олеге Михайловиче Козополянском — коммунисте, литераторе-юристе и человеке — навсегда сохранится в сердцах его друзей и товарищей.

ОЛЕГ КОЗОПОЛЯНСКИЙ

ПОВЕСТЬ

ВЫСТРЕЛ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Вообще-то мои старики — молодцы. Живут дружно. Один недостаток у них. И тот — незначительный. Я.

Это они так считают. В основном потому, что я стал юристом. Отец ворчит: «Говорил — пойдем на завод. Чистая работа. Хороший заработок. Почет и уважение. Так нет. Вот теперь и копайся в грязи за твердый оклад». Я и копаюсь.

И еще как копаюсь. Последний месяц вдвоем со старшим следователем Балояном с головой закопался в грязных махинациях торгашей из соседнего ресторана.

Вот ведь какие дела. Я в нем бывал — по секрету — не раз. Каждый раз меня там надували. Как рядовой советский посетитель, я считал, что так оно и нужно. Это вроде как входит в технологию обслуживания — надуть нашего брата. Ну там на рубль, на два. Мелочь. Пошлина за культуру обслуживания.

А когда столкнулся я с этим рестораном «по долгу службы» — ОБХСС нам дело передал — ахнул. Доходов от этой пошлины и всяких жульничеств — великие тысячи. Во время обыска у буфетчика дома мы нашли столько ценностей и денег, сколько мне не получить за сто лет службы на моей должности. А если бы и получить — то еще лет сто надо, чтобы потратить. А ведь буфетчику уже пятьдесят пять. Ну, еще пятнадцать лет ему может прибавить благодаря нашим стараниям суд. Когда же это он потратить хотел — все, что наворовал? И куда?

Во время обыска я ему изложил свои сомнения в целесообразности такого скопления ценностей в одних руках. Он это понял по-своему. И тут же сунул мне в руки какое-то кольцо со стекляшками. Решил поделиться. Я и сорвался. Сказал ему в глаза все, что думаю о нем и его шайке. По существу я сказал все правильно. Но, видимо, форма подвела. Короче говоря, появился протокол о попытке дачи взятки должностному лицу — мне то есть. И приказ прокурора об отстранении от следствия и выговор — тоже мне.

Огласил лично Павел Иванович, или, как мы его уважительно зовем в своем кругу, Сам, час назад. Сопроводил небольшой речью: «Я уже имел возможность указать вам на вашу невыдержанность, когда беседовал с вами два месяца назад». Это имеется в виду моя реакция на его указания относительно бороды. Я, можно сказать, два года жизни положил, чтобы отрастить бороду. Натерпелся и на работе, и дома. А он мне так жестко порекомендовал сбрить. «В нашем учреждении не принято...» — сказал он.

На том мы и разошлись. Каждый при своем... Но без письменных последствий. А теперь...

— Вам надо хорошенько подумать над своими поступками. И вообще — о вашей дальнейшей работе. И жизни.

Вот я и сижу. И думаю.

Но, чтобы я не тратил драгоценное рабочее время только на себя (действительно, нежже думать о себе в то время, за которое вам начисляется зарплата), Сам подкинул мне работенку.

— Тут нам вернули дело. На доследование. Знаете — по тому несчастному случаю. С Красновым. Из-за плохого, небрежного оформления. Вот, возьмите, посмотрите. Подумайте, что еще надо сделать. Не торопитесь. Завтра утром доложите. Все. Распишитесь, что с приказом ознакомились. И идите.

Я расписался за свой первый выговор и пошел. Он мне вслед успел сказать: «А борода-то вам ни к чему. Сбрили бы...» Далась она ему!

И вот я сижу и думаю. Как приказано. Хоть думать тут особенно нечего. Дело предельно ясно. Прозрачно. И грустно, как безрезовая роща в первый зимний день. Ого! Так и до стихов додуматься можно. А это уж — край!

— От вас мне нужны факты, а не воображение. Факты — наше оружие.— Сам. Я прямо-таки слышу, как Павел Иванович это произносит.

А факты — вот они. В папке с надписью: «Дело по факту обнаружения трупа гражданина Краснова А. П.».

Лист первый: протокол об обнаружении трупа. Дальше — акты судебно-медицинской и баллистической экспертиз. Протоколы допросов свидетелей. Всего с десятков листов. Последний — постановление о прекращении дела за отсутствием факта преступления. Ну, конечно, фотографии места происшествия и трупа. Резюме после первого просмотра: дело есть — и дела нет. И не надо. Все предельно ясно. «Несчастный случай на охоте». Очередной самострел. Все печально — и все факт. Главный факт — искать тут нечего. Нечего. И незачем. И чего его вернули? Вот-вот. Это-то и надо понять. Чего его вернули. Ага — есть. Письмо от возмущенных сотрудников министерства, где покойный занимал должность — и немалую. А чем возмущаются? Ах, вот в чем дело. «Коллектив министерства, его руководство и общественные организации не могут поверить в версию самоубийства Андрея Петровича — человека кристальной честности, души, отличного специалиста, широкого, жизнелюбивого, радостного, прекрасного и счастливого семьянина». Уйма подписей. А вот еще. Это уже на официальных бланках: «Нуждается в более тщательном расследовании, ибо версия самоубийства, выдвинутая следствием, не представляется верной».

И чего они все заладили: «самоубийство»? По-моему, Сам говорил о несчастном случае. Ага! Вот где собака зарыта! В протоколах допросов и милиция, и наши выдвигали эту версию. «Что вы можете сказать по поводу самоубийства Краснова А. П.?» И в постановлении о прекращении дела следователь по инерции записал: «дело о самоубийстве... прекратить». Да. Слово-то страшненькое.

А вот еще. Жалоба на нас. От жены покойного. «Следствие не сумело найти виновников смерти мужа. Несчастный случай из-за небрежного обращения с оружием я исключаю: Андрей Петрович — солдат, прошедший всю войну, геолог-таежник, опытный охотник, он умел обращаться с оружием. Тем более исключается самоубийство — и характером, и всей жизнью мужа».

Вот это да! Ищите убийцу!

Эмоции родственников и близких понятны. Но это уж чересчур. Вот они — акты экспертиз. Медицинской: выстрел произведен в упор. Даже следы дульных срезов отпечатались под подбородком. Пыж, пороховой ожог — все есть. Классика. Баллистической: убит из собственного ружья. Жаканом. Дактилоскопической: на ружье (и на курке) отпечатки пальцев убитого. Других нет. Так что с убийством не получается. Разве что убийца приставил ружье к горлу убитого и его пальцем нажал на курок. Но так не бывает.

Итого: скорее всего — все-таки несчастный случай? Или... Или

самоубийство. Первое, судя по всему. Но — мое дело солдатское. Приказали — делай. Надо еще раз пересмотреть все дело. Переписать кое-что, кое-кого, наверное, еще разок допросить. Оформить поаккуратней. И в архив. В основном, похоже, тут работа для машинисток. Хорошего следователя на такую работу грех отвлекать. Разве что такого недотепу, как я. Чтобы набивал руку на переписке бумаг, а не вступал в теоретические споры и пререкания с последственным и начальством.

Итак, проверяю из двух «или» — первое. Оно же, скорее всего, и последнее... Опять за «дело». Охо-хо... А тут еще выговор. Это через полгода после начала блистательной карьеры следователя областной прокуратуры. По-моему, Сам вытащил меня из района только для того, чтобы избавить от меня нижнее звено нашей стройной системы. Вообще — за что он меня вытащил сюда? Ну, раскрыл за два года несколько десятков преступлений. Так и другие раскрывали. Взял он меня на прицел после злосчастной бутылки вермута. Такой фауст-патрон, за рубль девяносто семь. При одном виде ее я начинаю понимать, как бутылкой можно подбить танк. Даже порожней. А с содержимым... Бр-р. Страшно подумать... Из-за этой бутылки у меня были неприятности. Передали мне из милиции дело. Пьяная драка у магазина-первоисточника. Дрались человек пять. Итог — одного отправили сначала в больницу, потом в морг. Остальных забрали. И с ними еще человек пять свидетелей. Членов общества трезвости среди них не было. Покойного ударили по голове той самой бутылкой вермута. Еще не распечатанной. Бутылка в куски. Мои коллеги из милиции представили кучу протоколов допросов. Фотографии и схемы: на месте каждый из участников показывал, кто где стоял. А так как все они мало что помнили, то по схеме получалась веселая картинка: ударить мог каждый — и никто. Из вещдоков — осколок бутылки с этикеткой «Вермут». До сих пор не пойму, зачем они мне этот осколок передали. Этикеток я не собираю.

— Ну, свидетелей мы тебе насобирали... Готовенькое дело получаешь. Подписывай — и с плеч долой, — пошутил жизнерадостно милицкий собрат, когда я поутру зашел к ним. «Подписывать» мне было нечего, и я потребовал отыскать — хоть тресни — горлышко злосчастной бутылки. Я, конечно, понимаю — кому охота лазить по мусорным бачкам в поисках каких-то бутылочных останков. Но... Как мне установить — кто же бил покойного по голове? В таком деле показания участников — дело ненадежное. Что ж мне — всех их за убийство сажать? Или никого? На меня нажаловались Самому. Тот вызвал: «Это почему же вы с делом волынчите?» Я объяснил — для чего и почему. Сказал, что в вузе слышал о дактилоскопии. И как-то все еще верю в нее. А где же еще искать отпечатки пальцев убийцы, как не на горлышке бутылки? Ведь именно за горлышко держат ее. Обычно. И этот случай вряд ли исключение. Сам что-то пробурчал в трубку милическому начальству. Короче — горлышко к обеду уже было у меня с заключением экспертов. На нем были отпечатки пальцев. Как потом выяснилось — одного из задержанных... Дело я закончил в тот же день.

Потом на нескольких совещаниях подряд склоняли мою особу: современного, знающего, думающего, уважающего науку, молодого... и прочая, и прочая. В итоге — меня, молодого и прочая, Сам забрал к себе. Повысил, так сказать. И для начала вклеил

выговорешник. И всучил это дело, по которому и делать-то нечего. Разве что думать. Я и думаю.

Значит, так. Двадцать второго марта сего года на своей даче, в кухне, был обнаружен мертвым Андрей Петрович Краснов. Возраст — пятьдесят шесть. Женат. Имеет дочь. Главный специалист министерства. Смерть наступила от ранения в голову. Выстрел в упор — в подбородок. Жаканом. Из ружья, найденного тут же.

Обнаружен сторожем дачного поселка и участковым инспектором — они услышали выстрел и первыми прибыли на место происшествия. Минут через пять после выстрела. Краснов уже был мертв. Заключение экспертиз мне известны. Свидетельские показания — тоже. Картина, в общем, ясная, если разбавить факты воображением. За неимением других дел я это и делаю. Воображаю.

Накануне вечером этот самый Андрей Петрович, устав от министерских хлопот и городской суеты, зашел домой — предупредить жену — и махнул к себе на дачу. В Жаворонки. А что — место хорошее. Лес. Тишина. Я бы сейчас тоже куда-нибудь махнул... Ну да ладно. Воображаю дальше. Значит, так: он попрощался с женой и дочкой — это есть в их показаниях. Собрал рюкзак и уехал. Вечером побродил по пустому поселку. Сходил, наверное, в лес. Вернулся, поужинал — и лег спать. Стоп. Стоп. Не лег. И не ужиная — сидел на кухне и курил. Много курил. Полная пепельница окурков. Курил и сидел один. Больше на даче никого не было. Да и во всем поселке — никого кроме сторожа. И участкового милиционера. А чего там вдруг участковый оказался? Ночью-то? С женой, что ли, поругался? Ага — вот его показания: «Решил подежурить, так как накануне были совершены кражи в двух пустых дачах поселка». Ну — это другое дело.

Покойного они видели вечером. Когда он прошел к себе на дачу. Знают его в лицо. Здоровались. Угостились сигаретами. Был вполне нормальный. Трезвый по виду. Сказал: «Устал. Пойду к себе». И ушел. И все. До выстрела ничего такого не знают. Не видели. А вот я вижу: сидит себе уставший человек. Покуривает. Отдыхает. Потом берет ружье «Зауэр — три кольца» с пистолетным ложе. Страшно дорогая штука. Подарок от друзей-северян. Зачем берет? А кто его знает? Может — друзей вспомнил. Может — проверить хотел. Или почистить. Задумался опять. Поставил ружье на пол. Обперся о него подбородком. Вздремнул. И... Говорят — палка раз в год стреляет. А тут — ружье. Заряженное жаканом. И нет человека. Все ясно. И все подтверждается протоколами. Жалко, конечно. Хороший, видно, был человек. Вон сколько людей о нем беспокоятся даже после его смерти. Обо мне, к примеру, разве что родные поплачут. Ну, там — несколько друзей. Но — им еще подождать придется. Я не тороплюсь с этим.

Да... И лицо приятное. Красивый был человек. И судя по всему — вполне счастливый... Вот она — жизнь... Ну что же? Значит — несчастный случай? Выходит — так.

А откуда у него вдруг оказалось на даче ружье? А? Вещь ценная. Дачи, случается, обворовывают. Чего его на пустой даче держать? Мало ли что может быть: украдут. В дурные руки попадет — беды не оберешься. Я бы ружья на даче не оставлял. Тьфу! — опять моя извилина дала зигзаг. Какое мне дело, почему он ружье на даче держал? Ну, может, ему так удобней было. А все-таки — почему?

И еще. Выстрел произошел в четыре часа утра. Чего это усталый человек, приехавший отдохнуть на дачу, сидит всю ночь напролет один, курит одну сигарету за другой и ружьишко в руках вертит? Ну, допустим, погулял человек по лесу. Пришел домой. Выкурил пару папирос. Ну — три. Ну — четыре. На дворе — ночь. И спать бы лечь можно. Тем более — утром рано на работу ехать. Двадцать третье-то — среда. Рабочий день. Вон — его начальник говорил, что в этот день у них в девять заседание коллегии началось. Ждали Андрея Петровича. А он не пришел. В первый и в последний раз опаздывал... Опять — не чета мне. Сам уже пару раз намекал... Как-то уж так получается, что на совещания в кабинет к нему я прихожу последним. Неумышленно, конечно. А он уже взял моду — у меня спрашивать разрешение: «Наш молодой коллега позволит начать заседание?» Также мне юморист. Я же не нарочно... Начинайте, когда угодно... Да. Ну, ладно...

Пока что все это — «домыслы и вымыслы», как сказал бы Павел Иванович. Вот, жена покойного пишет — был он опытный таежник... Может, таежная жизнь приучила человека засыпать в любом положении... Правда, во сне не курят. А когда сторож с милиционером вошли в кухню — дверь на дачу, между прочим, была незаперта, — в пепельнице еще догорал окурочок. Значит — не спал...

И еще одно меня не устраивает. То, что палка сама может выстрелить, я знаю. Слышал не раз. Даже периодичность установлена — раз в год. Тут у меня сомнений нет. А вот ружье чтобы выстрелило, надо нажать на курок. Если исправное ружье. А этот «Зауэр» в образцовом состоянии. «Самопроизвольное выстреливание исключается». Это не я говорю. Это — баллистики. А они — наука, которую я чту и уважаю. За это меня и в должности повысили...

На курке есть отпечаток пальца. Убитого. Интересно, если он заснул и рука соскользнула вниз — мог он нечаянно нажать на курок? Э-э! Дурацкий вопрос. Что значиг «мог», когда нажал. Печальный, но неоспоримый факт.

Ну так что: все-таки — несчастный случай? Может быть... Может быть... А раз может быть — значит, может и не быть. Хоть и формальная, но логика.

Придется, пожалуй, покопаться. Пойду-ка я к Самому. Чего ждать до утра? Уж иметь неприятности — так сразу.

— Мало думали, голубчик. Утром. Утром... — начал было Сам.

— Павел Иванович! Во-первых, я все осознал и раскаялся в сжатые сроки. Во-вторых, я думал эффективно и качественно. И, в-третьих, Павел Иванович, как вы и думали, это не несчастный случай. Это самоубийство.

Сам сел в кресло, из которого приподнимался.

— Как я думал? — он удивленно заморгал. Я давно заметил, что небольшая доза «настойчивости» при разговоре с начальством полезна. Оно теряется. Тут важно не переборщить. А это трудно. Риск, конечно, есть...

— Ну, да! И вот — факты подтверждают, — я торопливо выложил плоды своих раздумий. Сам, выслушав, засопел. Это значит — жди разноса. Я и жду покорно.

— Во-первых, что я думаю — не ваше дело. Во-вторых, все, что вы тут изложили, это сплошные вымыслы и домыслы. — Я так и знал. — Умозаключения, а не факты. Сам бы я на вашем месте с этим к своему начальству не пошел. Это было бы нахальством.

А я и так это знаю. Без него. Но ем его глазами преданными и наивными. Так мне кажется. У него другое мнение.

— И вообще — идите. И работайте. Давайте мне факты. Учтите, другого дела я вам не дам, пока это не вылижете.

Я отвечаю:

— Вас понял. Факты будут. Разрешите идти?

Он кивает головой. Я делаю «налево кругом». Это чтобы потрафить его военной косточке. И иду к двери.

— Да. Вы там поделikatней, с этим делом. Родственников не вызывайте сюда без нужды. Походите сами. Только не забывайте уголовно-процессуальный кодекс. Ни на шаг от УПК! Никакой самодетельности! И факты закрепляйте. Факты.

Я отвечаю:

— Будет сделано. Пошел за фактами.

Он вздыхает мне вслед. Шумно. По-моему, сожалеет, что ограничился выговором. Мог бы и строгача дать. Но чего ему расстраиваться из-за пустяков? У него еще все впереди... Уже в дверях слышу: «А борода вам все равно не идет». Так и хочется добавить: «И Карфаген должен быть разрушен»...

За всю мою практику мне еще не попадался человек, которого беседа со мной на интересующие меня по службе темы радовала бы. Вопросы, которые мне приходится задавать по ходу дела, не всегда, мягко говоря, отличаются тактом. И скромностью. Что подлаешь: пути к истине пролегают во тьме незнания. И чтобы познать ее, приходится брести по душам человеческим в потемках. А в потемках — иной раз и на большое место наступить можно. Но — «истина дороже». Мы — слуги истины, призванные добывать ее в поте лица.

Выходит, я — последователь Аристотеля? Вот никогда не подумал бы о себе так хорошо. Хотя, хорошо ли это — не знаю. Кроме того, что он вроде бы сказал: «Платон мне друг, но истина дороже», — уже ничего не помню. А ведь сдавал когда-то историю философии! Ах, память человеческая, как ты слаба и несовершенна!

Коль меня потянуло на афоризмы и самобичевание, значит, я увильваю от какого-то дела, от которого все равно не увильнешь. Вот уже с полчаса я сижу на скамейке и созерцаю старый арбатский дом, из тех, что сохранились еще в малом числе в вырастающем вокруг них лесу элегантных и скучных современных коробок. Оно, конечно, современные формы. Строгость. Комфорт. Блеск стекла и бетона. Восхищенный глаз легко скользит по их фасадам — я, правда, не знаю, где у них фасад — кругом одинаково. Зацепиться не за что. Сплошной восторг и легкость! А вот в такого каменного арбатского мастодонта очи вперил, и гляди-разглядывай. Разнооконые этажей. Какие-то фонари. Балкончики. Лепка карнизов. Угловатое, может даже не очень красивое, с точки зрения эстетов, лицо. Но — лицо. Свое. В такое глаз вцепился — не ото-

рвешь. За таким лицом душу видишь. Насчет блеска и комфорта — оно, конечно, современному уступает. Это-то я знаю — сам жил тут, на Арбате. В доме, пережившем даже наполеоновское нашествие. И пожар Москвы. Коридорная система. В туалет — очередь с шести до девяти. Умывальник — на кухне. Затерялся между столами. С утра — шум, гам, дружеская перебранка десятка людей, живущих на одной кухне, а потому все про всех знающих. Тесно. Но — не заскучаешь. Газеты можно было не читать. Радио не слушать. Все новости — что было и чего не было — обсуждались на кухне. Коллективно. Сейчас нас всех расселили по Ореховым-Борисовым, Вешнякам-Владычиным, Коньковым-Деревлевым. Говорили — дом наш будет реставрировать. Как-никак — заслужил ветеран. На нем даже табличка была про его заслуги, но в суете про это забыли. Какой-то современный гений архитектуры проявил свой талант. Теперь на месте нашего дома — чудо из стекла и бетона. Я, как мимо прохожу, отворачиваюсь. Злость меня берет на таких гениев...

Ну, ладно... Это все лирика. Рыцарь из ниши дома-ветерана су-рово взирает на меня. С явным презрением к малодушному человека двадцатого века. Ему хорошо. Стоит себе уже сотню лет — и никаких колебаний. Даже когда во время войны бомба шарахнула напротив, в театр Вахтангова, он устоял, не дрогнул. Одно слово — рыцарь. А я вот колеблюсь. Это со мной бывает. А всего и дел-то: войти вот в этот подъезд, подняться на лифте до пятого этажа и нажать на кнопку, под которой написано: «К Красновым звонить два раза». Или, может, один. Не знаю.

Вообще, я человек не нервный. Сестра склонна считать меня бесчувственным чурбаном. Это потому, что я подсмеиваюсь над ней, когда она льет слезы над чувствительными фильмами. Может, она и права. Но не в этом дело. А в том, что, хоть я и бесчувственный чурбан, но вот так, запросто позвонить в дверь дома, хозяин которого умер совсем недавно, и сказать его близким: «Здрасьте. Поговорим-ка о смерти покойного», — не могу. Эх, слаб человек! Слаб. И потом — уж больно хорошо сидеть на лавочке, подставив физиономию солнцу. День сегодня — сказочный. Тепло. Сидеть бы так, загорать и на девушек поглядывать. Они — как бабочки — выпорхнули из коконов своих шуб, под которыми ничего и не видно — порхают перед глазами. Туда-сюда. Одна красивой другой.

Как пить дать — с завтрашнего дня опять начнется дождь. А то и снег. И вся эта красота исчезнет. Так уж господь бог завел — не балует прекрасную столицу теплом в апреле. Сидел бы и глядел на всю эту благодать. Но — позади Сам. Отступать некуда. И потом — эти прелестные бабочки ни на один из вопросов, которые сейчас меня интересуют, ответить не смогут. В данном конкретном случае они для меня бесполезны.

А потому я двигаюсь на противоположную сторону к подъезду, нарушая правила перехода улиц. Метрах в тридцати от меня — милиционер с палкой. Мог бы и свистнуть. И остановить. Но он предпочитает остановить двух ярких бабочек, которые выпорхнули на мостовую прямо перед его носом. Я его понимаю. Какой ему интерес останавливать меня?

Ну вот. Мне сюда...

На дверях — никаких табличек. И звонок — один. Нажимаю. И заранее достаю из кармана удостоверение. Практика показала, что это необходимо. На слово не верят... Лицо, что ли, не то...

Дверь открывает девушка. В ярком передничке. Открывает сразу — и нараспашку. Это хорошо. Не люблю разговаривать через цепочку. А то и вовсе через дверь. В этом доме никого не боятся...

— Вы — к нам? — спрашивает особа.

— Я — к Красновым.

— Проходите, — она пропускает меня в огромную прихожую. Только сейчас я обратил внимание, что говорит она почти шепотом. И невольно понижаю голос.

— Я — из прокуратуры. По поводу смерти Андрея Петровича, — и показываю удостоверение. Я-то уж знаю, кто она. Дочь. Очень похожа на отца. Красивая. Пусть и она узнает, кто я...

Она даже не взглянула на удостоверение. Испуганно глядит на меня, Я приблизительно такой реакции и ожидал. Поэтому торопливо договариваю уже заготовленную фразу:

— Нам необходимо выяснить кое-какие детали.

Она почему-то прижимает палец к губам, хватая меня за рукав и тянет через коридор к дальней двери.

— Кто там пришел, Лапа? — спрашивает голос из соседней двери.

— Это ко мне, мамочка. Из института.

— Володя?

— Нет. Ты спи, мамочка. Мы у меня посидим.

«Лапа» вводит меня в длинную комнату-пенал. В противоположном конце она расширяется в ярко освещенный солнцем стеклянный фонарь.

— Вы уж меня извините. Мама очень больна. Сердце. Ей нельзя волноваться. Присаживайтесь. Я на минутку забегу к ней. Раздевайтесь.

И она убегает.

Я снимаю плащ. И прохожу к окну. Оно нависает над углом дома. Отсюда виден весь Арбат. И огрызки от старого Калошина персулка. Мало что от него осталось, оказывается. И сюда гении ступили стекло-бетонной пятой. Спасу от них нет. В левую фрамугу виден тот самый рыцарь, который взирал на меня с таким укором. Со спины он вовсе не так тверд и внушителен. Вон — трещинками пошел. И засижен голубями...

Я осматриваю комнату. Ничего комната. Хорошая. Только узковата. Вообще — похожа на такой длинный ручной фонарик, к которому невозможно достать батарейки. Их вроде уже прекратили выпускать. Так мне, по крайней мере, сказала продавщица. А сами фонарики еще вовсю делают. Лежат на полках — видел. Никто не берет. Батареек-то нет.

Немного тесновато тут от мебели, на мой взгляд. И тахта. И кресла. И пуфики. Шкафы — целых два. Зеркало. Книжные полки вдоль стены. Торшер. На полу, у тахты — шкура белого медведя. С пастью. Довольно потрепанная. Еще и пианино у стены. Нет. Тесно. Не то что у меня. Я владею комнатой в пятнадцать метров. Уже два года. У родителей взял в наследство свой диван. Жур-

нальный столик. Одно кресло. Два табурета. Холодильник «Север» — сестра хотела выбросить, я подобрал. Ничего — работает. Только морозилки нет... Книги у меня аккуратно сложены в углу: полку я начал делать в прошлом году, да все времени не хватает. Сестра меня запилила — купи кабинет со стенкой. Как у всех людей. Допилила. Я даже денег насобирал — почти пять сотен. Из них три взял у ее мужа — займы на год. Он у нее ученый — при деньгах. Теперь вот отдаю. Стенку с кабинетом и тахтой — я забыл, еще и тахту мне навязывали — я не купил. Как раз, когда деньги насобирал, начиналась Олимпиада. Глядеть надо? А тут цветной телевизор подвернулся. Его по лестнице на пятый этаж легче затащить, чем всю эту мебель. Опять же на перевозке сэкономил — радиомагазин рядом с домом. И вообще — вещь. Притащил. Поставил. Боже ты мой, что было! Каких только слов я не наслушался от родной сестры. И про извилины. И такого, что мог бы привлечь ее за оскорбление личности. И словом, и действием. Вдвоем с ее мужем еле отбились. Зато теперь стоит в доме вещь. Правда — немножко сломался. Но вот выберу время, мастера вызову. Заработает.

Да. У меня дома попросторней...

...А вот и хозяин дома. Над пианино на стене. Портрет. Он — молодой еще. И с ним женщина. Красивая. Но какая-то строгая. Жена, видимо. А на пианино фотография — сама хозяйка комнаты. В вечернем туалете. Улыбка — не оторвешься. Таких надо на обложки журнала. Или в кино снимать. В цвете. Интересно — а она не на артистку учится? Про институт говорила... За дверью шаги. Я поспешно усаживаюсь на кончик тахты.

Разговор у нас получается трудный. Ей трудно отвечать. Мне — спрашивать. В этом доме еще не опомнились от горя. От глупого и трагичного несчастья. Для них это бесспорно глупый, несправедливый, страшный несчастный случай. Они не заслужили такого удара. У них всегда все было хорошо. И их рана кровоточит. И долго еще не заживет. Почему судьба так жестоко обошлась с ними? Она ни на секунду не сомневается, что это — слепой рок, несчастный, непоправимый. А вот я — сомневаюсь. Но — как выразить это сомнение, глядя в полные слез глаза? Нельзя же взять и брякнуть: «Это — не случай. Это — самоубийство»... Так и самому убийцей стать можно. И потом — это пока мои «домыслы и вымыслы». А мне нужны факты. Я за ними пришел.

Пробую начать с другого конца.

— Мы получили жалобу от вашей мамы. Она просит произвести более тщательное расследование. И товарищи вашего отца... — Я подаю ей письмо ее матери к нам. Она читает. Всклипывает. Потом, сделав усилие, улыбается. Так, что, если бы я не находился при исполнении — ей-богу, взял бы на ручки, стал гладить по голове и утешать. Она сейчас похожа на очень несчастного ребенка, из которого взрослые вымучивают улыбку.

— Да. Она писала. Я знаю. Вы же понимаете, она никак еще не может примириться с этим. Что папы нет.

Я понимаю. С этим примириться трудно. Для них, может, и невозможно.

— Я ей говорила. Но она... Она не верит в несчастье. Думает — его убили. Кто? И за что? У него и врагов-то не было. Его все любили...

Я бормочу:

— И все же — мы обязаны проверить. И вас я прошу помочь мне.

— Хорошо. Я постараюсь, если это надо. Только, если можно — не тревожьте маму. Это убьет ее — снова все переживать...

Я обещаю. Хотя — не имею формального права никому ничего обещать. Мое дело — искать факты. Устанавливать истину. Но я тоже человек. И... слаб. Пока среди всех вопросов, которые я хочу ей задать, главный — это о ружье. Спрашиваю:

— Это злосчастное ружье — оно всегда было на даче?

Она удивленно смотрит на меня.

— Нет. Конечно, нет. Оно висело в папином кабинете. Когда он его туда перевез, право, не знаю. Наверное, собирался на охоту. Он весной ездит с Николаем Ниловичем на уток.

Так. Надо выяснить, кто этот Николай Нилович. И когда начинается охота на уток. Хотя я в жизни своей не охотился, но полагаю, что не в марте.

— А когда вы в последний раз видели ружье? — это я не подумав спросил. У нее на глазах опять слезы. В последний раз она его видела после смерти отца. Когда ей предъявили его в прокуратуре. Для опознания. Я поправляюсь: — В кабинете у Андрея Петровича...

Она задумывается. С трудом вспоминает:

— Трудно сказать. Вы знаете, я как-то привыкла к нему. Висит себе на стене — уже лет пять. С тех пор, как мы вернулись в Москву с Севера. Папа ведь в Якутии работал долго...

— Ну, а все же постарайтесь вспомнить...

— Ага! Вспомнила! После награждения папы последним орденом я прикрепляла его на подушечку. У нас так было заведено: все награды семьи прикалывались к этой подушечке. Там и моя школьная медаль. И ордена — мамыны и папины. Это как раз под ружьем. Тогда оно было на месте.

— Когда же?

— В начале марта. По-моему, в канун женского дня. Ну, да — точно. Папа еще шутил, что этот орден надо было маме отдать.

— А потом? Позже....

— Не помню. В кабинете убирала мама. Это ее привилегия была. Может, она помнит?

Она-то, может, и помнит. Но и я помню свое неосторожное обещание. Нельзя же так быстро забывать про него... Попробуем с другого конца.

— А ваш отец часто ездил на дачу? Зимой? В частности, в марте?

Она опять удивляется. Искренне.

— Зачем? Что вы... У нас же летний домик. Что там зимой делать?

Вот и я думаю — что там делать зимой?

— Значит — редко?

— По-моему, в первый раз... тогда... — она замолкает. — Обычно мы вместе отправлялись в конце апреля. Перед Первым мая. Все там мыли. Чистили. Папа с мамой в саду возились. А зимой там делать нечего...

Ну что ж. Уже кое-что. Однако надо бы уточнить про ружье. Осторожно спрашиваю:

— Не могли бы вы сами — так, знаете, ненароком, спросить у мамы про ружье. Осторожненько. Это очень важно...

Она смотрит на меня с укоризной.

— Вы же обещали...

— Вот я и хочу, чтобы вы спросили, а не я. У вас это лучше получится. Понимаете — нужно... Вдруг она вспомнит, когда его перевезли на дачу. И почему. Ну, а не вспомнит — не настаивайте. И еще, хочу вас попросить подойти к нам. Сегодня или завтра — когда вам удобней. Кое-что оформить. Протокол. Да и поговорить еще. В спокойной обстановке. Чтобы не волновать вашу маму...

По-моему, она уже глядит на меня, как на бесчувственного идола. Или притворщика и обманщика. Но ведь надо же мне закрепить ее показания протоколом. А здесь это как-то неудобно. Хорошо бы согласилась. Не хотелось бы вызывать ее повесткой...

Она, видимо, понимает, что если я и зло — то неизбежное. Нехотя говорит:

— Ну, что же. Если это необходимо... Можно завтра, после института. Часов в пять. Это ведь ненадолго?

Я бормочу:

— Конечно же. Это пустяк. Формальность. Я вас не задержу. — Фарисей. У меня ведь к ней еще куча вопросов. Я торопливо пишу на бумажке свои координаты и даю ей.

— Очень буду вас ждать. Приходите, пожалуйста.

Таким тоном назначают свидание любимым девушкам робкие юнцы. Невольно думаю, что я ей свидание в жизни не решил бы назначить, если бы не долг. Никаких шансов...

Она провожает меня до лифта. Ждет, когда я уеду: наверное, боится, что такой бегемот толстокожий еще может вернуться — ворваться со своими дурацкими вопросами к больной маме. К ее облегчению, я все-таки уезжаю. Но напоследок успеваю сказать:

— Вы попробуйте все-таки расспросить маму насчет ружья. Это крайне важно. Для нас всех.

Тут я беспардонно вру. Для них это совершенно не важно... Я нажимаю на кнопку лифта и скатываюсь вниз. К ее явному облегчению.

...Все правильно. Как я и предполагал, небесных щедрот хватило ненадолго. Сегодня с утра принесло откуда-то с Атлантики циклон. И весь день зудит дождик. И похолодало. А я, конечно, поверил прогнозу и выскочил из дома в своей светлой замше. И парадных летних брюках. В итоге сейчас видок у меня, прямо скажем, «не товарный». Потому что я целый день носился по городу и даже заехал на дачу. Не свою, конечно. У меня ее, к счастью, нет. Так что стреляться мне, если приспичит, придется в коммунальной городской квартире. Хотя такие, как я, не стреляются. Даже от несчастной любви. Проверено. Так что дача мне ни к чему. Но на дачу я все-таки съездил. В Жаворонки. Имел интересное знакомство со сторожем. Старик вполне нормальный и современный. И почти трезвый: когда я зашел к нему, он на пару с каким-то мужичком приканчил бутылку вермута. В фауст-патроне. У меня при

одном виде этой бутылки кошки на душе заскребли. Грустные ассоциации. Я бы даже не удивился, если бы тут же рядом лежал какой-нибудь труп. Но все обошлось. Оба старика оказались из крепких. И радушно предложили мне стаканчик этого яда. Долг и грустные ассоциации заставили меня воздержаться — к их нескрываемой радости. Интересно — где они раздобыли зелье? Ведь согласно постановлениям, раньше одиннадцати вроде бы и не продают... А на часах только половина десятого.

Несмотря на затяжную борьбу его с проклятым зельем (вторые сутки борется, как он мне сообщил), соображал он достаточно сносно.

— Я, милоч, когда на посту, лишнего не позволяю. Только для сугреву и восстановления силы, так что не сумлевайся. Спрашивай. Обрисую все как есть. Про весь поселок все знаю. У меня — глаз. И потом — работа, сам видишь, скушная. Безлюдная. Так что всем интересуюсь. Кто. Чего. С кем. Я тут уже третий год ангелом-хранителем состою. Со мной даже участковый советуется. Уважает. И дачники тоже...

После того, как мне удалось направить его мысли в нужное русло и отсечь от воспоминаний о его славном прошлом — он работал где-то в ВОХРе стрелком — из его рассказа удалось почерпнуть и кое-что полезное. В протоколе допроса свидетеля, который он после тщательного изучения подписал, для меня было важно следующее: во-первых, ключи от пустующих дач на зиму сдавались ему. И у него их получали, когда приезжали в поселок.

— А как же. У меня порядок. Осенью уехали — сдайте ключи. Мало ли что. Пожар там. Или кто залезет. Чтобы я отпереть мог. Проверить...

Второе. Краснова старик знал хорошо.

— Душевный мужик был. Как приедет — обязательно пригласит на рюмочку. И еще на чекушку даст. Не жадный. Понимающий человек. Ну — и я к нему всей душой. Помочь там что. Весной вот водопровод ему в дом хотел провезть. Даже трубы достал. Да, вишь ты как обернулось. Жалко мужика. И бабы-то у него — жена с дочкой — отзывчивые. Не гордячки.

И третье. Главное.

— В первый раз за зиму это он приехал. Я еще удивился — чего? Если насчет водопровода — так рано. Но он ключи взял. Дал по сигарете. Михеич еще был. Участковый. Дежурили мы. Воров караулили. А он сказал, что устал — пойдет к себе на дачу. Заночует. Был-то какой? Сурьезный был. Против обыкновения не шутил даже. Устамший. С устатку-то, верно, и заснул с ружьишком этим. Заспал — и хлопнул себя во сне-то...

Михеича, предпенсионного лейтенанта, я отыскал в сельсовете. Он подтвердил, что на даче Андрей Петрович появился за зиму впервые в тот день — это важно. Значит — ружье он привез с собой? Выходит — так. Либо завез кто другой...

Но это уж чересчур... Такие шутки случаются только в детективных романах. И то редко... Неизвестный доброжелатель любезно доставляет на место средства для самоубийства по заявкам желающих. Большой выбор. Тайна гарантируется... Подпольный трест «все для самоубийц»... Чепуха. А чего это я заладил — самоубийство, самоубийцы? Пока что я расследую несчастный случай. С чего бы это понадобилось стреляться гражданину Краснову А. П., счастливому семьянину и заслуженному, уважаемому специалисту?

А действительно — с чего? Вот вопросик. И ведь мне на него надо ответить. Придется. Потому что я уже почти на сто процентов убежден, что это — самоубийство. Конечно, какой-то процент сомнений остался. Но он и должен оставаться. Стопроцентная уверенность характерна для дураков, карьеристов и, как это ни странно, — крупных жуликов. Тех, что крадут не рубли, а дачи, машины и прячут в тайниках кучу драгоценностей, которые никогда не осмеливаются вынуть оттуда. Это приходится делать за них нам, юристам, когда они попадают из-за этой своей стопроцентной уверенности. Этот дядя буфетчик, из-за которого я схлопотал выговор и вот это самое дело, был на сто процентов уверен, что я — и любой другой человек — не сможем устоять против хорошей суммы, за которую не надо расписываться в ведомости. Теперь к его букету статей прибавится еще одна: «Попытка дачи взятки должностному лицу». Для него это, правда, уже не имеет значения. Срока это ему не набавит — там и так хватает на всю катушку. А мне — неприятности... Утешает меня только воспоминание о его лице тогда. По-моему, он впервые испытал разочарование в своей стопроцентной наглости. С перепугу даже сам указал нам еще два тайника, до которых мы пока не добрались. И при этом бормотал, что он больше не будет... Может, и не будет — лет десять-пятнадцать. Это уж как суд решит. А там кто его знает...

Ну ладно. Хватит утешать себя воспоминаниями. Все равно — от вопроса, почему гражданин А. П. Краснов сделал это, мне не уйти... Потому что это не несчастный случай. Это самоубийство...

Утром, в Жаворонках, я узнал еще кое-что. Тот самый скромняга, Михеич, участковый, оказался толковым дядькой. Он прибыл на дачу Красновых вместе со сторожем минут через десять после выстрела. Послал сторожа на станцию — звонить, а сам осмотрел все кругом.

— В углу на кухне, где он сидел, рюкзакишко валялся. В нем — костюмчик лыжный, бутерброды, консервов банка — шпроты. Так, всякая мелочь, которую с собой на дачу таскают. Чтобы переночевать. Еще спальный мешок. Он рядом валялся. Раскрученный. В нем, по-моему, он привез ружьишко это. Сложенное оно было, видно. Может, подремонтировать думал. Или проверить перед охотой. В городе-то как проверишь? Хотя — навряд ли. Патронов-то он не привез. Только один этот. Видно, в стволе остался. Не заметил, должно... — рассказывал Михеич. — Потом, значит, участок я обошел. Поглядел. Да только что глядеть? С вечера как раз снежок выпал. А ночь морозная была, звездная. Так что, если бы кто проходил — видно было бы. Никого не было. Один след. Его — хозяина. Как он на дачу вошел — так и все. Больше не выходил оттуда. Один след был...

Вот так-то. Не было, значит, прогулки по лесу. Приехал из города человек. Привез с собой ружье. Наверняка с собой. Иначе — откуда ему взяться? Зашел на дачу. Сел на кухне. В комнаты, как выяснилось, даже дверей не отпирал. Достал и собрал ружье. Зарядил его. Да, да — зарядил. У оружейников я узнал, что патрона не могло быть в разобранном ружье. Просидел почти всю ночь. А под утро выстрелил...

— Еще подробность была. Бутылка коньяка на столе стояла. И рюмочка. Такая, знаете, недомерок. Грамм в ней тридцать-сорок вмещается. Из такой у меня жена капли сердечные пьет. Выпил он

тогда с устатку. Но не много. Так, на глазок я прикинул — грамм, может, сто будет. Не больше. Это точно.

Раз уж Михеич говорит — граммов сто, значит, не больше. Глаз у него, видно, наметанный.

— Пил без закуски. Весь харч, что он с собой привез, в рюкзаке остался. Коньяк хороший был. Марочный, — вздохнул напоследок Михеич.

— Попробовал, что ли? — пошутил я.

Он обиделся:

— Как можно. Вещдок. Мы же понимаем.

Шутки шутками, а сто граммов коньяку медиками, насколько я знаю, смертельной дозой не признаются. От ста граммов, говорят, еще никто не умирал. И не стрелялся. Но — кто его знает. Может, у покойного организм особый... Может, на него эти сто граммов смертную тоску нагнали. А тут и ружье — вот оно... Под руками. И патрон с пулей. Один. Случайно завалился. Ерунда какая-то получается.

Я надеюсь, что Михеич не станет докладывать начальству о моих грехах. Дело в том, что я при его помощи побывал на этой даче. Павел Иванович меня по головке не погладил бы за это. Разрешения на осмотр дачи я не спрашивал. Да и спрашивать теперь поздно. Все, что мне надо, я уже и так видел. Дача — громко сказано. Тот мой буфетчик и его содельцы получше имели. Но эта тоже ничего. Участок хороший. Лес рядом. Видел я, собственно, только веранду и кухню. Дальше хозяин, как выяснилось, в ту ночь не проходил. И мне дальше ни к чему. После той ночи кроме врачей и милиции тут никого не было. Так мне сторож сказал. Так что обстановка почти сохранилась. Даже чересчур сохранилась. Исчезли, правда, труп и ружье... Ну — это понятно. Нет и рюмки. И бутылки коньяку, из которой отпито не более ста грамм. Наверное, тоже приобщили к делу. До меня эти предметы, правда, не дошли. Даже в воспоминаниях очевидцев не фигурируют. Наверное, экспертиза и следствие установили, что коньяк к делу отношения не имеет... Видимо, где-то в протоколах про это есть...

Ну и шут с ним, с коньяком. Нет так нет. Зато есть следы и пятна. В изобилии. В протоколе я бы записал: «На столе и на полу вокруг — бурые пятна, напоминающие кровь». Сделал бы соскобы и отослал на экспертизу. Хотя и без экспертизы ясно, что это кровь. Хозяина. И когда сюда придут его домашние, они-то не усомнятся. Не понадобится экспертиза. Скорее — придется вызывать «скорую»... Зрелище не для глаз любящих родственников. В углу — как и говорил Михеич — рюкзак. А рядом был спальник. Где он?

Оказывается — его забрали на экспертизу. Что-то я не помню упоминания о нем в деле. Надо проверить...

Больше тут глядеть нечего. Свое любопытство я вполне удовлетворил. При этом никто ничего не трогал. Все тихо. Мирно. Без протокола. Но если Сам узнает — будет мне и протокол. И еще кое-что. За неуважение Уголовно-процессуального кодекса. Или УПК, как мы его называем. Хотя я его уважаю. И чту. Просто так уж получилось. Я вовсе не уверен был, что мне нужна санкция на обыск дачи спустя месяц после всего. Чего мне там искать? Теперь-то я твердо знаю — нечего... Перед уходом я оформляю протокол осмотра. Ну вот, пока все...

Уходя, договариваюсь со сторожем о том, что он тут все при-

берет. Чтобы избежать лишних вызовов «скорой». У них и так работы полно.

— Да нешто я не понимаю? Я бы и сам. Да только вот не знал — можно ли. А так — все в лучшем виде сделать можно. Скоблим. Покрасим.

Вот ведь служака! Не чета мне. Без санкции и шагу не ступит. Молодец. Учиться у таких надо.

Трешник, который я ему даю, служит санкцией на доброе дело.

— Раз можно, это мы делаем. Почему не сделать? Хозяин — хороший человек был. Как не помочь?

Интересно — чем это он собирается помочь хозяину? Во всяком случае — он меня провожает почти до станции. Точнее — до магазина. Что ж. Одиннадцать уже было... И доброе дело требует вдохновения.

— ...Ну, допустим, вы меня убедили. Допустим. Кое-какие факты у вас есть. Это может быть самоубийство... Но...

Павел Иванович сегодня пришел в полной форме. При мундире и генеральских звездах. И на груди не орденские ленточки, а ордена.

Коли Сам при регалиях — значит, вызывают куда-то «наверх». На большой ковер. Естественно — не для вручения премии. У нас премии вручают без оаций. В окошечке бухгалтерии. Под расписку. В тех редчайших случаях, когда начальство нами довольно. Вот, к примеру, за то дело, от которого меня отстранили. Мы государству отыскали и вернули чуть не на полмиллиона украденных ценностей. Впятаром, за полтора месяца работы. Ничего производительности труда? Только премию четверо теперь получают. Пятый — я — свое уже получил. Здесь. В этом кабинете. Позавчера.

А жаль. Премия обрадовала бы моего кредитора. А так — придется ему подождать. Но ничего. Не чужой же я ему. Как-никак родной брат его жены. Опять же: кто ему опора в семейных ссорах? Бескорыстный защитник от притеснений жены? Я... Сам отвечает на телефонный звонок, который перебил нашу беседу. Видно — с начальством говорит. И начальство сердится.

— Все, что нужно и можно, мы делаем. Люди работают. Между прочим — мы разыскиваем воров независимо от того, кого они обокрали. Да-да. И это наша работа. И ходатайства тут излишни. Даже ваши.

Ого! Старый солдат разошелся. Не боится не только пуль, но и начальства...

За это я его уважаю. Я тоже не очень боюсь начальства. Так — побаиваюсь иногда. Когда чего-нибудь себе позволю... По молодости...

Он заканчивает разговор на высокой ноте. Я делаю вид, что увлечен бумагами, которые лежат передо мной. Но в них нет для меня ничего нового. И интересного. Куда интересней слушать, как отбивается от натиска начальства Сам.

— Да-да! Я буду в два. И доложу дело. А пока просил бы ваших товарищей воздержаться от излишней активности и не трепать нервы нашим работникам. Сегодня с утра они только тем и заняты, что докладывают по инстанциям, как идет следствие. А они должны следствие вести, а не докладывать. Если кому-то невмоготу — пусть уж мне звонят. У меня хоть секретарша есть. Да-да.

Я понимаю, с кем говорю. Это ваше право — докладывать. Всего хорошего!

Он вешает трубку и сердито смотрит на меня. Как будто это я ему звонил.

Вообще-то я им сейчас восхищаюсь. Действительно, иной раз так замучают нашего брата звонками и указаниями, что хоть из кабинета беги. Или телефон разбивай. Но за разбитый телефон потом платить придется. Накладно.

— Вот, опять! — он кивает на телефон. — Обокрали всенародного артиста. Так за него, видите ли, хлопочут. Это уже пятый звонок сегодня. — Он нажимает кнопку переговорника. Вызывает секретаршу. — Маша! Во-первых, Кривцова ко мне. С материалами. Через десять минут. Во-вторых, пересадка ты его к Никитину. — Это значит, ко мне. А хорошо ли это? Сам, кажется, подумал о том же.

— Хотя нет. Лучше в кабинет к Александру Николаевичу. Он у нас ведь еще неделю гулять будет? Давай туда. И не соединяй его ни с кем. Даже с женой. Пусть работает. И машину мне на полвторого.

— Ну, ладно. Теперь с тобой. Несчастный случай... Но — его, может быть, и не было. Это ты почти доказал.

Между прочим, говорить на «ты» ему не свойственно. Особенно с такими как я. Это у него доверительная форма общения. Слава богу, он не знает про мою самодеятельность на даче...

— Только теперь — держись. Поклюют тебя, пока ты не докажешь, почему он это сделал. С чего это ему понадобилось стреляться? Не докажешь — тебя «с кашей съедят» за клевету на покойного. Я только маслица в эту кашу добавить смогу. Понял?

А чего ж тут не понять. У меня уже была одна беседа — в отделе кадров министерства. И если в утренней почте будет письмецо с кучей подписей в адрес прокурора, а то и повыше, я не удивлюсь.

— Ну, ладно. Действуйте. Поаккуратней. Поделikatней. Пока версия самоубийства — только для нас с вами. Рабочая. План расследования в целом одобряю. Доклаживайте мне по ходу — что и как.

Он с видимым неодобрением оглядывает мою злосчастную бороду. «Карфаген должен быть разрушен», — ожидаю я. Но он, горестно, вздохнув, машет рукой.

— Идите...

Да! Знать, тяжело ему. Не до моей бороды.

Скоро пять. Я пользуюсь тем, что нет моего визави — старшего следователя Алексея Степановича Сырова — и нещадно смолю сигарету за сигаретой. На всякий случай курю в форточку и поглядываю в окошко, чтобы убрать следы «преступления» до его прихода. Наше окно как раз против ворот. Несчастье мне с соседом по кабинету. Есть запойные пьяницы. А этот — какой-то запойный борец с никотином. В нормальном состоянии — человек как человек. По две пачки сигарет в день выкуривает. Меня перекурит. В эти, нормальные периоды, Алексей Степанович миляга. И даже на шутки не обижается. Просто не реагирует.

Следователь он — от бога. Но человек ужасно мнительный. И к тому же — подписчик журнала «Здоровье». Обычно он сидит у нас по уши в делах о хищениях. С увлечением изучает тома бухгалтер-

ских экспертиз, гроссбухи каких-то ведомостей и накладных. У меня при одном виде этих творений гениев учета и контроля скулы выворачивает. А для него это — праздник сердца. Сидит себе, мычит от удовольствия, что-то выписывает, что-то высчитывает. Весь в цифири. А потом — нате вам. Такое дельце раскопает, что ахают все. И наши. И те, кого он потом допрашивает в качестве обвиняемых. Они на него смотрят с суеверным ужасом — и раскалываются, как перезревшие арбузы. Это у меня на глазах происходит. Работники ОБХСС и финансовые ревизоры на него чуть не молятся. Хватка у него — бульдожья. Дела он раскручивает месяцами. В эти месяцы ничего, кроме своих кондуитов, не читает. Даже журнала «Здоровье». И это благо. Милейший человек. Мрачноват, правда. Но зато всегда можно и сигарету стрелнуть. И десятку-другую — до зарплаты. И то, и другое в ответ на просьбу он извлекает из кармана, не отрываясь от бумаг и вычислений. Дает не глядя, лишь бы от него отвязались поскорее. Иногда, правда, может достать из кармана вместо пятерки какую-нибудь квитанцию — и сунуть тебе. Но тут же охотно поменяет и даже спасибо скажет, что ты ему вернул бумажку, а взял деньги. В общем, пока он при деле — сосед что надо. Но в промежутках — это нечто ужасное. Сдав дело в суд — обычно мы всей прокуратурой помогаем ему таскать тома в машину, — получив заслуженную неделю отдыха, он становится невыносимым. Прежде всего он перечитывает свой любимый журнал. Открывает у себя кучу новых болезней. Узнает (в который раз) о вреде табака. И начинает свою запойную борьбу за здоровье. Тут же и мне перепадает. Во-первых, он бросает курить. Сразу — и окончательно. Во-вторых, открывает окна настежь в любую погоду. Один вид дымящейся сигареты вызывает у него истерику. Взаимы денег не дает, справедливо полагая, что беру я их на какое-нибудь губительное для здоровья мероприятие. И целыми днями развлекает меня свежими сведениями о пагубности никотина и прочих излишеств. Причем в эти периоды он — кремень. В комнате вывешивается табличка: «Курить строго воспрещается». И он гонит из кабинета всех курящих. Однажды выставил даже Самого, когда тот вошел к нам с сигаретой в зубах. Взял — и выставил. Не особенно вежливо. Мое спасение в эти промежутки только в том, что обычно уже на третий-четвертый день в кабинете появляются наши коллеги из ОБХСС. Дня два-три проходят в каких-то таинственных разговорах о брутто-нетто, сальдо-бульдо, о «подчисточках» и цифирьках, которые не сходятся. Потом Алексей Степанович начинает свои прогулки: «Я — в ОБХСС, на часок». Потом: «Я — туда. Буду к обеду». Потом на весь день. Значит — зацепился за дело. И — «Дайте-ка сигаретку. Забыл купить». Это значит — «запой» кончился, начались обычные трудовые проникотиненные будни.

Сегодня Алексей Степанович ушел в свой ОБХСС на часик. Может еще и вернуться. Так что я с опаской слежу за воротами — не прозевать бы — будет буря. Тайфун. А без сигареты мне плохо думается. Тугодум я. А подумать есть о чем.

Итак — самоубийство. Будем считать — доказано: с небольшими сомнениями, которые, боюсь, мне удастся легко устранить. Остается пустячок. Незначительная малость. Ответить только на один вопросик. Почему? Почему — самоубийство?

Ответить — потому что без причин нормальные люди не стреляются. А покойный был человек вполне нормальный. Там, на сто-

ле, в деле, у меня уже есть справки. Из его поликлиники. Никаких ни тайных, ни явных физических или психических пороков при жизни у покойного не наблюдалось. И после смерти тоже не обнаружено: акт медицинского вскрытия... Версия, что причиной самоубийства была неизлечимая болезнь — рак, что ли, — не проходит. Была у меня, признаюсь, такая...

С неприятностями по работе тоже не получается. У него их не было. А у меня еще могут быть. Их мне довольно недвусмысленно пообещал товарищ из отдела кадров министерства, с которым я имел беседу. Официальную. Дружественной ее не назовешь...

Вчера, после «загородной прогулки», я заехал прямо в министерство, где работал покойный. Во-первых, поставить в известность коллектив, что на письма и жалобы наше учреждение реагирует правильно. И во-вторых, кое-что выяснить.

Я сразу же сделал ошибку: в такие «присутствия» надо приходить при полном параде. А я явился прямо с дачи изрядно промокший и помятый. Вид мой настолько не гармонировал с окружающей меня стерильно-аккуратной средой, что уже при входе вахтер, прежде чем пропустить меня, долго совещался по телефону со своим начальством, недоверчиво разглядывая мое удостоверение.

На двадцатом этаже размещается отдел кадров. В приемной секретарша тоже долго разглядывала мое удостоверение и следила фото на нем с оригиналом. Потом она пошла докладывать о моем визите и отсутствовала минут десять. Ну что ж. Мне не привыкать. От нечего делать осматриваю приемную. В ней два маленьких столика затерялись по углам. Для посетителей — два стула: у входа. Видно, держать тут посетителей не любят. То ли подолгу не держат. То ли помногу.

Наконец меня приглашают.

— Вас примет заместитель Ивана Васильевича.

Иван Васильевич, надо полагать, здешний Сам. Конечно — если мне понадобится — то и Иван Васильевич примет меня. Как бы ни оберегала его от моей непрезентабельной личности эта очаровательная фурия. Но пока с меня хватит и зама.

Кабинет по сравнению с приемной неожиданно маленький. За столом — представительный седоватый мужчина. Конечно же, безукоризненно аккуратный. И в одежде. И в жестах.

— Слушаю вас, — говорит он скучным голосом. И смотрит на часы. Удостоверение пока не возвращает.

Я излагаю ему свое дело. Меня интересуют кое-какие сведения об их бывшем сотруднике Краснове. Не характеристика. Она есть в деле... И потом — кто ж покойному даст плохую характеристику? Старое правило — или хорошо, или ничего. А меня интересует все. Вот тут-то я и делаю очевидную ошибку. Эмоциональные окраски тут неуместны. Хозяин кабинета тут же ставит меня на место, скрипучим и ровным голосом объясняя мне, что в их учреждении характеристики всегда и всем даются объективные. И у прокуратуры — если я ее в данном случае представляю — нет и не может быть никаких оснований сомневаться. Словом, я получил свое. И по заслугам.

Ну что ж, язык протокола и нам не чужд. Что я ему и доказываю.

— Собственно, следствие интересуется, не было ли у Андрея

Петровича Краснова, работавшего у вас в министерстве, каких-либо неприятностей по службе. За последний месяц. Два. Даже год.

Он впивается в меня пронзительными глазами и разглядывает, как, наверное, энтомолог разглядывал бы пятилапого паука: с интересом и недоумением. Стараюсь понять — то ли это не известный науке новый вид, то ли просто уродец. Каприз природы.

Даже очки надел с толстенькими стеклами. Потом зачем-то еще раз взглянул на удостоверение. И не очень решительно протянул его мне.

— Вы на фото как-то посолидней. Постарше.

Еще бы! Я так старался. И потом — там я «при фраке и галстуке».

— А позвольте полюбопытствовать, почему это вдруг у следствия возник такой, я бы сказал, запоздалый интерес к работе покойного Андрея Петровича Краснова?

Мне хочется сказать ему, что если бы Андрей Петрович не был покойным, то и интереса бы к его жизни мы не проявляли. Не было бы оснований. Но я воздерживаюсь. И объясняю, что расследую дело о причинах возможного самоубийства Краснова. Расследование вновь начато. Кстати, в связи с различными жалобами на предварительное следствие. Одна из жалоб поступила отсюда. Коллективная.

— Мы в курсе. Но товарищи по работе именно потому и написали жалобу, что у них возникло, я бы сказал, законное возмущение попыткой следствия представить этот очевидный несчастный случай как самоубийство. Мы не можем позволить кинуть тень на покойного — весьма достойного и заслуженного человека. И на весь наш коллектив — таким нелепым подозрением.

Ого! Он уже давит меня могучим и здоровым коллективом. Для меня это слишком. Поэтому я его довольно невежливо перебиваю:

— Так как же насчет личного дела?

Он смотрит на меня с нескрываемым сожалением.

— Вы, наверное, недавно работаете?

Я начинаю нервничать, но отвечаю спокойно...

— Хотелось бы заняться делом.

Он внимательно смотрит мне в глаза.

Потом нажимает кнопку. Появляется очаровательная фурия.

— Танечка, найдите личное дело Андрея Петровича Краснова. И дайте познакомиться товарищу. У вас там — за столиком. Под расписку, конечно.

Танечка улавливает начальственные флюиды. И, выходя, награждает меня уничтожающим взглядом своих огромных невинных очей.

— С делом вас познакомят. Что касается бесед с сотрудниками, то об этом я посоветуюсь с руководством. Как вы сами понимаете, я, конечно, доложу о вашем визите. Всего хорошего.

Не могу удержаться напоследок:

— Возможно, интересы следствия потребуют моей встречи и бесед кое с кем из ваших сотрудников. Может быть, даже с вами. Но об этом мы известим вас повесткой.

Дождик, начавшийся вчера, идет себе помаленьку без особых перерывов. Но и не надрываясь. Так, моросит себе лениво. По-осеннему. Синоптики еще с утра пошли ему на уступки: вместо ве-

черных обещаний теплой и сухой погоды посулили переменную облачность с кратковременными осадками. Оно, конечно, кратковременность вещь относительная. Для них сутки-другие, а может, и месяц — пустяк. Миг. Мгновение. Капелька в океане вечности. А для меня сутки — а уже пошли третьи, как я принял дело, — это часть срока, отведенного мне УПК на расследование. И часть немалая. А я еще ничего не знаю. Кроме того, что если Краснов и застрелился, то не от болезни. И не от служебных неприятностей. Потому что и неприятностей у него не было. Такого служебного списка я еще ни разу не видел. Что касается послужных списков моих прежних подопечных, то они, как правило, вполне соответствовали характеру и деяниям лиц, упечь которых за решетку можно было еще до моего вмешательства в их скользкие судьбы. Я это делал с чувством исполненного долга и морального удовлетворения от того, что принес ощутимую пользу обществу, избавив его на время от явных прохвостов.

А тут — даже по суховатым строчкам личного дела видно, что человек был незаурядный. Наград — не меньше, чем у Самого. Всяких там поощрений — уйма. И ни одного взыскания. Хотя известное дело — не ошибается тот, кто ничего не делает...

А он делал. И столько всего — на две хорошие жизни хватило бы. И воевал отлично. И строил. И изобретал. И руководил. И при этом — никаких взысканий. Что касается последнего времени, которое интересовало, естественно, меня особо, то и тут — как всю жизнь. Этот человек ни в чем и нигде не спотыкался. Как я уже знал от его дочери, не более как за три недели до смерти он получил орден. По итогам пятилетки. И последние три недели ничем не отличались. Работал, как обычно. До последнего дня. И вполне заслужил тот некролог за подписью руководящих товарищей, который заботливые кадровики не забыли вшить в дело. Последним листом. Так что работа тут ни при чем. От успехов на службе тоже не стреляются. Тогда — от чего?

Семья. Конечно, все бывает. С женой там поругался. Или любовь несчастная. Правда, я по молодости как-то плохо представляю себе несчастную любовь пожилого человека. Это, согласно литературе, привилегия моего возраста. Увы — знаем. Проходили. Но — может, и бывает. Сам я плохо верю в эту версию. Не ложится она. Но хоть какая-то есть. А то — «совсем глухо, как в танке», по любимому выражению моего друга Маркелыча. Но эту версию проверять потяжелее. Уж очень тут все тонко. А надо...

Однако загулял мой сосед, Степаныч! Знать, что-то зацепил. Не сегодня-завтра завяжет со своей борьбой за народное здравоохранение. Дай-то бог. А то у меня кончается последняя десятка. А до полочки — еще тянуть... Думаю, не сегодня-завтра попросит сигарету. А пока нет. Ни его. Ни этой Лапы. Дочери покойного. А уже пятнадцать минут шестого. Идти к ним опять — не хочется. Вызывать повесткой — тоже. Погода эта меня расслабляет. В дождь я делаюсь вялым и нерешительным. Как Буриданов осел. Однако надо помнить, что он плохо кончил. И потом — он был волен в своем выборе. А у меня служба. Сроки... Я уныло гляжу в окно.

Но вот, кажется, и она. «Лапа». Интересно, почему Лапа, когда зовут ее просто Инна? Это я узнал из протоколов... Ого! Она не одна. С ней молодой человек. При зонтике. Наверное, тот самый Володя, за которого приняла меня ее мама... Объективности ради — ничего парень. Видный. Спортсмен, наверное. И зонтик держит над

головой девушки интимно-заботливо. Я зонтов терпеть не могу. Боюсь даже: мне ими вечно тычут в физиономию. Я бы так не сумел...

Да меня никто и не просит. Интересно, они так вместе ко мне и влезут — под зонтом? Но они задерживаются у ворот. Она что-то объясняет ему. Смотрит на часы, машет рукой и убегает. На свидание со мной. А этот малый шагает дальше — в сторону метро. Вот чудак. Мог бы и подождать. Не растаял бы...

До чего же убогими выглядят наши апартаменты сейчас, когда их посетил это элегантное и красивое существо! Великолепная простота ее наряда — она в замшевом бирюзовом пальто в талию — оттеняет казенную убогость кабинета. Даже мое кресло-ампир, предмет зависти коллег, смотрится как насмешка над хорошим вкусом. А ведь оно — наша гордость. Я его самым нахальным образом стащил из приемной — и после долгой и упорной борьбы с секретаршей Самого завладел им единолично. Оно у нас парадное. В него мы сажаем почтенных гостей из вышестоящей прокуратуры. И сидим по очереди сами. Думаем. Мыслим... Мне всегда казалось, что оно украшает нашу незатейливую обстановку. Но сейчас и это роскошное наследие прошлого кажется жалким уродцем. И вообще — глядя на эту посетительницу, я начинаю ощущать, что мир чудес и красивых сказок существует. И жизнь, наверное, прекрасна. За стенами этого кабинета. Но уж никак не в нем.

Вообще-то вроде и ничего особенного. Видели мы тут туалеты и пороскошней. Не так давно на этом месте сидела бывшая завшая секцией гастронома. Обычного. Не «Елисея». На ней была такая норковая шубка, что любая кинозвезда в Голливуде умерла бы от зависти, увидев такое чудо «Союзмехторга». Как она, шуба то есть, стала собственностью завши, имеющей официальный среднемесячный доход в сто пятьдесят рублей, было одной из загадок, которые я должен был решить. Богатых и чутких родственников, согласившихся скорострительно скончаться, чтобы оставить ей наследство, в ее родословной не прослеживалось. Она утверждала, что приобрела шубу на свои трудовые рубли и копейки. И не только шубу — еще и «Жигули», которые водит по доверенности за умеренную плату ее личный шофер. Сама она, в силу расшатанности нервной системы, за руль не садится. Шоферу она платит пустяки: «На бутылку в день даю. Ну, там, закуски. Кое-что из продуктов». И все из тех же ста пятидесяти. Меня ее опыт такого распределения бюджета лично заинтересовал. Я ведь почти столько же получаю. Даже чуть больше. И как-то не укладываюсь. Степаныч выручает...

Часа три с карандашом в руках мы прикидывали, как из такой зарплаты выкроить за два года на шубу, машину и шофера. Черт с ним, с шофером. Я машину и сам вожу. Обошелся бы. Но даже без шофера ничего не получилось. К моему разочарованию. И ее огорчению. Так я и хожу пешком. А она — сидит. Что-то лет восемь ей еще осталось. Но шуба была уникальная. Куда этому пальтецу! И все-таки шуба меня не ослепляла. Она смотрелась как рядовое вещественное доказательство. И не противоречила в этом качестве обстановке. А пальто это глядится как изящная вещица, найденная в чулане с трюпем.

Разговор у нас идет вялый. Я, по необходимости, заполняю протокол. Хотя то, что она рассказывает, никоим образом не проливает света на вопрос «почему». Да я, естественно, и не задаю ей этого вопроса. Просто — она рассказывает о последних днях жизни отца. Трудно рассказывает. С болью. А я слушаю и время от времени записываю то, что мне надо, казенными фразами на бланке протокола. И не перебиваю.

В доме у них всегда все было хорошо. Отца любили и уважали. И он любил их. Ссор практически не было. Отец не любил ссориться. Умел избегать их. В пустяках — охотно уступал. А в главном — не было причин для ссор. Человек он был сдержанный. Но очень справедливый и прямой. И добрый. Но — без сюсюканья... Хотя именно он прозвал дочь «Лапой». И в хорошем настроении иначе и не называл. Вот — единственное: в тот день, перед отъездом на дачу, он, прощаясь, почему-то поцеловал ее. Хотя нежности всякие не в его духе. И, как она помнит, сказал: «Ну, Инночка. Будь умницей. И помогай маме». Не Лапа, а Инночка. Она тогда не обратила внимания. Посмеялась только — уж очень торжественно это прозвучало. Как будто не на дачу, а в командировку уезжает.

— И еще — последнюю неделю он был какой-то... Ну, сумрачный, что ли. Редко шутил. Приходил с работы — и к себе в кабинет. Мы решили — опять какие-нибудь срочные расчеты. Особенно после командировки, последней...

Стоп, стоп. Что за командировка? Куда? Когда?

Она смогла ответить только на последний вопрос. Дней за десять до смерти, оказывается, отец уезжал куда-то. Видимо, недалеко. Потому что вернулся дня через три. Она еще обратила внимание, что приехал он какой-то... ну, серьезный, что ли. Спросила даже: «Что — трудная командировка была?» Он ответил: «Да. Пожалуй. Есть о чем подумать». Вот и все. Больше ничего такого она припомнить не может.

И не надо. Мне большего от нее и не требуется. А командировкой я поинтересуюсь. Сегодня уже поздно. Завтра. А пока, заканчивая протокол и давая ей его прочитать, спрашиваю. Так. На всякий случай.

— А насчет ружья — у мамы не удалось узнать?

К моему удивлению — удалось. Оказывается, мама видела сама, как он снял его со стены, сложил и завернул в спальный мешок, который уложил в рюкзак. Она еще спросила: «А ружье-то тебе к чему?» Он сказал, что хочет отдать его Михеичу, посмотреть курки. Что-то барахлят.

Михеич, надо полагать, мой знакомый участковый. Ишь ты. Должно быть, на все руки мастер. Известный в округе умелец. Это мы узнаем. Но вот что он Михеичу ружье не показывал — и разговору про него у них не было — это я уже знаю. И что курки в полном порядке — тоже. Так-то.

Инна, прочитав, подписывает протокол и вопросительно смотрит на меня. Ну что же. У меня к ней все.

— Вы уж нас извините, что потревожили. Понимаю — вам тяжело. Но это все очень важно, то, что вы рассказали. До свидания. Постараюсь больше не надоедать. Ни вам, ни вашей маме.

Я провожаю ее до двери и возвращаюсь в свое любимое кресло думать: и отчего это хорошим людям не живется на свете? Ведь жизнь, даже с выговором от начальства и грезами, которым никогда не сбыться, — штука неплохая. Я закуриваю, забыв об угрозе

возвращения Степаныча. А он — тут как тут. Уже навис надо мной. Я и не заметил, когда это он вошел. Бдительность — не мое оружие. К моему удивлению, шквала не последовало.

— Ну-ка, дай сигаретку. Забыл купить...

Вожделенная фраза. Я торопливо подношу сигареты и спички. И прикидываю: спросить пятерку сейчас или подождать до завтра? Он утопает в клубах дыма и мычит что-то про себя. Похоже — считает. Значит, началось очередное великое дело. Трепещите, жулики...

Наконец он опять замечает меня.

— А ты чего тут сидишь? Там тебя девушка ждет. Беги, олух.

— Какая еще девушка? Я свиданий никому тут не назначаю.

— Какая! Я знаю — какая? Красивая. В зеленом пальто. Я спросил: «Вы к кому?» Говорит — жду Никитина.

Я больше не колеблюсь. Легко и изящно вынимаю из Степаныча пятерку, хватаю плащ и выскакиваю в коридор. Там, у выхода, действительно стоит Инна. Смотрит в окно, за которым хлещет дождь. Наверное, переживает. На всякий случай спрашиваю: «А вы еще не ушли?» Вопросик как раз в силу моего интеллекта. Нет. Ушла. И я обращаюсь к тени...

— Нет. Я вас жду. Можно мне спросить?

Вообще-то нельзя. Не надо бы ей сейчас у меня спрашивать ничего. Но я слаб. И молча киваю головой: «Да».

— Вы думаете, папа — сам?..

Врать я не могу. Хотя — хочется. Надо иметь каменное сердце, чтобы не соврать, глядя на нее. У меня, видно, каменное. Права родная сестричка. Чурбан я.

— Но почему? — почти кричит она. — Почему!!!

Никогда я не думал, что московские улицы бывают такими грустно-уютными и красивыми в дождь. Мы бродим по ним уже часа два — в районе моего любимого Арбата. Раз пять прошли мимо ее подъезда. И уже с полчаса стоим под портиком театра Вахтангова.

В театре сегодня дают «Принцессу Турандот». Всем, наверное, весело. Смеются люди. Но сюда смех не докатывается. Тут — не до смеха. Хотя первую, робкую улыбку у Инны мне удалось выжать. Всю дорогу от Новокузнецкой до Арбата мы прошагали почти молча. Получилось как-то само собой, что я пошел ее провожать. Когда дошли до метро, она вдруг жалобно попросила:

— Проводите меня, пожалуйста, немножко. Я не хочу сейчас в метро. И домой сразу так — боюсь. Мама догадается...

Она позвонила домой. Маме. Минут десять говорила по телефону. Потом, выйдя, сказала:

— Извините. Она ведь еще очень больна.

Я пробормотал:

— Что вы, что вы.

— Но сейчас все в порядке. Она не одна. У нее сейчас дядя Коля. Друг папы. Прилетел из Якутии. Ну, пойдемте.

Я, честно, побаивался, что она будет всю дорогу спрашивать меня «почему?». Но она шла и молчала. Иногда поглядывала на меня как-то странно. Хотела про что-то спросить. Но — удерживалась. И только, когда мы уже проходили по Каменному мосту, все же спросила...

— У вас... часто... такие дела?

Я поспешил заверить ее, что нет. Не часто.

— Все равно. Страшная у вас работа. Разбираться во всем этом.

Я попытался разубедить ее. И отвлечь. Обрадовавшись, что она, наконец, вышла из оцепенения, которое пугало меня, принялся рассказывать всякие истории, которые якобы происходили со мной. Оказывается, при желании и необходимости я умею довольно складно трепаться. Это со мной впервые. С перепугу.

Постепенно она немного ожила — особенно, когда я в красках расписал, как брал уроки экономии у владелицы той самой норковой шубы. И про «запой» Степаныча рассказал. И даже — не помню уж с чего — про то, как мы с моим деверем — так, что ли, называется муж моей сестры? — вместо тахты и кабинета купили телевизор. И в лицах представил сцену, которую закатила моя драгоценная сестрица. Словом, развлекал как мог. Но часы-то не стоят. Тикают. И потом — мы промокли. Я пытался накинуть на нее свой плащ. Но жертва эта была отвергнута категорически.

Где-то уже часов в девять она вдруг жалобно сказала:

— Я замерзла ужасно. И вас заморозила. Да и мама волнуется. Надо идти. — Я проводил ее до подъезда. — Я бы пригласила к нам. Но — мама...

Я деловито посмотрел на часы и сказал, что мне все равно уже тоже пора. Меня ждут.

— Сестра собиралась придти с ревизией, — вовремя спохватился я. Хотя — на кой ляд сестре ко мне приходиться? Больно я ей нужен в такую погоду-то. Она поклялась, что и порога моей комнаты не переступит, пока я не поумнею... И все из-за моей любви к телевидению...

— Спасибо вам. Мне с вами было как-то легче.

Вот тебе и на! Женская логика! От меня у нее все эти огорчения. И я не гарантирую, что не прибавлю их.

Я даже покраснел. Она добавляет:

— Спасибо. Вы — хороший человек.

Это, наверное, опасное заблуждение. Моя сестра придерживается другого мнения.

— Можно я буду звонить вам? Мне ведь тоже важно знать — почему... — Я даю телефон. И записываю ее. На всякий случай. И мы расстаемся...

...Сегодня — пятница. Благословенный день. Только что звонил «отрезанный ломоть». Осторожно выпрашивал — что и где мы завтра. И послезавтра. Мы — это четыре переростка-холостяка. Друзья. Он — пятый. У нас странная, на первый взгляд, компания. Мы — не сослуживцы. И даже — не соученики. Но знаем друг друга лет по пятнадцать. А Славку и Маркелыча лично я знаю с детства. И они меня — тоже. Всех нас свел Арбат. И его переулочки. Когда-то, до эпохи архитектурного нашествия на Москву орд отечественных корбюзинцев в районе Арбата мы все и жили. Генка и Женя в соседнем доме. А Маркелыч и Славка в ампирном особнячке. В переулке. Напротив зоомагазина. Это, между прочим, через дом от Инны... Интересно, может, когда-то мы и ее шугали с нашего двора, как шугали всякую мелюзгу, чтобы не мешала нам гонять мяч или банку консервную. Она лет на пять-шесть по-

моложе меня. Лет пятнадцать назад мы на таких козьяков и внимания-то не обращали...

Свела всю нашу компанию улица. Если уж точнее — драки. Мальчишеские. Дворы в старой Москве были небольшие. Но жили в них патриоты. И за честь собственного двора и его граждан вступались без раздумья. Наш двор был малонаселенным. Армия малочисленна. Хоть и отважна: отступать мы не любили. За что, бывало, страдали. Поэтому мы нуждались в союзниках. И искали их. А они — нас. Конечно, не так, как ищут дипломаты. Скорее — как воины. Сначала — драка. Если противник оказывался достойным — не дрейфил, но и не подличал, — то кровавые битвы (дрались до первой крови) завершались боевым союзом. А союз переходил иногда в дружбу. На годы. К радости наших учителей и счастьем нашему как-то так вышло, что вся наша пятерка — клан очень тесный, решительный, изобретательный, шкодливый и дружный — училась в разных классах. И даже школах. Иначе, наверное, было бы плохо и школе, и нам. Улица наши затеи еще кое-как сносила. По необходимости — и при поддержке участкового. А школе было бы не под силу наше содружество... Так или иначе все мы по-разному и в разные сроки избавили от лишних хлопот своих учителей. Двое самых приличных и совестливых после восьмого класса подались в рабочий класс. Женька стал электриком. А Маркелыч по семейной линии — в шоферы. Этот до сих пор крутит свою баранку на дальних рейсах. И кроме претензий гаишников, с которыми он ведет профессиональную борьбу, ничто в жизни его не огорчает. Короче, он у нас — добряга. Девушки от него в восторге. Все. Но женить его пока не могут. В шутку — они не согласны. А всерьез — он.

Тут, правда, наметился вариант. Женька пригласил как-то на граздник двух подружек. Они с ним уже лет пять в одном институте проработали, а он их только сейчас заметил. Обе — ничего. Но одна — задумчивая лань. Тиха и кротка. И вцепилась в Женьку, кажется, крепко. Он этого вроде бы и не замечает. Но, по-моему, тут все ясно. Гибнет «гусар».

А ее подружка Алла огонь девка. А главное — может переговорить даже Маркелыча. И переохотать. Пока он только удивляется. И старается не упустить первенства. Но поглядывает на Аллу с опаской. Уже. А от испуга — чего не бывает? Хотя все мы ребята крепкие.

Жизнь раскидала нас по всей великой столице. В районе Арбата я один удержался. И то потому, что променял возможность получить однокомнатную квартиру в Бирюлеве (я до сих пор так и не знаю — в каких это краях) на комнату в коммунальной квартире. Правда, не на самом Арбате. На Гоголевском бульваре. Но это почти одно и то же. По крайней мере — удобств всяких там коммунальных не больше, чем было на Арбате. Ванной нет. Но зато я и в баню хожу не потому, что модно, а потому, что надо. И все наши банные выходы начинаются и кончаются в моей комнате. Ходим мы по субботам. Съезжаются три интеллектуала и два работяги. Корни жизни. Два — это Маркелыч и Женька. Хотя Женька больше прикидывается рабочим классом. У него — шестой разряд и четыре курса заочного вуза. На пятом он уже года два, если не три, тянет резину. По-моему, он просто не хочет менять почетный титул и сдельный заработок на твердооплачиваемое место. Он хитрец. И в своем деле — академик. Хотя телевизор чинит мне второй месяц.

— А чего там чинить-то? Вот хоккей начнется — тогда и сделаем. Тут делов-то — раз плюнуть.

Хоккей, между прочим, завтра начинается. Собственно, по этому поводу и звонил Генка — «отрезанный ломоть». Напрашивался. Он у нас первый «замуж вышел». Почти тайный брак. И женила-то его «Сонька — золотая ручка», которую мы все еще с детства знали. Атаманша была. Бой-баба. Почти свой парень. А когда нас архитектурный взрыв разметал в стороны с Арбата — она вроде и исчезла.

Генка — так его раньше звали — в компанию ее к нам ни разу не приводил. А потом вдруг раз — и свадьба. Он из нас — троих интеллектуалов (я тоже в силу полученного диплома и должности вхожу в эту лигу) — самый интеллектуал. Он — физик-теоретик. Что это такое — никто из нас не знает. И не понимает. В этом предмете мы целиком полагались на него еще в школе.

Словом, Генка у нас — голова. Но, как мы решили, отрезанный ломоть. Женатику с нами лучше не якшаться. Мы семейных скандалов не любим. Не привыкли. И теперь держим Генку на расстоянии. Без жены его с собой никуда не берем.

Четыре часа. Звонок. Это Женька. С остальными уже все обговорено. С утра завтра — баня. А потом у меня хоккей. Но для этого надо, чтобы появился Женька-академик. И «раз плюнул» в мой цветной телевизор.

— Это ты? Тебя еще не пристрелили? — гудит Женька в трубку. Он предсказывает мне плохой конец от руки моих «безвинных» жертв. — Нет? Ну ладно. Ключ в дверях? Я сейчас заеду. Посмотрим твоё барахло. — Ничего себе барахло. Стоит целой обстановки. И потери кредита у родной сестры. — Наши звонили? И Генка? А ему-то что надо? Пусть за юбку держится, Эпштейн несчастный. — Это Славка так прозвал Генку Эпштейном. Он физику терпеть не мог. Как и я. Страдал из-за нее. Хотя и стал инженером. И когда я попытался нашему теоретику-физику прикрепить соответствующую его званию кличку «Эйнштейн», Славка запротестовал: «Кто такой этот Эйнштейн? Запудрил мозги всему человечеству своими теориями. И помер — как будто он и ни при чем. Вот Эпштейн — это человек. Какую команду из «Химики» сделал!» Кличка к Генке так и прилипла...

— ...Ты его гони. Гони. Нам еще потом от Соньки всякое выслушивать. Это же чемпионат мира. Раньше утра не разойдемся.

Это уж точно. Не разойдемся и до следующего вечера. Я заверяю Женьку, что все улажено. Атаманша дала своему благоверному увольнительную до утра. Сама мне звонила:

— Заберите вы мое чучело. Я хоть спокойно уберусь в доме. И отдохну. Но утром приеду — часиков в десять. С ревизией. Так что смотрите там. Чтобы баб не было...

Ох, грозна...

— Ну ладно, колы так. С него, как с женатики, закуска. Он в этом должен разбираться. Ну — пока. Я, может, тебя дождусь. Посплю. Приедешь — разбуди.

Поспать — это он тоже мастер...

Ну вот. Личные дела улажены. Отдых обеспечен. Заслуженный. И активный. В кругу друзей...

До конца работы еще час. Можно подвести итоги производственным успехам. Их, в общем-то, нет. Или — почти нет. Так — мелочи. Но одна из них меня озадачивает. Хорошо это или плохо —

я еще не знаю. Но «есть фактик», как любит выражаться мой сосед Степаныч. Кстати, его нет целый день. Это меня радует потому, что значит, он при деле — и можно курить в свое удовольствие. А пока — подумаем. О мелочах. То, что Михеич ничего не знал о ружье, пока не увидел его уже разряженным, я предполагал. И не удивился, когда выяснил, что лично сам Михеич в жизни ни одного ружья не починил. «Керосинку там. Примус. Кастрюлю запаять. Послесарничать. Это я могу. Люблю даже. Как-то и на ихней даче в этом деле помощь хозяйке оказывал. А ружье — это нет. Это я не берусь». Ясно. Для женщин объяснение Андрея Петровича еще годилось. Для них ведь человек, починивший керосинку, уже мастер на все руки. Почти лесковский Левша. Меня же оно только укрепляло в уверенности, что брал ружье хозяин с собой не для ремонта. Чтобы стрелять. В себя. Заранее и хладнокровно готовился к этому. И патрон с собой привез. Это ясно.

А вот вторая мелочь из тех, которыми я сегодня занимался, меня озадачила. Удивила даже.

Оказывается, никаких командировок в марте текущего года нашего столетия у Краснова не было.

Это, после некоторых препирательств с той самой синеокой Танюшей из приемной строгого начальника кадров, мне удалось узнать.

Правда, судя по времени, в течение которого мне пришлось держать у уха трубку, она сама обошла все свое начальство, а оно еще провело небольшое заседание, прежде чем разрешить ей дать мне эту справку. Но справка того стоила. В командировке он не был. Но брал за свой счет два рабочих дня. «Для личных дел», — пояснила добрая, но медлительная фея с невинными глазами и замашками мегеры.

Мелочь — правда? Кто не берет пару дней за свой счет? Мало ли зачем. Ремонт сделать. Зубы полечить. Просто — отдохнуть от трудовых будней, развлечься на законных основаниях. Дома, наконец, посидеть. С семьей, которая не избалована твоим вниманием. Это я про свою семью. Про родителей. В его-то семье все в порядке. Было. И потом — дома-то он не сидел. Куда-то уезжал. Сказал своим — в командировку. И исчез на три дня. Появился какой-то задумчивый. Хмурый. А командировки-то и не было. А что же было?

Ну, во-первых, он мог никуда не уезжать. Пробыл в Москве. Скрылся у старых друзей. Или молодых. От семейных неурядиц. Или решил иным способом от них отвлечься. Я знаю — каким? У меня вот родитель, к примеру, после ссоры с матерью выскакивает на улицу и часа два бродит где-то. Появляется слегка под хмельком. Чуть-чуть. Но уже — гише воды, ниже травы. Веревки из него вить можно. Что мать и делает, между нами говоря. А как спасаются другие от своих жен и домочадцев — не знаю. Но ему, судя по всему, нечего было спасаться. Не от кого. Ссоры-то не было. И потом — жена помогла ему собираться в командировку. Портфель набивала пижамой и попотенцем. И поехал он на вокзал. На какой? Зачем? Куда? В Москве их девять. И уехать можно с каждого. Куда захочешь... А вот куда он захотел? Мне бы не мешало узнать. Хотя бы для начала. Потому что не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы подумать о связи этой поездки со всем остальным. У меня нет их — этих пядей. Но я об этом думаю...

Как бы это узнать? И у кого? Так как ответы на эти два вопроса

в голову мне не приходят, а стрелки часов приближаются к шести, то я решил отложить все это до понедельника. Люблю откладывать до понедельника служебные дела. И начинаю всерьез обдумывать третий, не менее важный вопрос: у кого же одолжить пятерку, если еще через десять минут не появится Степаныч.

Но вошла Маша. Наша секретарша. Приоткрыла дверь — и торжественно провозгласила:

— Никитин — на ковер. Сам вызывает...

В кабинете меня ждет сюрприз. И даже не один. Во-первых, в кресле посетителя я вижу представительную и строгую фигуру заместителя «самого Ивана Васильевича». Из кадров министерства. Который иносказательно пообещал надрать мне уши при помощи общественности и начальства. Судя по строго-торжественному виду, доверенность на эту экзекуцию он получил — и сейчас ее предъявит мне. Вообще-то я ожидал от него этой «бязи». Но — в письменной форме. На бланке министерства. И уж никак не думал, что он снизойдет сам с высоты своего двадцатого этажа. Но он решил изыскать время, чтобы порадовать меня сюрпризом. Ну что ж. Я и радуюсь.

Второй сюрприз — поведение Самого. Он встречает меня чуть ли не у дверей, подводит к креслу и представляет:

— Младший советник юстиции, старший следователь, Анатолий Иванович Никитин. Один из лучших и опытных наших работников.

Я удивленно гляжу на него. Издевается, что ли? Нет, похоже — всерьез. Между прочим, уважаемый Павел Иванович, лучших работников выговорами не поощряют... Ну, да ладно... Замнем...

— А это — товарищ из министерства. По поводу дела Краснова... — Я ограничиваюсь дипломатическим полупоклоном. Он слегка приподнимается в кресле.

— Мы знакомы. Но я товарищу пока повестки еще не посылал. По плану расследования хотел сделать это в понедельник...

Павел Иванович, по-моему, внутренне веселится. Но скучным голосом проясняет ситуацию:

— Товарищ, выполняет поручение руководства, которое озабочено, насколько я понял, фактом самоубийства Краснова. Не так ли?

Золотой старик. С ходу ставит «товарища» на место. И перед фактом, которого признать они не желают. И все это — в рамках дипломатического протокола.

— Значит, вы полагаете, что имело место все-таки самоубийство, а не несчастный случай? — несколько растерянно произносит посетитель. Обращается подчеркнуто к Самому. Меня игнорирует.

— Не я полагаю. Следствие ведет товарищ Никитин. И ему удалось собрать, на наш взгляд, факты, опровергающие версию о несчастном случае. Что касается причин возможного самоубийства, то их он сейчас и выявляет. Но это уже его профессиональное право — и обязанность — не оглашать ход расследования до конца следствия. Что еще может интересовать ваше руководство? Чем мы можем быть полезны? — Сам приторно любезен. Я бы не хотел сейчас сидеть на месте этого товарища. А он пусть посидит. Ему полезно.

— Видите ли, тогда, если вы полагаете, что это самоубийство, — начинает он. Наш старик его снова ставит на место:

— Мы пока ничего не полагаем, мы просто располагаем фактами. Но их еще недостаточно, чтобы сделать выводы. Наше учреждение прогнозов не дает. Оно только ищет истину. И оперирует фактами. А не предположениями. А факты опровергают несчастный случай, не так ли, Анатолий Иванович? — Сам подключает меня в разговор. И гостю ничего не остается, как обратить на меня внимание. Делает он это без особой охоты.

— Да-да... Я понимаю. Значит, вы полагаете, что Краснов мог застрелиться? — Теперь уже он снизошел до меня. Я сухо подтверждаю, что эта версия подкрепляется фактами, приводить которые я считаю преждевременным.

— Посторонним лицам. В интересах следствия, — последнее звучит, наверное, напыщенно.

— Поймите нас правильно. При таком повороте событий мы не можем не учитывать всех возможных последствий такого поступка нашего сотрудника. При столь серьезных обстоятельствах, я полагаю, мы обязаны учесть все возможности. И подойти к делу со всей ответственностью. По-государственному.

— Конечно, мы проверим все версии, это наша обязанность. Но думаю, что ваши опасения преждевременны. Хотя и понимаю их. Но фактами мы не располагаем. Если они появятся, мы, конечно, поставим в известность, — Павел Иванович сделал паузу, — ваше руководство, — отсек он. И встал с кресла, давая понять, что аудиенция окончена.

— Я доложу руководству, — начал было гость.

Но Сам перебил его:

— Я думаю, что пока это излишне. Нечего докладывать. Я даже просил бы вас, чтобы наша беседа — хоть она и проходила без протокола — осталась между нами. Пока. В интересах следствия. Так уж у нас заведено. Извините.

Сам проводил его до двери.

— Ну, понял? — спросил он, возвращаясь. — Теперь хоть разорзись, а ответь мне на вопрос — почему этот Краснов застрелился. Или докажи обратно, что это несчастный случай. Ну, давай по домам. Хочешь, подвезу тебя до центра?

Суббота прошла нормально. Телевизор работал до двух. Глядели его только Маркелыч и Славка. Фанаты. Там уже с часу глядеть было не на что. Наши в первом периоде набросали немцам десяток шайб. Женька уснул на пятой. Теперь его до утра не разбудишь. Мы с физиком-теоретиком сидим за столом и лениво тычем вилками в банку со шпротами. Этот кулинар приволок полный набор рыбных консервов и буханку хлеба. Открыл их. И еще нарезал ломтями колбасу из моего холодильника. Шеф-повар. Гигант общепита. И зачем мы его «замуж» отдавали? Даже на яичницу фантазии не хватило. Чему его только жена Сонька учит? Сейчас сидит и выслушивает мои излияния. Я жалуясь на судьбу. И на начальство, усадившее меня в дело, из которого мне живым не выйти. Это у меня бывает. Когда расслаблюсь.

— Ну отчего может застрелиться приличный человек? — пристаю я к Эпштейну. — Ну, вот ты, к примеру. Или я.

— Ты — не типичен, — это вдруг встревает в разговор Женька. Даже не открывая глаз. Во сне, что ли, бормочет?

— Ты не застрелишься. Тебя убьют. По долгу службы. Вот Эпштейн — дело другое. Он человек приличный. Был. Но он тоже не застрелится. Сонька не даст.

— Ну, а ты? — с надеждой спрашиваю я.

— А я сплю. Отстань, — и он действительно захрапел.

— Слушай, а этот, твой, может, из-за женщины? Знаешь, «ше-рше ля фам», — говорит теоретик.

Отличник несчастный. Еще и по-французски изъясняется...

— Проверял. Не было женщины. Он не бабник был. Не то что Маркелыч.

Женька вдруг снова просыпается.

— Черт бы тебя взял. Чего пристал со своим покойником. Кошмары теперь снятся, — ворчит он. — И вообще — ты что, хочешь, чтобы мы за тебя твоим делом занимались? Слушай, а куда это твой дядя ездил? Чего-то ты про это бубнил?

— Здрасьте! Спиноза! Доктор Ватсон! Если бы я знал, куда, может, и все остальное знал бы...

— А ты узнай! — лениво цедит академик.

— У кого? У тебя, что ли?

— Зачем у меня? Я не знаю. У дочери. У жены. Или там билет найди. Раз ездил — билет должен быть, — и он опять засопел, свернувшись в кресле калачом.

А он ведь прав. Билет-то действительно должен быть. Может быть. Он же его в бухгалтерию не сдавал. Конечно, мог выкинуть за ненадобностью. А мог и не выкинуть. У меня, к примеру, в карманах всякие там билетки на автобус-троллейбус месяцами валяются. Мы, мужики, насчет аккуратности не специалисты. Это женщины свои сумочки и карманы регулярно чистят. А нам это ни к чему. От химчистки до химчистки. Так что вполне могут билеты лежать у него где-нибудь в кармане. Лопух я.

— Пойду позвоню, — говорю я. И поднимаюсь из-за стола.

— Куда? — удивляется теоретик.

— Узнать надо, в чем он в командировку ездил...

— Ошалел совсем. Время самое подходящее.

Время действительно подходящее. Для сна. Третий час ночи. Придется ждать утра...

В десять часов утра нас будит жена Соня.

— Ну, хороши гуси! Видно, повеселились в свое удовольствие. Сами убратся не можете, так девиц приглашайте.

— Ты же не велела, — резонно возражаю я. — И потом — мы же знали, что ты придешь. Поможешь.

— Нахалы. А ну, вставать — и за уборку. Буди-ка мое сокровище. Хватит ему наслаждаться холостяцким уютом. А сам с Женькой марш на кухню. Посуду мыть.

Женька, протирая глаза, ворчит:

— Командуют тут всякие разные. С утра пораньше. Лишают права на воскресный отдых.

— Поговори еще, — рычит жена Сонька. — Схлопочешь у меня. Собирай посуду со стола — и на кухню. Умываться ты все равно не будешь, как я понимаю...

— Мы вчера в бане были, — тянет резину Женька. — А посуду, чего ее мыть? Все равно эти обжоры все съели.

— Да я вам тут еды притащила всякой. Даже студень есть. И полбарана.

— А, это другое дело,— оживает академик.

К одиннадцати комната приобретает жилой вид. Сонька от нечего делать домывает пол, загнав нас на балкон. Я ворчу. Пол еще мог бы подождать. А я из-за нее не могу пробраться к телефону. Уже можно бы и позвонить. И так тянул для приличия сколько мог. Теоретик уламывает жену:

— Выпусти ты его к телефону. А то он лопнет от нетерпения. У него же дело...

— Знаю я эти ваши дела. Вот просохнет — и гуляйте.

Но, сжалившись, кидает мне под ноги тряпку.

— Ноги вытри. И по стеночке ползи.

Никакой свободы в собственном доме. Не женюсь. Ни за что...

К телефону подходит мужчина с густым басом. Я прошу дать мне Инну.

— Здравствуйте,— говорит она. И ничуть не удивляется.— А я вчера ждала вашего звонка.

Почему это, интересно знать?

— Вам разве Алексей Степанович не передавал, что я звонила? В пятницу, часов в шесть?

Оказывается, Степаныч-то мой приходил. И, наверное, оставил мне записку. Но я в кабинет не заглянул.

— Нет? А я была рядом — хотела встретиться. Поговорить. Сегодня? До вечера я свободна. Хорошо. В двенадцать у Гоголя...

— Теперь это называется делом, назначать свидания девицам,— ворчит Соня.

— ...Вы знаете — я все время думаю об этом. Не мог папа ничего такого сделать. Он был — ну как бы это сказать... Настоящий,— говорит она. И внимательно смотрит мне в лицо.— Наверное, вы ошибаетесь. Не мог он...

Если бы... Но он смог. Это точно. А вот почему?

Она пришла к памятнику минут через десять после меня. Пока она переходила улицу, человек пять оглянулись ей вслед. И даже милиционер в будке загляделся и переключил свет, только когда она уже скрылась с его глаз за памятником. Я за ним следил. Он как-то тяжело вздохнул, сердито глянул на поток машин, скопившихся у тоннеля, и резко переключил светофор. Даже минуя желтый, по-моему. Красивая она девушка. Только грустная очень. Тем труднее мне сейчас задавать ей вопросы. А надо.

— Послушайте, Инна. Вы не знаете, случайно, куда ездил ваш папа? Ну, тогда. В середине марта,— спрашиваю я, созерцая свои не очень чистые башмаки. Нам повезло. Мы сидим на скамеечке одни. Прохожие деликатно шагают мимо. Наверное, дают возможность молодым людям полюбезничать. Только я не любезничаю. К сожалению.

— Как куда? В командировку.

— А куда? В какое место?

— Не знаю. На работе, наверное, можно узнать? — она удивлена. И немного напугана моим вопросом.

— Ну да, конечно,— бормочу я.— Просто я думал, может быть, вы знаете?

— Нет. Он не говорил. Сказал, что недалеко. И правда, через три дня приехал. Утром в воскресенье, помню. К нам тогда гости приезжали. Его товарищи. С севера. Он еще в субботу звонил оттуда. Из командировки. Предупредил, что приедет утром. Чтобы они его подождали.

Звонил оттуда! Это уже кое-что. В понедельник я, пожалуй, буду знать, откуда. Если телефонисты не подведут. Может быть, второй вопрос уже не стоило бы задавать. Но я его задаю.

— А вы не припомните, в чем ваш папа ездил в тот раз в командировку? В пальто? В шубе?

— Как же не помню? — удивляется она. Видно, что она мучительно старается понять, для чего мне все это нужно. И не может. И от этого ей, по-моему, страшно.

— Он всегда ездил в командировки в своем кожаном пальто. Знаете, такое, на подстежке. Весной подстежку мы с мамой снимали. Лет десять уже он его носил. И на новое никак не соглашался... Мы даже сердились с мамой...

Она тяжело вздохнула. Теперь — главное. Мне ее жалко, я чувствую себя почти мучителем. Но лучше уж сразу покончить с этим.

— А это пальто — оно сейчас где? Дома?

Я гляжу на нее. Если она меня возненавидит, это будет справедливо. Она молчит. Глядит на меня почти с ужасом. Потом тихо с усилием произносит:

— Но... Но он ведь уехал тогда в нем. На дачу. Оно, наверное, там. Не знаю...

Она, по-моему, плачет. Или вот-вот заплачет. Прохожие кидают на меня неодобрительные взгляды. Даже гневные. Я не удивлюсь, если сейчас какой-нибудь рыцарь просто подойдет и набьет мне физиономию. Я даже этого не замечу, потому что ее слова начисто отключают меня от всего мира.

Пальто на даче!

Ни о чем другом я сейчас и думать не могу. Пальто — на даче. Конечно же, оно на даче, это пальто. В деле оно не фигурирует. Стрелялся-то он без пальто. В костюме. В нем и искали какую-нибудь записку. И в бумагах. И на кухне дачи. Записку, которую обычно оставляют самоубийцы. Но там ее не было. А пальто, в котором он приехал в тот вечер и аккуратно повесил на веранде, так там и висело. Никем не замеченное. Но я-то его видел. Точно помню — видел. Слева от входа. Там еще висели какие-то вещи. И это кожаное пальто. Я не удостоил его вниманием: решил, что к делу оно не относится. И не только я. И висит оно себе там, где повесил его он. А в нем... Спокойно... Спокойно...

Конечно, вовсе не обязательно, что в его карман он положил письмо. Или записку. Но он мог это сделать. Если человек заранее готовился к самоубийству, то он мог заранее написать и прощальное письмо. И мог положить его в карман пальто. А я... Мне даже стало нехорошо.

— Что с вами? — испуганно спросила Инна. Видно, очень нехорошее лицо у меня было. Настолько нехорошее, что она даже забыла о своей боли — и испугалась за меня. И теребила меня за рукав. Уже, наверное, давно. Я снова вернулся в этот мир. На бульвар. В солнечный день, которым по праву наслаждаются все эти по-весеннему нарядные и радостные люди.

— Что произошло? Вам плохо? — теребит меня Инна. Я окончательно прихожу в себя. И, внутренне протестуя, примиряюсь с

тем фактом, что я — есть. Существую. Вот он — я. И тут уж ничего не поделаешь...

— Что случилось? Я что-нибудь не то сказала?

Благородное создание. Ты тут ни при чем.

— Нет, нет. Все — то. То, — я опять в состоянии глядеть на нее. Она молодец. В мужестве ей не откажешь. Я решаюсь. — Мне нужно попасть на вашу дачу. Срочно. Это крайне важно, Инна.

Она опять испуганно смотрит на меня. Соображает. И лучше меня. Быстрее.

— Пальто? — догадывается она. — Вы думаете — там?

— Не знаю. Может быть. Мне надо ехать туда...

Я встаю.

— Можно мне с вами? — вдруг неожиданно спрашивает она. — Мне нужно знать...

Я удивляюсь. Но киваю головой. Можно. Хотя, может быть, и не стоило бы... Но теперь уже все равно...

Всю дорогу до Жаворонков мы молчим. Не о чем нам говорить. И ничего хорошего от этой поездки мы не ждем. Тягостная поездка. Я почти непрерывно курю в тамбуре. А она сидит на скамейке и смотрит в окно невидящими глазами. Потом в поселке мы разыскиваем сторожа. Она берет у него ключи. И передает мне. А сама усаживается на лавочку у его сторожки.

— Не могу. Страшно. Идите вы сами. Я потом, — говорит она.

Я иду. Понятые мне пока не нужны. Но Михеича, который оказывается в гостях у сторожа — вот ведь друзья неразлучные, беру с собой. Сторож остается с Инной на скамеечке. Чуткий старик.

...Ну вот! Все мои страхи, надежды и сомнения позади. Пальто по-прежнему висит там же. И пусть себе висит. Мне оно не нужно. Абсолютно. Никаких писем там нет. Ничего нет. Кроме пары меховых перчаток. Они тоже по-прежнему лежат, где лежали. И вообще — все осталось на своих местах. Кроме маленького кусочка картона. Железнодорожный билет. Я обнаружил его во внутреннем кармане. Среди обычного для мужских карманов мусора: обломков спичек, крошек табака, клочков бумаги — билет от четырнадцатого марта. На поезд Москва — Рига. До станции Олялино. Обратного билета не нашлось. Выкинул он его, наверное. Но он мне уже не нужен. Я теперь знаю, куда он ездил. Осталось узнать — зачем...

Мы едем обратно. Инна пережила за этот час немало. Это было страшное для нее ожидание. И, наверное, хорошо, что не было никакого письма. Для нее хорошо. Но не для меня. Она даже немного ожила. И разговаривает со мной. О том о сем. Она побывала все же на даче. Ее привел сторож. Предварительно убедив, что ничего страшного там уже нет. Похвастался, что все убрал. И зачем-то даже про трояк рассказал, которым я его поощрил в свой первый визит. Она даже спасибо мне сказала. Я испугался, как бы не вздумала отдать трояк. Но до этого дело не дошло. Все-таки она даже лучше, чем я о ней думал...

Я опять развлекаю ее болтовней. На сей раз зубоскалю о своих приятелях, которые сейчас проходят дрессировку у жены Сони в моей «берлоге». И вскрываю недостатки. Без скидок на дружбу.

Как ни странно, из моей нелюбезной критики она делает свой несколько неожиданный вывод:

— Они, наверное, хорошие ребята. Хорошая у вас компания.

Чисто женская реакция. Еще, чего доброго, захочет с ними познакомиться... Что мне тогда делать? При моих-то скромных данных?

Ближе к Москве мы уже беседуем с ней, как старые приятели. О даче не вспоминаем.

Я, между делом, спрашиваю у нее — не бывала ли она в Оляино. Есть такое место в Калининской области. Очень красивое.

Она про такое даже и не слышала.

Я говорю — жаль. Потому что места там — ну прямо Левитановские. Какие они на самом деле — не знаю. Не был...

Перед ее домом — а я провожаю ее опять, и опять мы идем пешком от самого вокзала, только теперь не под дождем — мы снова расстаемся не сразу. Мне ужасно хочется назначить ей свидание. Не деловое. А так. И даже пригласить в гости. Хотя из этого вряд ли что выйдет... Но я не решаюсь. Вместо этого говорю ей:

— Вы знаете, Инна, мне нужно, очень нужно как можно больше узнать о вашем отце. Все, что можно. Понять, каким он был. Чтобы понять, что же произошло на самом деле. Поэтому я, может быть, вам еще позвоню. Вы позволите?

Она задумчиво смотрит на меня. Потом протягивает руку.

— До свидания. Конечно, звоните. Я буду рада.

И на том спасибо.

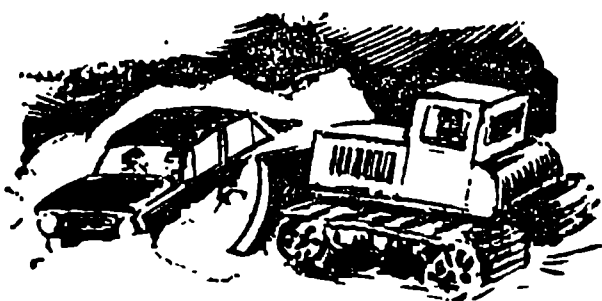
(Продолжение следует).

Рис. И. Ушакова.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

РОКОВОЕ СОВПАДЕНИЕ

Два вора в городке Медельпаде (Швеция) похитили несколько ящиков дорогих сигарет и благополучно ушли от полицейской погони на угнанном ими же накануне автомобиле. Потом, на уединенной загородной автостоянке, усталые и довольные, они заснули сном праведников. Однако ночью выпал такой глубокий снег, что машина жуликов оказалась в снежном плену. Утром на стоянку пришел бульдозер высвобождать погребенных в снегу автопутешественников. Но едва бульдозерист отгреб снег от автомашины жуликов, как снова

привалил его обратно. И еще подгреб нового, чтобы они не могли даже дверцы открыть. А потом поехал за полицией. Оказалось, что воры именно у него украли автомобиль, на котором осуществили операцию с сигаретами.

А ДОШЛО ЛИ ДО ВИНОВНОГО?

Петушок карликовой породы каждое утро будил на рассвете не по росту мощным «кукареку» не только своего хозяина — скульптора Ансгара Нирхофа, но и всех жителей целого квартала Кёльна (ФРГ). Наконец соседи обратились в суд с жалобой на... петуха. Разбору этого дела было посвящено несколько судебных заседаний. И вот судья вынес решение: запретить петуху кукарекать раньше 7 часов 30 минут утра. Неизвестно лишь, дошло ли это решение до сознания самого нарушителя общественного спокойствия.

И ДО МОЩЕЙ ДОБРАЛИСЬ...

Итальянские воры, специализирующиеся на ограблении храмов и других культовых сооружений, охвачены творческим поиском: чем жить? На что кормиться? Этот «кризис жанра» закономерен: итальянские церкви и монастыри теперь практически очищены от представляющих художественную ценность картин, росписей, распятий или статуэток. Воровать уже нечего. Тогда воры начали пробовать похищать мощи святых. Конечно, не для того, что-

бы сплавить на сторону груды костей и других бранных останков великомучеников: мощи возвращают в раки храмов за приличный выкуп.

Рис. Р. Самойлова.

— Никто эту речку не загрязняет, она здесь берет свое начало...

Цена 60 коп.

Индекс 71075

